ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ

СОЧИНЕНІЕ

С. Буташевской,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

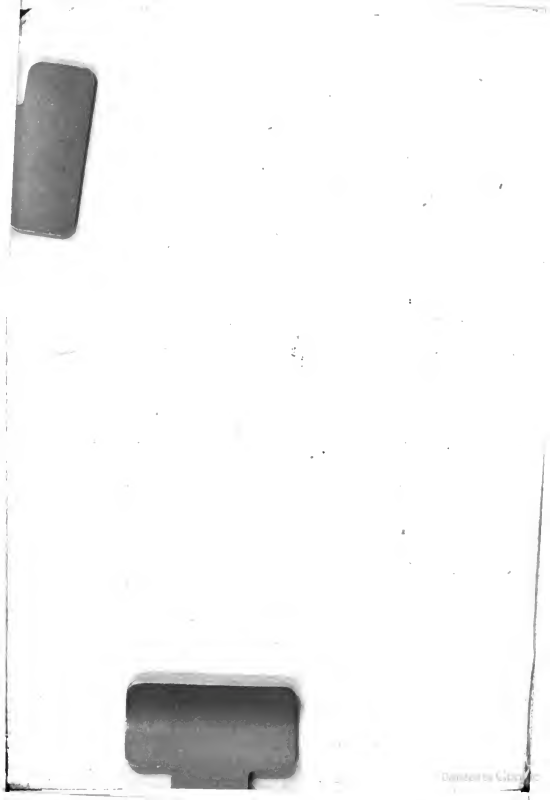
ИЗДАНІЕ

Н. А. Серно-Соловьевича

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.

1862.

RUSSA
BIBLIOTECA

№ 9.

ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ

сочиненіе

С. Буташевской,

съ предисловіемъ **И. С. ТУРГЕНЕВА.**

изданіе

Н. А. Серно-Соловьевича.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.

1862.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. Сентября 10 дня, 1862 г.
Цензоръ Бекетовъ.

Недостатокъ у насъ хорошихъ книгъ для дѣтей чувствуется давно и, такъ сказать, вошелъ въ пословицу. Еще покойный Бѣлинскій глубоко скорбѣлъ объ этомъ недостаткѣ и не разъ высказывалъ свою скорбь. Со времени его кончины прошло двѣнадцать лѣтъ слишкомъ — и, не смотря на множество статей, появившихся по вопросу воспитанія, не смотря на возникшія новыя учрежденія, предпріятія, спеціальныя изданія, — наша дѣтская литература едва ли стала богаче. Всякій родитель по прежнему находится въ большомъ затрудненіи, когда ему вздумается пріобрѣсти умно составленную и полезную книгу для своихъ дѣтей.

Дѣло въ томъ, что хорошо писать для дѣтей — очень трудно. Тутъ требуется не одно добросовѣстное изученіе предмета, не одно терпѣніе, на которое мы, впрочемъ, тоже не большіе мастера, не одно знаніе человѣческаго сердца вообще и дѣтскаго въ особенности,

не одно умѣнье наконецъ разсказывать просто и ясно, безъ приторности и пошлости,—тутъ, сверхъ всего этого, требуется высокая степень нравственнаго и общественнаго развитія, до которой мы едва ли доросли.—Пользоватся одними сокровищами иностранныхъ литературъ, пробавляться однѣми переводными книгами — тоже невозможно. Русскимъ дѣтямъ нужны русскія книги. А потому нельзя не привѣтствовать и не поощрять всякую новую и дѣльную попытку пробить наконецъ эту неподвижную стѣну, проторить дорожку въ этой заглохшей пустынѣ.

Намъ кажется, что книжка г-жи Буташевской можетъ быть причислена къ разряду подобныхъ попытокъ—и соединяетъ въ себѣ значительную часть достоинствъ, которыя мы въ правѣ требовать отъ сочиненія, назначеннаго для дѣтей. Мы позволяемъ себѣ рекомендовать «Дневникъ Дѣвочки» родителямъ и наставникамъ. Мысль, которая положена въ основаніи книги г-жи Буташевской, и которая состоитъ въ томъ, чтобы, направляя вниманіе дѣтей на окружающіе ихъ знакомые предметы—посредствомъ изученія этихъ самыхъ предметовъ открывать имъ постепенно весь тотъ міръ, въ которомъ они живутъ— эта мысль вѣрна и правдива — и едва ли не въ первый

разъ—съ такой полнотой и отчетливостью—примѣняется у насъ.—Проведенная въ цѣломъ ряду живыхъ образовъ — систематически, но безъ педантизма — она можетъ дать обильные плоды. Тутъ есть и занимательность и почти неистощимое богатство фактовъ, и здравый, ненатянутый реализмъ, и въ то же время есть новость, необходимая для юнаго, впечатлительнаго воображенія, есть даже таинственность, тѣмъ болѣе заманчивая, что она является неожиданно, по поводу вещей, повидимому самыхъ обыденныхъ. Все что мы мало знаемъ — облечено тайной — и ничего мы не знаемъ такъ мало, какъ именно то̀, что̀ у насъ безпрестанно передъ глазами.—Какія любопытныя открытія можно дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ на каждомъ шагу и какъ бы слѣдя за нимъ! Точка отправленія находится вездѣ, а кругъ изысканія расширяется въ безконечность. Размышленіе возбуждается къ дѣятельности, жажда новыхъ ощущеній удовлетворяется самымъ законнымъ образомъ, безъ фантастичности, часто болѣзненной; великое значеніе науки незамѣтно и свободно признается молодыми умами.—Они дѣйствительно *научаются.*

Мы считаемъ излишнимъ распространяться о прочихъ качествахъ труда г-жи Буташевской. Читатели оцѣнятъ

ихъ безъ нашего указанія, такъ же какъ они оцѣнятъ и прекрасный языкъ, которымъ пишетъ сочинительница.

Мы считали бы себя счастливыми, если бы немногія слова, которыми мы сопровождаемъ появленіе «Дневника Дѣвочки», обратили вниманіе публики на это полезное и у насъ еще новое предпріятіе.

Ив. Тургеневъ.

ПЛЕМЯННИЦАМЪ МОИМЪ

САШѢ А—ВОЙ и ВѢРОЧКѢ О—СКОЙ.

У одной очень умной и доброй дѣвочки была хорошая привычка вести свой дневникъ, и она часто читала мнѣ изъ него разные отрывки, прося иногда поправить ей кое что, измѣнить или дополнить. Съ величайшимъ удовольствіемъ помогала я ей, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для нее было трудно передать своимъ дѣтскимъ, еще не выработавшимся языкомъ слышанные отъ другихъ разсказы.

Когда моя маленькая пріятельница окончила первую часть своего дневника, я просила позволить мнѣ напечатать его для васъ, мои милыя племянницы Саша и Вѣрочка.

— «Я согласна, отвѣчала она, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ и племянницы ваши, прочитавъ мой дневникъ, начали записывать все, что имъ пока-

жется занимательнымъ, чтобъ и я, въ свою очередь, могла знать что дѣлаютъ и какъ живутъ на свѣтѣ другіе дѣти, мои ровесницы и ровесники».

Исполняя волю моей маленькой пріятельницы, я передаю ея желаніе не только племянницамъ моимъ, но и всѣмъ дѣтямъ, которымъ случится читать эту книжку. Дѣйствительно,это было бы очень полезное дѣло, если бы дѣти, подъ руководствомъ своихъ матерей, по примѣру моей маленькой пріятельницы, записывали свои впечатлѣнія. Такимъ образомъ у васъ, милые дѣти, составилась бы со временемъ своя библіотека и вы, собираясь вмѣстѣ, сообщали бы другъ другу событія своей дѣтской жизни, придавая имъ форму какой нибудь игры, въ родѣ той, которую вы найдете въ этой книжечкѣ. — Увѣряю васъ, — подобные дневники были бы занимательнѣе всякихъ сказокъ, до которыхъ вы всѣ вообще такія охотницы.

И такъ, милыя племянницы мои, и всѣ знакомые и не знакомые мнѣ дѣточки, — прочтите эту книжку,— и если она вамъ понравится, то я напечатаю и вторую часть дневника моей маленькой пріятельницы.

С. Буташевская.

Апрѣля 24-го.
1862.

ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ.

Вторникъ, 4 мая.

Сегодня день моего рожденія. Мама подарила мнѣ отличный портфель, а въ немъ, — чего только нѣтъ въ немъ! Перья, карандаши, конверты большіе и маленькіе, облатки, а бумага какая! Все разноцвѣтная, — зеленая, розовая, желтая, — бѣлой меньше всего. Я взяла да и сшила тетрадку изъ этой бумаги, — показала ее мамѣ.

— Чтожъ ты будешь дѣлать съ этой хорошенькой тетрадкой? спросила она.

— И сама не знаю, милая мамочка, отвѣчала я,— жаль что рисовать не умѣю, — въ этой тетрадочкѣ у меня были бы картинки, разныя картинки; я нарисовала бы тутъ все что вижу.... домъ нашъ, кошку мурлышку, курочекъ моихъ, цвѣты,—ахъ мама! я тебя бы нарисовала, — прежде всего тебя!

— Рисовать ты еще не выучилась, говорила мама, но ты уже можешь описать все что хочешь, словами можно представить какую угодно картину, и курочекъ твоихъ, и кошку мурлышку, стоитъ только разсказать какая она, какая на ней шерстка, какъ смѣшно играетъ она со щенкомъ, какъ подкарауливаетъ мышку — и выйдетъ мурлышка какъ живая. И обо мнѣ можешь писать все что хочешь, — о чемъ мы иногда говоримъ съ тобой, что дѣлаемъ, какъ ходимъ гулять — рѣшительно все.

— Я думаю это трудно, мама?

— Какъ тебѣ сказать? И трудно, и нѣтъ! Для людей лѣнивыхъ все трудно, а прилежный и работаетъ съ удовольствіемъ. Когда я была маленькой дѣвочкой, я записывала все, что меня занимало: мнѣ пріятно было думать и писать о тѣхъ, кого я любила. Тетрадка эта потерялась, но я дорого бы дала теперь за то чтобы имѣть ее, — какъ весело было бы мнѣ читать ее вмѣстѣ съ тобою!... О, никогда не перестану жалѣть объ этой потерѣ!...

— А если я, вмѣсто твоей потерянной тетрадочки, напишу тебѣ другую? то ты перестанешь жалѣть, мама?

— Да, моя добрая Вѣра, такая тетрадочка, гдѣ я, какъ въ зеркалѣ буду видѣть тебя, твой каждодневный трудъ, который ты готова принять на себя изъ любви ко мнѣ,—не только замѣнитъ мою потерю, но будетъ моимъ постояннымъ утѣшеніемъ.

— Ну мама, такъ это рѣшено! Сегодня день моего рожденія — и прекрасно! Начну сегодня же записывать въ мою прелестную тетрадочку все, что покажется мнѣ занимательнымъ.

— Ты будешь вести свой дневникъ? спросила мама.

— Дневникъ?... что это такое?...

— Дневникъ значитъ каждодневное описаніе всего того, что было, что случилось въ продолженіи дня.

— А по много ли я должна писать каждый день въ свой дневникъ?

— Иногда двѣ строки, отвѣчала мама, а иногда десять, двадцать, — это уже будетъ зависѣть отъ твоей воли,—сколько захочешь, столько и напишешь.

— А если я напишу дурно, не такъ какъ надо, — ты поправишь мнѣ, мама?

— Съ удовольствіемъ. Не только поправлю, а буду помогать тебѣ, если будетъ нужно.

— Такъ я сейчасъ же пойду напишу что нибудь, а потомъ принесу показать — хорошо?... Прощай мама, голубка моя!—И поцѣловавъ мамашу, я убѣжала въ свою комнату.

Сѣла у столика, разложила свой новый портфель, очинила карандашъ, тетрадочка передо мною, — надо писать. О чемъ же я стану писать? Что? Какъ что? Да сейчасъ же напишу все то, о чемъ мы только что говорили съ мамой. —

Написала и довольно,—пусть это будетъ началомъ моего дневника, а завтра увидимъ!...

Среда, 5 мая.

У меня есть папа и мама. Мы живемъ въ прекрасномъ домѣ, на дачѣ, недалеко отъ Петербурга. Веселый нашъ домъ,—столовая такая большая, большая, большая, — ужъ есть гдѣ побѣгать! Однажды я разбѣжалась, да со всего размаху — бацъ! въ дверь папинаго кабинета,—дверь растворилась и я влетѣла да и упала нарединѣ комнаты,—а у папы было множество гостей.... ну да объ этомъ послѣ! А какой у насъ садъ! тамъ у меня есть своя грядочка, гдѣ я насадила разныя разности,—цвѣты, морковь, горохъ, и клубника есть,—такая красная, вкусная бываетъ. Папа подарилъ мнѣ цѣлую березовую аллею. Любимое мое дерево—береза; листочки на ней мелкіе, свѣтлозеленые, шевелятся при малѣйшемъ вѣтеркѣ и все будто шепчутся о чемъ-то, и стволъ у березы бѣлый, точно въ бѣлыя платьица нарядились мои березки и стоятъ рядкомъ такія веселенькія, чистенькія. Господи! какъ хорошо бываетъ утромъ, въ лѣтнюю пору! Встану, одѣнусь, поздороваюсь съ папой и мамой, выйду въ садъ. Солнце свѣтитъ; ласточки, воробушки летаютъ, чирикаютъ: «намъ весело, намъ хорошо»! кричатъ они всѣ вмѣстѣ. Тамъ бабочка, точно яркій цвѣтокъ сорвался со стебелька и ле-

титъ, летитъ.... погонишься за ней, а тутъ на травкѣ, глядишь, ползетъ жукъ, а самъ блеститъ какъ золото. Куда онъ ползетъ? зачѣмъ? Надо подкараулить. Начнешь жука подкарауливать — муравьи вышли на работу, тянутся вереницей, а тамъ прыгаютъ и чичикаютъ стрекозы, слизнякъ ползетъ и домъ свой, ракушку тащитъ на себѣ, а мухи, мошки такъ и жужжатъ. Изъ садика бѣгу на птичій дворъ, но только сначала насыплю въ фартучекъ корму, да такъ ужъ и отправляюсь. Какъ только приду и закричу: «цыпъ, цыпъ, цыпъ!» и набѣжатъ со всѣхъ сторонъ куры, утки, обступятъ меня,—сяду среди нихъ, такъ заберутся ко мнѣ на колѣни. А пѣтухъ прибѣжитъ прежде всѣхъ и начнетъ кричать, сзывать куръ, да какой добрый, сначала самъ не ѣстъ, а только разбрасываетъ ногами зернышки, чтобъ видѣли его куры, да кушали бы на здоровье. Голубей налетитъ, — точно бѣлые комочки снѣгу такъ и посыплятся!...

Ахъ, слышу мама зоветъ меня.—Сей часъ иду! иду!....

Пятница, 7 мая.

Есть у меня птичка канареечка. Ужъ какъ я люблю ее,—это подруга моя! Клѣточка ея виситъ надъ кроваткой моей, и виситъ она тутъ съ того дня какъ я родилась на свѣтъ. — Мама говорила, что когда я была маленькая, то я всегда засыпа-

ла подъ тихую пѣсенку моей няни, а утромъ, какъ бы рано ни проснулась, музыкантъ мой въ своей клѣткѣ уже поетъ, и я долго бывало лежу въ кроваткѣ, слушаю и смотрю на мою желтенькую попрыгунью. Благодаря этой канарейкѣ, я, говорятъ, никогда не плакала когда просыпалась, какъ это бываетъ съ другими маленькими дѣтьми и могла спать спокойно, не смотря на шумъ и говоръ, и при томъ канареечка заглушала своимъ громкимъ чириканьемъ всякій стукъ, который могъ бы меня испугать. Мама для этого и повѣсила птичку надъ моею колыбелью.

Каждый день, какъ встану, первое дѣло — вычистить клѣтку, насыпать корму, свѣжей воды налить въ баночку, — вотъ птичкѣ моей и хорошо! Я знаю, что стоитъ только одинъ день не давать корму птичкѣ, она умретъ съ голоду. Въ птичьемъ желудочкѣ пища переваривается очень скоро, — это я прочитала въ одной книжкѣ, а потому знаю. Мама говоритъ, что если мы хотимъ имѣть у себя птичку, рыбку или другое какое нибудь животное, то прежде мы должны потрудиться изучить его прежнюю, природную жизнь, чтобы не подвергать страданіямъ живое существо изъ своей прихоти и невѣжества.

Одной маленькой дѣвочкѣ вздумалось посадить пойманную птичку подъ стаканъ, чтобъ лучше разсмотрѣть ее; птичка умерла въ одну минуту.

Отчего? Оттого, что дѣвочка эта не знала, что птички не могутъ жить безъ воздуха.

И съ рыбками бываетъ тоже самое: забудешь перемѣнить имъ воду — онѣ и умрутъ. А цвѣты? И они требуютъ ухода и умѣнья. Не поливай ихъ, что съ ними будетъ?—и полить то надо во время. Я читала въ моей книжкѣ, что никогда не надо поливать цвѣты въ то время какъ солнце ихъ грѣетъ, тогда листочки, утомленные жаромъ, не имѣютъ силы разливать всасываемую воду ровно по всему растенію.

Но что за шумъ слышу я на дворѣ? барабанъ, музыка?... а, это фокусникъ разставляетъ свои ширмы, хочетъ представить кукольную комедію. Дѣтей то сколько набѣжало! пойду посмотрѣть и я. —

Воскресенье, 9 мая.

Мы съ мамой часто ловимъ разныхъ бабочекъ, жучковъ, червячковъ, кладемъ въ стеклянную коробочку и разсматриваемъ ихъ потомъ въ микроскопъ

Микроскопъ это увеличительныя стекла, вставленныя въ трубку. Поймаешь муху, посадишь ее подъ микроскопъ, муха показывается такой большой какъ тараканъ, а тараканъ сдѣлается величиной въ яйцо.—Весело смотрѣть въ микроскопъ! Сегодня мама принесла въ рюмочкѣ немного воды, да и говоритъ:

—Посмотри-ка, Вѣрочка, не видишь ли чего нибудь въ этой водѣ?

—Ничего не вижу, мамочка, отвѣчала я, это чистая, прозрачная вода.

—Знаешь ли, что въ этомъ глоткѣ воды живутъ тысячи разныхъ маленькихъ животныхъ? сказала мама.

—О, этого быть не можетъ, мама, вѣдь вотъ я смотрю; а ничего не вижу?

—А посмотри въ микроскопъ, такъ и увидишь, замѣтила мама.

Я придвинула рюмку съ водой къ микроскопу и стала смотрѣть. Боже ты мой! что я тамъ увидала! Въ этихъ нѣсколькихъ капляхъ воды бѣгали, вертѣлись — то проворно, то медленно — пропасть крошечныхъ животныхъ,—иныя кругленькія какъ шарики съ однимъ длиннымъ усомъ, другія съ рогами, съ хвостомъ; у однѣхъ все тѣло усажено колючками какъ у ежа, другія походили на цвѣточки. А это что за малиновое животное? То остановится, то завертится, да такъ весело, такъ проворно! Мама говоритъ, что оно называется завитокъ-вертушка. Какая же смѣшная эта вертушка, ужъ я посмѣялась надъ ней!

Четвергъ, 13 мая.

Папа мой — докторъ. Почти цѣлый день онъ ѣздитъ, все больныхъ навѣщаетъ. По утрамъ, какъ

встаетъ, къ нему приходитъ много, много больныхъ,—работники, мужики, женщины съ дѣтьми, и все только самые бѣдные, такіе, которымъ не на что купить себѣ лекарства. А у папы есть своя аптека,—такой большой, красивый сундучекъ съ перегородочками, въ которыхъ помѣщаются большіе и маленькіе пузырьки и разныя разности. Изъ этихъ вещей папа приготовляетъ лекарства для бѣдныхъ больныхъ: одному пластырь, другому капли, третьему мазь,—и піявки, у насъ ихъ цѣлая, огромная банка. Я часто смотрю какъ папа приставляетъ ихъ какому нибудь больному,—для этого у насъ есть особая комната называемая лазаретной. Я иногда даже помогаю папѣ: то воды принесу, или чашечку, или блюдечко, — все что онъ прикажетъ; и папа говоритъ, что никто лучше меня не умѣетъ ему услужить въ такихъ случаяхъ. Онъ иногда позволяетъ мнѣ даже намазать пластырь на тряпочку, который онъ потомъ прикладываетъ больному, а я сейчасъ же должна вынуть изъ шкафа бинтъ и подать его папѣ.

Я помню, пришла къ намъ однажды больная женщина, и лежала въ нашей лазаретной четыре дня. Въ продолженіе этого времени я должна была три раза въ день поить ее какой то травой.— Арина, ключница наша, принесетъ бывало самоваръ и уйдетъ, — я насыплю въ чайникъ три ложечки травы, залью горячей водой, дамъ немного

настояться, и пою потомъ мою больную. Никогда не забуду какъ она меня полюбила! Какъ поднесу ей бывало этой травки —

— Не обожги рученьки свои, благодатное ты мое дитятко, говорила она, много еще добра онѣ сдѣлаютъ, много!

А иногда спроситъ:

— Чай тебѣ скучно сидѣть со мною? иди, голубка моя, поиграй, побѣгай. —

— Нѣтъ, мнѣ не скучно, тетушка, отвѣчу ей, — я люблю ходить за больными.

А она посмотритъ на меня такъ нѣжно, улыбнется и скажетъ:

— Дитя Господне! съ тобой и болѣзнь не тяжка! безъ тебя, безъ твоего отца, я можетъ умерла бы давно, и пятеро дѣтей остались бы сиротами. Какъ выздоровлю приведу къ тебѣ моихъ дѣтокъ. Охъ, сердечные!.. что они теперь дѣлаютъ безъ меня!....

— Скажи, тетушка, гдѣ они живутъ, я схожу и приведу ихъ къ тебѣ, сказала я ей какъ то разъ.

— Охъ, родимое ты мое дитятко! отвѣчала она, далеко они живутъ отсюда, не дойдутъ твои ноженьки. Я пришла сюда на недѣлю, а вотъ, Богъ попустилъ заболѣть.

Когда эта добрая женщина поправилась и захотѣла идти домой,—папа далъ ей еще какихъ то лекарствъ и велѣлъ принимать три недѣли, и если

лучше не будетъ, то сказалъ, чтобъ опять приходила. Но болѣе ужъ я ее не видала; вѣрно выздоровѣла совсѣмъ. — А какъ я полюбила мою больную, — никогда ее не забуду, хоть и не знаю какъ ее зовутъ, — забыла спросить объ этомъ.

Воскресенье, 16 мая.

За окномъ маминой комнаты придѣланъ небольшой ящикъ. Каждое утро она бросаетъ туда свѣжую булку и всѣ куски, остающіеся отъ обѣда.

—Для чего ты кладешь туда, мама, этотъ хлѣбъ и куда онъ потомъ пропадаетъ? спросила я.

—Я и сама не знаю, отвѣчала мама, куда онъ пропадаетъ; если тебя это занимаетъ, то постарайся какъ нибудь разузнать.

—Но съ какою цѣлью ты это дѣлаешь?

—Ты знаешь, Вѣрочка, что вездѣ есть много бѣдныхъ людей, которые не въ состояніи прокормить себя. Можетъ быть, какой нибудь бѣднякъ, проходя мимо нашего дома, радъ будетъ найти кусокъ хлѣба, чтобъ утолить свой голодъ.

—Да вѣрно, мама, уже и есть такіе бѣдные, которые приходятъ брать этотъ хлѣбъ? Вѣдь ты кладешь свѣжій каждое утро, куда же дѣвается вчерашній?

—Мнѣ нѣкогда, моя милая, слѣдить за этимъ. Вѣрно хлѣбъ нуженъ тому, кто его беретъ.

Вотъ что сказала мнѣ мама. Странно! она почти

цѣлый день не выходитъ изъ этой комнаты. Впрочемъ она такъ занята, и притомъ ее можетъ быть это не интересуетъ? За то меня это очень, очень интересуетъ, и ужъ я этотъ секретъ открою! подкараулю у окна — вотъ и все!

Вчера, прогуливаясь въ паркѣ мы нашли на дорогѣ небольшую булку. Мама подняла ее (она очень уважаетъ хлѣбъ и не велитъ мнѣ никогда бросать крошки на полъ) и положила подъ дерево, возлѣ одной хорошенькой бесѣдки. Возвращаясь домой, мы увидали множество воробьевъ, которые усердно хлопотали, пощипывая своими востренькими носиками положенный нами хлѣбъ. При нашемъ приближенiи, воробушки вспорхнули, перенеслись на дерево и радостно чирикали, какъ будто благодарили насъ, что покушали такъ хорошо. Мы сѣли въ бесѣдкѣ.

— Мама, еслибъ этотъ хлѣбъ могъ понимать что нибудь, сказала я, то онъ вѣрно захотѣлъ бы лучше достаться человѣку, чѣмъ птичкамъ?

— Да, если бы этотъ хлѣбъ, отвѣчала мама, могъ понимать, чувствовать и говорить, то онъ разсказалъ бы намъ исторiю своей жизни; и тебѣ такъ прiятно было бы слушать его, что ты и не отошла бы отъ него.

— Какая же исторiя можетъ быть у кусочка хлѣба? Сегодня утромъ его испекли въ какой нибудь булочной — вотъ и все!

— Нѣтъ не все, возразила мама. Вообрази себѣ, что я превратилась въ этотъ хлѣбъ и хочу разсказать тебѣ свою исторію.

— Ахъ, мамочка, какъ ты отлично придумала! Я очень люблю, когда ты что нибудь разсказываешь. Ну, мой добренькій кусочекъ хлѣбца, разскажи мнѣ свою сказочку, съ радостію буду тебя слушать.

— Я, кусочекъ хлѣба, начала мама, былъ прежде маленькимъ пшеничнымъ зернышкомъ. — Зернышко это, вмѣстѣ съ другими такими же зернышками, лежало въ амбарѣ у однаго мужичка. Въ одинъ прекрасный, весенній день, мужичекъ, хозяинъ нашъ, всыпалъ насъ всѣхъ въ мѣшокъ, и черезъ нѣсколько времени я и товарищи мои очутились подъ открытымъ небомъ въ полѣ, на зеленой травкѣ. Сквозь скважины нашего мѣшка проникалъ весенній воздухъ, солнышко пригрѣвало насъ, и какъ хотѣлось намъ вырваться поскорѣе изъ скучной темницы нашей, подышать воздухомъ, полюбоваться на міръ Божій! Вскорѣ мы почувствовали, что мѣшокъ развязываютъ — Боже, какая радость! Но радость эта была мгновенна.... я и тысячи моихъ братьевъ вдругъ очутились въ совершенной темнотѣ. Что то тяжелое, холодное, сырое давило насъ.... Мы были въ землѣ, въ этой могилѣ, гдѣ должно было совершиться наше первое превращеніе.

Лишенный воздуха и свѣта, я принужденъ былъ, чтобъ выйти изъ моего тягостнаго положенія, начать тяжелую работу, — а между тѣмъ, я слышалъ какъ тамъ надо мной пѣли жаворонки, жужжали насѣкомыя, шумѣли деревья.... Но вѣдь и они не все же поютъ и веселятся, и они, я думаю, работаютъ въ свое время, сказалъ я себѣ въ утѣшенье, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавъ усиліе, началъ сосать изъ земли самые лучшіе соки. Вдругъ я почувствовалъ ужасную боль, мнѣ казалось, что я умираю; ничуть не бывало, я только превращался въ новое существо. Изъ груди моей пробился маленькій, едва замѣтный стебелекъ. О, какъ я былъ счастливъ! работа моя, труды мои не пропали даромъ! Стебелекъ этотъ былъ дитя мое; я его создалъ, и во что бы то ни стало надо спасти его. Во первыхъ необходимо было прикрѣпить его сначала къ землѣ, чтобъ онъ могъ питаться ея соками, для этого я отростилъ подъ нимъ корешки на подобіе всасывающихъ трубочекъ; во вторыхъ для него нужна была теплота солнечныхъ лучей, а для того мнѣ надо было приподнять, хоть немного, прикрывающій насъ слой земли. Послѣ тяжкихъ и долгихъ трудовъ, мнѣ удалось наконецъ достичь воздуха и свѣта. Ахъ, это былъ чудный, счастливый день! Я сталъ рости, — мой стебелекъ покрылся листьями; потомъ началъ образовываться мой колосъ, появились на немъ

маленькіе, нѣжные цвѣточки, которые потомъ превратились въ семейство зернышекъ, точно такихъ какимъ я былъ сначала. У людей такое зерно называется пшеницей.

Прекрасное, счастливое время моей жизни, какъ о тебѣ не вспомнить! Лучи солнышка ласкали, согрѣвали меня, съ какимъ наслажденіемъ я дышалъ ароматнымъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ; бабочки, жуки, пчелки и разныя мушки садились мнѣ на головку и покачивались на моемъ стеблѣ. Мужичекъ, тотъ самый что меня посѣялъ, часто приходилъ къ намъ на полѣ съ женой и дѣтьми и избавлялъ меня отъ разныхъ дрянныхъ травъ, которыя, опутывая мой стебель, мѣшали мнѣ рости. Подобныя травы называются паразитами; впрочемъ они есть и между животными, даже и между людьми есть свои паразиты, но это объяснитъ вамъ кто нибудь другой, а я обращусь къ своей исторіи.... Съ гордостію качался мой стебель, зрѣя и наливаясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, — ахъ! я тогда не зналъ что меня ожидало!

Однажды утромъ рано, рано, мужичекъ мой пришелъ ко мнѣ, онъ держалъ въ рукахъ изогнутый кусокъ желѣза, называемый серпомъ. Что онъ хотѣлъ дѣлать — я не могъ понять; впрочемъ недоумѣніе мое продолжалось не долго: товарищи мои попадали вокругъ меня подъ ударами серпа, и вскорѣ дошла очередь и до меня.... я упалъ на

землю, скошенный серпомъ, и былъ въ отчаяніи. Какъ вдругъ сосѣдній колосъ сказалъ мнѣ тихонько: «успокойся, мы не умремъ, а только переродимся на ново!...» Но мужичекъ не далъ ему кончить и сталъ собирать въ снопы наши золотистые колосья. Съ испугу я запрятался подъ солому, да такъ хорошо, что хозяинъ меня не замѣтилъ и оставилъ на жатвѣ.

На другой день поутру, мужичекъ мой снова собиралъ оставшіеся колосья. Онъ казался такимъ утомленнымъ отъ вчерашнихъ трудовъ, и мнѣ такъ сдѣлалось его жаль, что я приподнялъ мою золотистую головку и съ удовольствіемъ отдался въ его руки.

Связавъ въ снопы онъ отвезъ насъ на какую то ригу, — высушилъ, и потомъ бросилъ насъ подъ ноги лошадямъ, которые немилосердно начали насъ топтать. — Это у людей называется молотьбой. Но иногда молотятъ еще толстыми палками навязанными на другія палки, — такой снарядъ называютъ цѣпами, а мѣсто гдѣ молотятъ — гумномъ.

Съ большимъ прискорбіемъ смотрѣлъ я, какъ мои пшеничныя зернышки, мои прекрасные бѣлокурыя дѣтки разсѣялись въ разныя стороны. По окончаніи этой работы, насъ собрали очень тщательно, всыпали въ мѣшки и перевезли на мельницу. Тутъ мы подверглись невыразимымъ муче-

ніямъ. Огромные камни, называемые **жерновами**, своею ужасною тяжестію истолкли насъ въ мельчайшую муку, — эту муку всыпали потомъ въ рѣшета и просѣяли, чтобъ отдѣлить отруби или шелуху, оставшуюся отъ зерна. Сколько трудовъ и сколько рукъ надо было для всей этой работы! Вспахать землю, посѣять зернышко, взростить его, потомъ сжать, высушить, вымолотить, смолоть. И сколько люди должны были думать, учиться, прежде чѣмъ узнали какъ надо сдѣлать соху, серпъ, какъ устроить мельницу.

Но повѣришь ли ты, моя милая Вѣрочка, что всѣ эти пытки и страданія, чрезъ которыя я перешелъ, не только не принесли мнѣ ни малѣйшаго вреда, но удвоили во мнѣ и жизнь, и силу,— и я, крохотная мучная пылинка, понялъ тогда, что въ трудѣ заключается вся ваша сила и разумъ!

Но этимъ еще не кончились мои похожденія; я и не подозрѣвалъ, что меня продали въ булочную. Какой то человѣкъ схватилъ насъ своими мощными руками, размѣшалъ въ водѣ и давай бить, да такъ сильно, что превратилъ насъ въ тѣсто. Бѣдный человѣкъ, какъ казалось, страдалъ не менѣе насъ; потъ градомъ катился по его лицу, — онъ кряхтѣлъ, задыхался, но, не смотря на то, былъ доволенъ и веселъ,—онъ понималъ, также какъ и мы, что и мучная пылинка, и человѣкъ, и маленькій муравей,

и огромный левъ — всѣ должны работать и помогать другъ другу.

Когда тѣсто было готово, насъ раздѣлили на кусочки разной величины и формы, — длинненькіе, круглые, большіе и маленькіе, дали намъ немного отдохнуть на столѣ и потомъ посадили въ горячую печь, гдѣ мы превратились въ булки или хлѣбы.

Это было рано утромъ, часу въ девятомъ,—я еще и остыть не успѣлъ, какъ меня отнесли въ одинъ богатый домъ. Маленькій ребенокъ завладѣлъ мной, и не понимая какого безпокойства и труда стоилъ я людямъ, — бросилъ меня на томъ мѣстѣ, гдѣ ты, добрая дѣвочка, подняла меня.

Я не знаю, что еще будетъ со мною? Но что бы ни случилось, хотя бы я превратился въ самую незамѣтную крошечку, — моя жизнь и тогда будетъ имѣть значеніе. Я былъ то зерномъ, то колосомъ, то мукой, и чтобы сдѣлаться хлѣбомъ, самой нужнѣйшей пищей человѣка, — я перешелъ чрезъ большія страданія, — но не жалуюсь на судьбу, — напротивъ, доволенъ тѣмъ, что могу для всѣхъ быть полезнымъ. Сегодня я накормилъ ребенка и птичекъ, а завтра, можетъ быть, и еще кого нибудь. — Вотъ и конецъ моей исторіи.

— О, милая мама, какъ я буду любить теперь хлѣбъ! ни одной крошечки не брошу на полъ.

— А мужичка, а булочника, которые трудятся,

работаютъ, чтобъ сдѣлать этотъ хлѣбъ здоровой и вкусной пищей — развѣ любить не будешь?

— Не только мужичка и булочника, — даже запачканнаго трубочиста буду любить, — вѣдь и онъ работаетъ, мама?

— Люби ихъ, милая моя Вѣра, говорила мама, каждый трудящійся человѣкъ, что бы онъ ни дѣлалъ — рубитъ ли онъ дрова или возитъ воду — достоинъ уваженія, ибо приноситъ пользу тому обществу, среди котораго онъ живетъ. И всѣ мы живемъ для того, чтобъ думать и заботиться другъ о другѣ, — и о насъ думали и заботились тѣ, которые жили прежде насъ, — этихъ людей уже нѣтъ, но память о нихъ осталась во всемъ, на что мы ни взглянемъ, и всѣми удобствами жизни нашей мы обязаны ихъ любви и труду. Не думай человѣкъ, не учись, да не работай, такъ мы съ тобой жили бы теперь въ какой нибудь землянкѣ, и не было бы у насъ ни мебели, ни зеркалъ, ни картинъ, ни книгъ, а были бы мы вѣчными дикарями.

Но пора идти домой, папа уже ждетъ насъ, я думаю.

Возвратясь домой, я положила найденный нами хлѣбъ за окно, въ ящикъ. Кто-то его возметъ — увидимъ! а ужъ я подкараулю.

Вторникъ, 18 мая.

И вчера, и сегодня вставала рано, рано; вскочу съ постели, накину что нибудь на себя и бѣгу къ окну посмотрѣть, вынутъ хлѣбъ изъ ящика или нѣтъ? Ящикъ пустъ — и я опять ничего не знаю. Кого же это кормитъ мама? Что за люди такіе? И когда успѣваютъ они взять этотъ хлѣбъ? Ахъ, какъ хочется мнѣ увидать ихъ! Но какъ это устроить? два дня караулю и все по напрасну.... А! прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову, — такъ и сдѣлаю: завтра попрошу Арину разбудить меня, — Арина говоритъ, что въ цѣломъ городѣ ранѣе ея никто не встаетъ.

Среда, 19 мая.

Вотъ что было сегодня: Арина разбудила меня чуть свѣтъ, — я накинула свой бурнусъ, подбѣжала къ окну — о радость! хлѣбъ тутъ, не вынутъ!... ну вотъ теперь такъ ужъ, подкараулю, — и сѣла у окна.

Мнѣ ужасно хотѣлось спать, я облокотилась на столъ и дремала. Вдругъ, слышу, что то застучало, — я вздрогнула, и приподнявъ не много занавѣску, смотрю — а это моя кошка мурлышка растянулась на ящикѣ и, просунувъ сквозь рѣшетку свою лапку, хочетъ достать кусокъ жаркого, который лежалъ тамъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ. «Брысь!

брысь мурлышка! закричала я на нее, — кошка спрыгнула и была такова! Опять жду, — что то будетъ, а сонъ такъ и моритъ, сижу да дремлю... Но вотъ, слышу, опять что то такое стукнуло; выглянула, — противная ворона прыгаетъ на ящикѣ и тоже суетъ свой гадкій носъ въ рѣшетку, — жаркого ей хочется, — вишь лакомка какая! да коротокъ твой носъ, голубушка, не достанешь! а лучше каркни-ка во все воронье горло—да и маршъ въ гнѣздо! а мнѣ тебя не надо, вѣдь я не лиса. «Кшъ! кшъ!» закричала я на ворону, махнувъ занавѣской, — ворона улетѣла, а я осталась непричемъ. Дремлю, силъ нѣтъ, — пойду спать, — и хотѣла уже идти, какъ вдругъ слышу, кто то открываетъ ящикъ, и говоритъ:

— Ахъ бабушка, сколько тутъ хлѣба! И мясо есть, посмотри-ка!

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Да благословитъ Господь Богъ этотъ домъ и живущихъ въ немъ, и да поможетъ онъ имъ во всемъ такъ, какъ они помогаютъ намъ бѣднымъ.

У меня сердце такъ забилось, и такъ я боялась, чтобы они меня не замѣтили, что сначала я не могла рѣшиться приподнять занавѣску. Но любопытство превозмогло, я заглянула — и что же я увидала... Боже мой! Старушка въ лохмотьяхъ стояла у ящика и своими дрожащими руками дер-

жала мѣшокъ. Изъ подъ платка, которымъ была прикрыта голова, опускались на ея печальное, но доброе лице желтовато-бѣлые волосы.... Но чтожъ это значитъ? она не смотритъ, глаза ея закрыты? Боже мой, она слѣпа!...

Маленькая дѣвочка вынимала изъ ящика хлѣбъ и бросала его въ мѣшокъ. Какая милая дѣвочка! личико у ней веселенькое, доброе; и одѣта она очень бѣдно, маленькія ножки ея — босы. Какъ это она ходитъ по землѣ, по камнямъ, — я думаю больно бѣдняжкѣ. Руки ея и шея загорѣли отъ солнца, бѣлокурые волосы вьются локонами, головка причесана гладко. Но вотъ она говоритъ, — послушаю.

— Бабушка, присядь, отдохни, тутъ и скамеечка есть, — да постой, не упади, я подведу тебя, — ну, теперь хорошо, садись, сказала дѣвочка, усаживая старушку.

— Милостивые люди обо всемъ подумали, сказала старушка, и скамью-то поставили тутъ. — Хлѣбъ-соль и отдыхъ для бѣднаго, — все есть возлѣ сего святаго дома. Коли-бъ не слѣпота моя, просила-бъ у Господа позволить мнѣ старухѣ поглядѣть на эту добрую барыню.

— У тебя нѣтъ глазъ, бабушка, за то я хорошо вижу, сказала дѣвочка, — можетъ и случится мнѣ увидѣть ее; тутъ противъ ящика есть окно, бабушка, — станемъ по позже ходить сюда

за хлѣбомъ, такъ и увидимъ, а потомъ я ужъ разскажу тебѣ какая она.

Говоря это, дѣвочка взглянула на окно — а я какъ отскочу, да за столъ и спряталась; такая я была глупая, — какъ будто сквозь занавѣски онѣ могли меня видѣть! Но немного погодя, я снова подошла къ окну.

— Пойдемъ домой, сказала старушка, да подѣлимся этимъ хлѣбомъ съ сосѣдкой нашей Авдотьей. А завтра не придемъ уже сюда, — не для насъ однѣхъ положенъ тутъ этотъ хлѣбъ, — пускай и другіе бѣдные люди идутъ къ этому милосердному дому утолить свой голодъ и благословить благодѣтелей своихъ.

Съ этими словами, старушка встала съ лавки и, опираясь на плечо дѣвочки, побрела тихонько домой.

Я заплакала, глядя на нихъ. Боже мой, Боже! Зачѣмъ есть бѣдные люди на свѣтѣ?... подумала я. Въ это время мама вошла въ комнату, и встрѣвожилась, увидя меня въ слезахъ. Я разсказала ей все, что видѣла и слышала.

— Это должно быть очень честные люди, сказала мама, надо сблизиться съ ними. Въ слѣдующій разъ, какъ онѣ придутъ, мы подойдемъ къ окну и познакомимся съ ними.

— Да, мама, сдѣлаемъ такъ: я только что хотѣла тебя просить объ этомъ.

Мама обняла меня, и мы пошли пить чай въ столовую.

Воскресенье, 23 мая.

Три дня прошло; старушка не приходила. Наконецъ сегодня, въ восемь часовъ утра, она явилась. Взявши хлѣбъ, сѣла она съ своей дѣвочкой на скамью. Въ это время мама отворила окно и сказала.

— Здравствуйте, добрые люди!

Дѣвочка встала и поклонилась.

— Кто это здоровается съ нами? спросила старушка.

— Хозяйка этого дома, продолжала мама, благодаритъ тебя, почтенная старушка за то, что приходишь иногда посидѣть на нашей скамеечкѣ.

— Бабушка, сказала дѣвочка, наша добрая барыня стоитъ у окна и говоритъ съ тобой.

— Какъ? благодѣтельница моя говоритъ со мною? сказала старушка дрожащимъ голосомъ. Подними меня, Аня, я хочу встать, поклониться ей.

Аня подала руку, старушка встала тихонько и подошла къ окну, говоря:

— Милостивая барыня, не только отдыхъ находятъ у твоего дома бѣдные люди, но и голодъ свой идемъ утолить къ тебѣ же. Да будетъ надъ тобой благословеніе Господне!

По морщинистому лицу старушки тихо покатились слезы.

— За что ты меня благодаришь, старушка, сказала мама, я ничего для тебя не сдѣлала; но готова помочь тебѣ чѣмъ могу. Прошу тебя, зайди ко мнѣ со своей внучкой, — я буду вамъ очень рада.

— Благодарю васъ, добрая барыня. Аня, веди меня въ сей честной домъ.

Я выбѣжала на встрѣчу нашимъ гостямъ и показала имъ дорогу.

Усадили мы старушку въ покойное кресло и придвинули къ столу. Мама въ это время дѣлала чай. Аня сѣла возлѣ меня.

— Рекомендую тебѣ, милая старушка, дочку мою Вѣрочку, — она кажется будетъ постарше твоей внучки.

— А я, сударыня, прошу васъ и дочку вашу полюбить мою Аню. Она добрая дѣвочка; безъ нея совсѣмъ пропала бы я старуха, — она меня и накормитъ и спать уложитъ; ночью-ли проснусь,—только скажу: «Аня!», а она ужъ и вскочитъ, и пить подастъ; и прикроетъ, коли холодно. Сама ребенокъ, а ходитъ за мной словно мать родная. — Да и то сказать, не она ребенокъ, а я, слѣпая, безпомощная старуха. Господи! какъ мнѣ ея жаль бываетъ!... а что дѣлать? слѣпа, роботать не могу, — вотъ и пришлось жить подаяніемъ.

*

— Гдѣ вы живете? спросила мама.

— Недалеко отсюда, сударыня, отвѣтила Аня; надо идти вдоль по улицѣ, а потомъ повернуть направо и тоже идти прямо, — будетъ большой огородъ, тутъ и избенка наша; стоитъ она особнякомъ, — сейчасъ увидишь.

— А какъ зовутъ твою бабушку, Аня? спрсила я.

— Марфой, — слѣпую Марфу всѣ знаютъ.

Напившись у насъ чаю, старушка встала.

— Ну, мнѣ пора домой, сказала она. Прощай, милостивая барыня! слѣпые очи мои не могутъ тебя видѣть, но въ голосѣ твоемъ слышу и чувствую всю доброту твою.

— Прощай, почтенная Марфа! Завтра утромъ мы сами придемъ къ тебѣ.

— Навѣсти хату нашу, сударыня, — будемъ ожидать.

— Прощай, Аня! сказала я, подойдя къ дѣвочкѣ и цѣлуя её.

— Милая барыня, не гнушаешься ты бѣдностью, сказала старушка, цѣлуешь маленькую нищенку, — поцѣлуй ужъ и меня слѣпую.

— Я подошла и поцѣловала старушку, а она наложила руки на мою голову и произнесла съ важностію:

— Отче нашъ, иже еси на небесахъ! благослови это доброе дитя, — да будетъ оно утѣшеніемъ семьѣ своей.

Мама была тронута до слезъ. — Мы съ Аней взяли подъ руки почтенную Марѳу и свели съ лѣстницы.

Завтра мы пойдемъ къ нимъ, — я очень этому рада.

Понедѣльникъ, 24 мая.

Сегодня мама не совсѣмъ здорова, и мы не можемъ идти къ старушкѣ. — Послали Арину извѣстить ее объ этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Арина понесла ей хлѣба, мяса и крупы.

Ахъ, какая радость! Говорятъ Марья Андреевна прiѣхала къ намъ, и дѣтей своихъ Сашу и Мишу привезла съ собой. Саша такая добрая дѣвочка, съ голубыми глазками и кудрявою головкой; а Миша хоть и рѣзвунъ, но славный мальчикъ, — молодецъ! — носъ у него точно пуговка; смѣшной носикъ, но миленькiй. — Бѣгу ихъ встрѣтить.

Четвергъ, 27 мая.

Марья Андреевна пробудетъ у насъ на дачѣ долго. Въ прошломъ году она нанимала вонъ-этотъ домъ, — вижу его изъ окна. — Домъ этотъ какъ разъ примыкаетъ къ нашему саду. Однажды Миша и Саша забѣжали въ нашъ садъ, — я въ это время была тоже въ саду; увидавъ ихъ, я

подошла къ нимъ и сказала: «будемъ вмѣстѣ играть здѣсь и бѣгать?»—они согласились, и съ того времени мы не разставались цѣлое лѣто. Мама и Марья Андреевна тоже почти всегда были вмѣстѣ. Саша меня зоветъ подругой своей; какъ я люблю мою милую, добрую Сашу! Нельзя ей разсказать никакой печальной сказочки! одинъ разъ я начала было говорить ей басню, какъ стрѣлокъ весной убилъ птичку, а у птички были три птенца, — маленькіе, голенькіе лежали они въ гнѣздышкѣ и ждали свою мать. — Бѣдные сиротки, имъ было холодно, ѣсть хотѣлось.... Саша никогда не могла дослушать до конца этой сказочки, — расплачется: «перестань, Вѣрочка, не говори, — мнѣ очень грустно, жаль бѣдныхъ птичекъ,—разскажи что нибудь другое, веселое.»

А съ Мишей такъ просто бѣда мнѣ, да и только! какъ увидитъ меня, сейчасъ и пристанетъ, и начнетъ просить: «Вѣрочка, сядь возлѣ меня, поговоримъ немножко, разскажи мнѣ что нибудь!» и охватитъ мнѣ шею рученками своими, цѣлуетъ.— Меня такъ и тянетъ играть, бѣгать, но отказать ему не могу; сяду возлѣ него, а онъ и пустится въ разспросы: «Изъ чего сдѣланъ потолокъ? Кто сдѣлалъ зеркало? Отъ чего мы себя видимъ въ зеркалѣ?» Вотъ тутъ поди, отвѣчай ему! Одинъ разъ, помню, — ужасно онъ меня озадачилъ: — играли мы въ саду, — онъ подбѣжалъ ко мнѣ, да

ни съ того, ни съ сего, вдругъ какъ закричитъ мнѣ подъ самымъ ухомъ:

«Отчего курицы — птицы, а не летаютъ, а мухи и бабочки — не птицы, а летаютъ?»

— Отстань Миша! Не знаю я и сама отчего курицы не летаютъ, — закричала я съ досадой.

Потомъ мнѣ было жаль его.

Суббота, 29 мая.

Вчера вечеромъ, во время прогулки, Марья Андреевна разсказала намъ удивительныя вещи о муравьяхъ. — Вотъ какъ это было:

Миша увидалъ прекрасный кустъ розъ и хотѣлъ сорвать одну розу, — но вдругъ остановился и сталъ смотрѣть на что-то съ большимъ вниманiемъ.

— Что это такое? мама, посмотри сюда.

— Это муравьи, развѣ ты не знаешь? отвѣчала Марья Андреевна.

— Да зачѣмъ они тутъ ползаютъ? и о чемъ такъ хлопочутъ? Я не люблю муравьевъ, — они ни на что не нужны.

— Почему ты такъ думаешь? спросила Марья Андреевна.

— Да вѣдь я знаю басню «стрекоза и муравей». — Муравей не хотѣлъ услужить стрекозѣ, — онъ долженъ быть скупъ и очень неучтивъ.

— Но ты знаешь, Миша, что басня есть вы-

думка, сказка: стрекоза не имѣла надобности просить муравья, да и могъ-ли бы муравей дать ей что нибудь? Цѣлое лѣто онъ долженъ работать для прокормленія дѣтей своихъ, а потомъ стрекоза и муравей засыпаютъ на цѣлую зиму. Муравей вовсе не такъ скупъ, какъ ты думаешь; онъ работаетъ не только для себя одного, но и для своихъ собратій. Муравьи живутъ цѣлымъ обществомъ, у нихъ есть свои занятія, обязанности, которыя они исполняютъ чрезвычайно добросовѣстно. Пойдемъ посмотримъ: тутъ вѣрно есть, гдѣ нибудь недалеко, муравейникъ. Вы увидите сами.

Муравейникъ это небольшой холмикъ, сдѣланный изъ земли, нанесенной муравьями.

— Что это такое? спросила Саша.

— Это верхній этажъ муравьинаго жилища, говорила Марья Андреевна. Въ каждомъ муравейникѣ есть три сорта муравьевъ: отцы, матери и работники. Такъ какъ у нихъ нѣтъ готовыхъ домовъ, то они сами должны ихъ строить. Они выбираютъ удобное мѣсто и начинаютъ копать землю.

— Да чѣмъ же могутъ они копать землю? спросила я.

— У нихъ на головкѣ есть маленькіе крючечки, которые замѣняютъ имъ лопату и заступъ. И вотъ, посмотрите, домъ ихъ выстроенъ въ нѣсколько этажей, — въ каждомъ есть корридоры, галлереи и залы. Въ дождливое время нижняя

часть ихъ жилища наполняется водой, тогда муравьи, чтобы не подвергнуться наводненію переселяются въ верхніе этажи, — но главная забота ихъ въ это время — дѣти; они переносятъ тогда своихъ жирныхъ дѣтенышей, которые не легче ихъ самихъ, и кладутъ ихъ въ безопасное, сухое мѣсто. Во время сильнаго жара или холода, во избѣжаніе того и другаго, муравьи спускаются въ нижніе этажи, не забывая конечно и дѣтей своихъ.

— Посмотрите, мама, что они дѣлаютъ? закричалъ Миша. Они бѣгутъ одинъ за другимъ и каждый несетъ что нибудь, кто соломинку, кто комочекъ земли.

— Сегодня по утру шелъ дождь и попортилъ ихъ жилище, такъ чтобъ его поправить, работники несутъ нужные матеріалы.

— А какъ поправятъ, что они потомъ дѣлаютъ? спросила я.

— Идутъ искать пищи для маленькихъ дѣтей, которыхъ они воспитываютъ съ величайшею нѣжностію. И сколько заботъ, какое терпѣніе должны они имѣть, пока малютки ихъ выростутъ, окрѣпнутъ и въ состояніи будутъ работать для себя и для другихъ. Въ муравьиномъ обществѣ нѣтъ лѣнивыхъ; всякій работаетъ и трудится для общей пользы.

Но вездѣ есть своего рода несчастіе. Эти ра-

зумныя и трудолюбивыя животныя подвержены, какъ и человѣкъ, разнымъ опасностямъ.—У нихъ есть страшные непріятели, большіе, рыжіе муравьи, которые безпрестанно нападаютъ на черныхъ муравьевъ, портятъ ихъ жилище и крадутъ у нихъ маленькихъ дѣтей, которыхъ послѣ заставляютъ работать для себя, потому что сами чрезвычайно лѣнивы.

— Какъ? сказала Саша, умные, черные муравьи позволяютъ этимъ дуракамъ и лѣнтяямъ уносить своихъ дѣтей?

— О, они защищаются съ храбростью, продолжала Марья Андреевна; но вѣдь рыжіе муравьи гораздо больше, слѣдовательно и сильнѣе,— что значитъ имъ унести малютку-муравья?

— Но это подло! вскричалъ Миша.

— Конечно, отвѣчала Марья Андреевна; но ихъ можно извинить тѣмъ, что имъ не данъ разумъ. Человѣкъ и даже ребенокъ гораздо хуже и виновнѣе рыжаго муравья, если употребляетъ во зло свою силу, и заставляетъ другихъ работать для себя.

Вслѣдствіе своей лѣности и бездѣйствія, рыжіе муравьи сдѣлались чрезвычайно глупы, и люди лѣнивые почти всегда бываютъ глупы. Одинъ ученый, нѣкто Гюберъ, желая сдѣлать опытъ, посадилъ нѣсколько рыжихъ муравьевъ съ ихъ яичками въ стеклянную коробочку, насыпалъ имъ

туда земли, поставилъ меду, до котораго они большіе охотники. Но негодные лѣнтяи даже не прикоснулись къ пищѣ, оставили на произволъ судьбы своихъ дѣтей и почти всѣ перемерли. Тогда Гюберъ къ остальнымъ впустилъ одного чернаго муравья; присутствіе этого разумнаго работника возстановило и жизнь и порядокъ. Черный мурашка, обѣжалъ разъ, другой по дну ящичка, пощупалъ своими крючечками глупыхъ лѣнтяевъ и, повидимому, сейчасъ понялъ въ чемъ дѣло. Потащилъ чуть живыхъ рыжихъ великановъ къ меду, накормилъ ихъ, сдѣлалъ въ землѣ ямочки и сложилъ туда яички. Такимъ образомъ, одинъ спасъ всѣхъ. — Вотъ что значитъ умѣнье и любовь къ труду.

— Но, скажите пожалуйста, Марья Андреевна, чѣмъ можетъ быть полезенъ муравей, и зачѣмъ онъ созданъ? спросила я.

— Муравей, мушка, самый крошечный червячекъ, говорила Марья Андреевна,—все создано для какой нибудь полезной цѣли. — Всякое живое существо, какъ бы оно мало ни было, живетъ, — и жизнію своею поддерживаетъ общую жизнь: самой крошечный червячекъ имѣетъ свое назначеніе и приноситъ пользу.

Птицы и насѣкомыя уничтожаютъ все вредное, гнилое, мертвое, заражающее воздухъ дурными, нездоровыми испареніями. Посмотрите на птич-

ку, вы думаете что она это такъ-себѣ, отъ нечего дѣлать летаетъ, вьется, кружится? а она между тѣмъ исполняетъ свое дѣло, она истребляетъ безчисленныхъ, невидимыхъ нами животныхъ, плавающихъ въ воздухѣ, которыхъ мы вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхаемъ въ себя—и очищаетъ этимъ воздухъ; птички дѣлаютъ для насъ великое благодѣяніе.

Въ жаркихъ странахъ не только на каждомъ шагу можно встрѣтить какое нибудь гадкое, ядовитое насѣкомое, но и въ самыхъ домахъ не безопасно было бы жить, если бы насѣкомыя не истребляли другъ друга. Муравьи Гвіаны въ Америкѣ въ этомъ отношеніи и полезныя и самыя ужасныя насѣкомыя. Какъ громадное войско тянутся они иногда, въ продолженіе нѣсколькихъ дней безчисленными, черными колоннами и нападаютъ на какое нибудь селеніе. «Господа хозяева! не угодно ли вамъ убираться, говорятъ они на своемъ языкѣ, — мы желаемъ осмотрѣть ваши жилища, заглянуть въ каждый уголокъ, въ каждую щелочку, очистить ихъ отъ всякихъ гадкихъ, безпокойныхъ насѣкомыхъ; а потомъ, сдѣлавъ для васъ услугу, а для себя удовольствіе, мы удалимся во свояси». — И жители выносятся изъ селенія, оставляя свои дома въ полное распоряженіе этихъ гостей, которые на своемъ пути пожираютъ все что имъ ни попадется. Жабы, ужи,

мыши, даже яички насѣкомыхъ, ничто не ускользнетъ отъ нихъ. — Ихъ убиваютъ сотнями, тысячами, а они и вниманія не обращаютъ, даже вода ихъ не удерживаетъ, ибо они, цѣпляясь другъ за друга, устроиваютъ живые мосты и такимъ образомъ переходятъ чрезъ ручей или рѣчку.

Но мы заговорились; уже поздно, пора идти домой, прибавила Марья Андреевна.

Мы поблагодарили нашу добрую разсказчицу, и всѣ вмѣстѣ отправились домой.

Понедѣльникъ, 31 мая.

Сегодня утромъ мама встала рано и разбудила меня.

— Не хочешь ли, Вѣрочка, идти со мной къ старушкѣ Марѳѣ? — Гости наши еще спятъ, и успѣемъ сходить туда на полчаса

— Возьми, возьми меня, мама! я въ одну минуту встану, одѣнусь и буду готова.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы шли къ Марѳѣ. Добрая старушка сидѣла у воротъ своей хаты, грѣлась на солнышкѣ. — Мама подошла, поздоровалась съ нею, — она очень намъ обрадовалась.

— Гдѣ же Аня? спросила я.

— Она лежитъ на кровати, отвѣчала старушка.

— Не больна ли она? спросила мама.

— Нѣтъ, сударыня, она здорова, слава Богу.

Но сегодня, добрая сосѣдка наша, Авдотья, вымыла ея платье, а какъ у ней только одно и есть, такъ она и должна полежать, пока платьице-то высохнетъ.

— Я пойду къ ней, сказала я, и побѣжала въ избу; какъ только я взошла, Аня увидала меня, поднялась и съ радости запрыгала на своей кроваткѣ.

— Это вы, моя миленькая барышня, — ахъ, какъ я рада!

Я подошла, поцѣловала Аню и сѣла на постель.

— Тебѣ скучно, можетъ, Аня? спросила я.

— Да, скучно, — я хотѣла бы лучше пасти гусенятокъ тетушки Авдотьи, — но что дѣлать, ужъ подожду, платье скоро высохнетъ.

— Ты каждый день собираешь милостыню, Аня?

— О нѣтъ! Если добудемъ много хлѣба, то мы остаемся дома, пока есть хлѣбъ. Это тяжело просить милостыню.

— Ходишь-ли ты къ церкви играть съ дѣтьми? ихъ тамъ всегда много, а это два шага отъ васъ.

— О, милая барышня, они не захотятъ играть со мною.

— Въ самомъ дѣлѣ? а почему это?

— Потому, что я нищенка.

— Это не хорошо съ ихъ стороны; приходи

ко мнѣ, у насъ есть теперь Саша и Миша, — такіе добрые дѣти. Мы всѣ будемъ съ тобой играть, бѣгать, — у насъ есть садъ.

Въ это время мама позвала меня, чтобъ идти домой.

— Прощай, Аня, миленькая моя! прощай!

— Прощайте, добрая барышня!

— Приходи къ намъ скорѣе, да не называй меня барыней, а просто Вѣрочкой.

Возвратясь домой, мы нашли нашихъ гостей въ саду на балконѣ, — и мы къ нимъ присоенились.

— Гдѣ это вы были такъ рано? спросила Марья Андреевна.

Мама разсказала о нашемъ знакомствѣ.

— Мама! у меня столько платьевъ, сказала я, а у бѣдной Ани только одно. Позволь мнѣ отдать ей какое нибудь изъ моихъ платьевъ.

— Твои платья, Вѣра, для нея не годятся, отвѣтила мама, ни одного изъ нихъ она и недѣли не пронесетъ; ей надо платье прочное, которое можно было бы и вымыть и починить.

— Какъ же быть, мама?

— Нѣтъ-ли у тебя еще денегъ въ твоемъ кошелькѣ?

— О, есть мама! есть еще много! я куплю ей платье новое, — сама куплю, — ахъ, какъ я рада! Но вотъ бѣда! я не знаю какое ей нужно.

— Ей надо купить на платье прочнаго ситцу.

— И я ей дамъ что нибудь, прибавила Саша, у меня здѣсь есть теплый платочекъ.

— А я, закричалъ Миша, я отдамъ ей мои сапоги!

— А самъ въ чемъ будешь ходить? спросила Марья Андреевна.

— Я надѣну другіе, — вотъ тѣ, что ты, мама, купила мнѣ недавно.

— Да ихъ здѣсь нѣтъ, Миша, они остались дома.

— А сколько еще дней мы здѣсь пробудемъ? спросилъ Миша.

— Дня три, четыре, сказала Марья Андреевна.

— Чтожъ мнѣ значитъ пробыть четыре дня безъ сапогъ! я зналъ одного мальчика, — помнишь, мама, Ваню! — онъ цѣлую зиму бѣгалъ босикомъ въ морозъ, по снѣгу, — а я тогда былъ такъ глупъ, что мнѣ и въ голову не пришло отдать ему сапоги.

— Но можетъ быть твои сапоги не будутъ впору Анѣ, не взойдутъ на ногу? сказала Марья Андреевна.

— Неужели?... спросилъ печально Миша и задумался.

— А о главномъ никто и не вспоминалъ, сказала Марья Андреевна, — у бѣдной дѣвочки можетъ и рубашка одна? я ей дамъ отъ себя двѣ рубашки и фартучекъ.

— Значитъ наша Аня будетъ одѣта съ головы до ногъ, прибавила мама, и каждый изъ насъ подѣлится съ ней чѣмъ можетъ?

Въ это время Миша выскочилъ изъ за стола и убѣжалъ.

— Когда же, мама, пойдемъ мы покупать все, что надо? спросила я.

— Если Марья Андреевна согласна, то сейчасъ же послѣ завтрака мы можемъ идти въ лавки?

— Я готова идти хоть сейчасъ, отвѣчала Марья Андреевна.

— Но завтракъ уже готовъ, прошу всѣхъ въ столовую, — сказала мама.

Проходя черезъ кабинетъ мы увидѣли Мишу, онъ сидѣлъ въ углу и горько плакалъ.

— Миша, что съ тобой? спросила я, подбѣжавъ къ нему.

Онъ не отвѣчалъ и сильнѣе заплакалъ.

— О чемъ это такъ горько плачетъ мой Миша? спросила Марья Андреевна.

— Я плачу отъ того, что не знаю будутъ ли впору Анѣ мои сапоги. Позволь мнѣ, мама, идти и примѣрить ихъ Анѣ.

— Скажи мнѣ прежде, Миша, какъ ты отыщешь эту Аню, которую ты не видалъ ни разу въ своей жизни? Первая попавшаяся на дорогѣ избушка тебѣ покажется жильемъ старушки и пер-

вую встрѣтившуюся дѣвочку ты примешь за Аню.

— Пусти только, мама! вскрикнулъ Миша, соскочивъ со стула, — а ужъ я отыщу! Я вотъ ее какъ отыщу: напримѣръ я иду по улицѣ, — мнѣ встрѣтился кто нибудь, — я сейчасъ подойду, поклонюсь вѣжливо и спрошу: «скажите пожалуйста, не знаете-ли вы, гдѣ живетъ слѣпая старушка Марфа?» — а тотъ и скажетъ!...

— Да тотъ и скажетъ: «я не знаю», замѣтила мама.

— Ну такъ чтожъ! прервалъ Миша, тогда я спрошу у другаго, у третьяго....

— И всѣ они тебѣ скажутъ тоже самое. — Еслибъ Марфа была богата, то гораздо легче было бы отыскать ее; но бѣдные люди, Миша, къ сожалѣнію, не пользуются извѣстностію. — Сдѣлаемъ лучше такъ: позавтракаемъ вмѣстѣ и пойдемъ прямо къ Анѣ, а оттуда уже отправимся въ лавки.

— А если будутъ малы мои сапоги, мнѣ нечего будетъ дать Анѣ?

— Если будутъ малы, то въ лавкахъ ты промѣняешь ихъ съ небольшой придачей на другіе, которые мы выберемъ по мѣркѣ Ани.

— Ахъ, мама, какъ ты отлично придумала! сказалъ утѣшенный Миша, и бросился цѣловать Марью Андреевну.

Послѣ завтрака мы такъ и сдѣлали, — пошли къ Анѣ, сняли съ ея ноги мѣрочку, посидѣли у нихъ немного, отнюдь не говоря о нашихъ замыслахъ, и отправились въ лавки.

Едва мы отошли на нѣсколько шаговъ отъ ихъ дома, какъ Миша, забѣжавъ впередъ, усѣлся по срединѣ улицы и мигомъ стащилъ съ себя сапогъ. Поднявъ свою голенкую ножку, онъ кричалъ намъ на встрѣчу:

— Смѣряй-ка, мамочка, увидимъ что будетъ!...

Онъ это сдѣлалъ такъ смѣшно, что мы съ Сашей расхохотались до слезъ, насилу могли насъ унять.

— Миша! сейчасъ же надѣнь сапогъ — и маршъ въ лавку! тамъ смѣряемъ, кричала ему Марья Андреевна.

Миша надѣлъ сапогъ, побѣжалъ впередъ и скрылся изъ виду. Когда мы пришли въ лавку, онъ уже сидѣлъ на стулѣ и размахивалъ своими голыми ноженками.

— Ну, мамочка, теперь ужъ ты отъ меня не отдѣлаешься — мѣряй-ка поскорѣе! сказалъ Миша, увидя насъ.

Нечего дѣлать, — надо было прежде всего исполнить желаніе Миши. Оказалось, что сапоги его какъ разъ пришлись по ногѣ Ани.

— Вотъ такъ хорошо! Вотъ такъ отлично!... кричалъ въ восторгѣ Миша.

Закупивъ все нужное, мы воротились домой. Мама принялась кроить платье, Марья Андреевна рубашки, мы съ Сашей достали себѣ по иголкѣ, вдѣли въ нихъ предлинныя нитки, надѣли наперстки, и сидѣли въ ожиданіи работы. — Наконецъ кройка кончилась, — я стала шить юбку, Саша рукавъ рубашки, а Миша, пока мы работали, расхаживалъ по комнатѣ босикомъ, говоря что хочетъ къ этому пріучиться заранѣе.

Суббота, 5 іюня.

Три дня работали мы, наконецъ все готово и какъ разъ къ воскресенью, а по воскресеньямъ Аня обѣщалась приходить къ намъ играть.

Воскресенье, 6 іюня.

Сегодня встала рано, — вижу Саша и Миша спятъ. Я подошла къ кроваткѣ Саши и разбудила ее, — она открыла глазки.

— Сашечка, миленькая моя, вставай! скоро придетъ Аня.

— Аня?... гдѣ Аня? проговорилъ Миша, вдругъ поднявши съ подушки свою головку — и сѣлъ на постели.

— Она скоро придетъ, Миша, сказала я, надо вставать.

— А гдѣ мои сапоги?

— Вотъ, твои сапоги, — на! сказала я, подавая ихъ.

— Ну хорошо! я не хочу спать, а только засну немножко.... проговорилъ съ просонья Миша, и обнявъ ручонками сапоги, упалъ на подушку и заснулъ.

А мы съ Сашей умылись, одѣлись и пошли въ садъ ждать Аню. Но не дождались, потому что мама и Марья Андреевна встали и насъ позвали пить чай. Поздоровавшись съ нашими мамами и напившись чаю, мы опять побѣжали въ садъ. — Вдругъ, слышимъ, за нами гонится кто-то что есть духу и кричитъ: «постойте! возьмите меня! и я, и я хочу!...»

Мы остановились, намъ жаль было Мишу, бѣдняжка бѣжалъ такъ шибко и — босикомъ!...

— Тише, Миша! тише!... кричали мы ему, но онъ не слушалъ и когда добѣжалъ — я съ ужасомъ увидала на его ногѣ кровь.

— Миша! ты ногу ранилъ! у тебя кровь идетъ!.. вскричали мы.

— Ничего, мнѣ не больно.—Аскоро Аня придетъ?

— Какая Аня, до Ани ли тутъ! у тебя кровь идетъ, сказала Саша.

— Ахъ, вы дѣвочки трусихи! вотъ я мужчина— такъ и не боюсь ничего!

— Я побѣгу, скажу мамѣ, говорила Саша. —

— Не ходи, Саша, я тебя не пущу, — мама

велитъ мнѣ надѣть сапоги, а это мнѣ будетъ хуже всего, закричалъ Миша, уцѣпившись за Сашу.

— Ну, Миша, какъ хочешь, не пускай Сашу, а меня не удержишь, сказала я и какъ стрѣла пустилась бѣжать.

Марья Андреевна, услыхавъ отъ меня что Миша ранилъ ногу, побѣжала опрометью, а мама достала стараго полотна, корпіи, взяла бутылочку съ арникой и побѣжала туда же.

Когда мы пришли, Марья Андреевна держала ногу Миши на колѣняхъ, обвязавъ ее носовымъ платкомъ, чтобъ унять кровь, — а Миша твердилъ себѣ одно:

— Мнѣ не больно, мама, ни крошечки не больно! Впередъ я не стану такъ шибко бѣгать — вотъ и все!

— Не только бѣгать, Миша, но и ходить то теперь будешь съ трудомъ. Это съ горяча только тебѣ не больно, сказала Марья Андреевна.

— Ну, такъ я буду сидѣть, — отвѣчалъ Миша.

— Соскучишься!

— О нѣтъ, мама, если хочешь я буду сидѣть; только не запрещай мнѣ отдать Ани мои сапоги.

— Ахъ, Миша, Миша! какъ же ты будешь ходить босикомъ съ больной ногой? спросила Марья Андреевна.

— Какъ я буду ходить? А какъ Ваня цѣлую иму бѣгалъ босикомъ? А какъ Аня ходитъ до

сихъ поръ безъ башмаковъ, и теперь идетъ къ намъ своими голыми ножками по этимъ улицамъ, гдѣ такіе жесткіе, большущіе камни.

— Марья Андреевна! сказала мама, если Миша дастъ слово ходить осторожно съ своей больной ногой, то мы забинтуемъ ему ногу потолще полотномъ — и это будетъ замѣнять ему обувь.

— Буду ходить осторожно, сдѣлаю все, что прикажете! — воскликнулъ Миша.

— Когда такъ, я согласна, сказала Марья Андреевна, пожалуй отдай свои сапоги. — Но примочимъ же поскорѣе ранку арникой и забинтуемъ ногу.

Миша протянулъ ногу и ни разу не поморщился пока дѣлали перевязку. Такой, право, терпѣливый этотъ Миша, а все потому что очень добръ, — ему жаль бѣдную Аню, онъ хочетъ, чтобъ ножкамъ ея было легче ходить, — а она должна ходить много, много.... Тяжело жить на свѣтѣ бѣдненькой Анѣ! и ктожъ ее пожалѣетъ?

Перевязавъ ногу Мишѣ, Марья Андреевна и мама пошли въ комнаты, а мы остались въ саду ждать Аню. Немного погодя, мы увидали ее на дорогѣ — и хотѣли было бѣжать къ ней на встрѣчу, но пожалѣли бѣднаго Мишу и остались возлѣ него. Когда Аня приблизилась къ намъ, мы пошли тихонько всѣ вмѣстѣ въ мою комнату.

— У этого маленькаго барина болитъ ножка? спросила Аня, — давно ли это съ нимъ случилось?

— Много хочешь знать, скоро состаришься, Аня, — отвѣчалъ Миша.

— Такъ это секретъ? спросила я.

Миша погрозилъ мнѣ пальцемъ и я замолчала.

Пришедши домой, мы одѣли Аню въ новое платье, но когда дошла очередь до сапоговъ Миши, — мы замѣтили, что не достаетъ чулокъ.

— Не велика бѣда, сказала Ариша, теперь тепло, походитъ и такъ, пока вы, барышни, не свяжете ей чулочки.

— О, мы завтра же начнемъ вязать ей чулки, сказала Саша.

— Ты, Саша, будешь вязать одинъ, а я другой, — прибавила я.

— Да я еще свяжу ей парочку, сказала добрая Ариша.

Аня очень была рада своему новому платью.— Мы повели ее къ мамѣ, — тамъ она позавтракала съ нами, но играть не осталась, — ей хотѣлось поскорѣе идти къ бабушкѣ, разсказать о своей радости.

— Ахъ, Боже мой! сказала она со слезами на глазахъ, — какъ жаль, что моя бабушка слѣпа! — она не увидитъ, не полюбуется моимъ новымъ платьицемъ!....

— Все равно, ты разскажешь ей, милая Аня, сказала мама, и повѣрь, что оно ей будетъ казаться еще лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Связавъ въ узелокъ свое старое платье, Аня простилась съ нами и пошла домой.

Вторникъ, 8 іюня.

Горничная наша Лиза собирается уйти отъ насъ, ей почему то не нравится жить съ нами. Она укладываетъ въ сундукъ свои вещи, а добрая Ариша уговариваетъ ее остаться.

— Охъ, Лиза, не хорошо ты дѣлаешь, что оставляешь такихъ добрыхъ господъ. Вспомни мое слово: будешь каяться, да поздно!... Ты не умѣешь ни бѣлья вымыть порядочно, ни выгладить...

— Ну ужъ, пожалуйста, не хуже другой съумѣю сдѣлать, какъ захочу, отвѣчала Лиза. Я дѣвушка честная, безъ спросу ничего не возьму... пускай другую найдутъ, мастерицу на всѣ руки....

— Не сердись Лиза и выслушай меня, продолжала Ариша, вѣдь я, желая тебѣ добра, говорю это. Правда твоя, ты не украдешь ничего, ни чаю, ни сахару, — ниточки не возьмешь безъ спросу. Но если ты нанимаешься для работы, а не работаешь— значитъ ты крадешь, если не вещь, то время, — вѣдь время тоже стоитъ денегъ. Что можно сшить въ день, ты шьешь три дня, и сколько разъ изъ за тебя отдавали другимъ твою работу и платили за это. — Стало быть деньги то эти ты все равно что украла изъ кармана госпожи своей. Подумала ли ты объ этомъ?

— Я никогда ни о чемъ не думаю, отвѣчала Лиза.

— И очень дурно дѣлаешь! — замѣтила Ариша. А хлѣба то сколько тратишь по пустому, — нарѣжешь себѣ столько, что и съѣсть не можешь, потомъ выбросишь собакамъ. Мнѣ давно бы слѣдовало пожаловаться на тебя, такъ какъ мнѣ поручено смотрѣть за хозяйствомъ; но я не хотѣла, чтобъ ты лишилась мѣста, потому что ты долго нигдѣ не уживешься.

— Въ самомъ дѣлѣ? ха, ха, ха! ну это еще увидимъ!

— Эхъ, Лиза, Лиза! не найдешь ты такихъ господъ. Здѣсь никогда не бранятъ насъ, никто насъ не обижаетъ; заболѣемъ ли мы — такъ заботятся о насъ, лечатъ на свой счетъ. А въ другомъ мѣстѣ сдѣлайся больна, такъ сейчасъ же и велятъ убираться. Но скажи откровенно Лиза, почему ты хочешь насъ оставить.

— Ну, такъ и быть, скажу тебѣ Ариша; — я потому хочу уйдти, что господа меня не любятъ; развѣ я не вижу какъ они къ тебѣ, и какъ ко мнѣ?

— Сказать тебѣ Лиза?.... тебя не любятъ потому, что ты никого не любишь и о всѣхъ говоришь дурно. — Про кого сказала ты доброе слово? Ни про кого, никогда! одинъ такой, другой сякой!.... Самъ Господь приказалъ намъ любить ближняго какъ самаго себя; потому что на свѣтѣ

жить одному нельзя, — погибнешь! да вотъ примѣрно сказать я, еслибъ я жила одна одинешенька и не привязалась бы всѣмъ сердцемъ къ нашей барынѣ Натальѣ Васильевнѣ, — я бы кажется и дня не прожила отъ однаго горя, что некого любить на свѣтѣ Божьемъ. — Послушай Лиза, останься, да полюби насъ — увидишь какъ хорошо будетъ и тебѣ.

Но что ни говорила добрая Ариша, Лиза ушла отъ насъ на другой день.

Пятница, 11 іюня.

Ко мнѣ пришли дѣти Озеровыхъ на весь день. Ихъ трое, да насъ трое — какова компанія! Послѣ обѣда всѣ пошли въ мою комнату.

— Какъ жаль, мама, что у меня нѣтъ игрушекъ, сказала я, мнѣ нечѣмъ забавлять моихъ гостей.

— Зачѣмъ игрушки, отвѣчала мама, онѣ скоро наскучаютъ и еще скорѣе ломаются; самая простая вещь, находящаяся въ этой комнатѣ, можетъ быть занимательнѣе всякой игрушки, — надо только умѣть понять значеніе вещи. — Послушайте дѣти, мнѣ пришла въ голову чудесная и превеселая игра.

— Ахъ, какъ мы рады! играть! мы будемъ играть!.... кричали дѣти, прыгая и хлопая въ ладоши, — и обступили маму, прося ее растолковать какая эта будетъ игра.

— Представьте себѣ, сказала мама, что одинъ какой нибудь предметъ изъ тѣхъ, которые мы видимъ въ этой комнатѣ, напр. стулъ, часы, зеркало и тому подобное, превращается въ живое существо и хочетъ разсказать вамъ исторію своей жизни. — Исторія эта будетъ не сказка, не выдумка, а дѣйствительная правда, т. е. то, что дѣлается на свѣтѣ.

— О, мы любимъ слушать исторіи!.... Наталья Васильевна, милая, душечка, разскажите! кричали дѣти; мы сядемъ поскорѣе на мѣста.

И поднялась возня, бѣготня: одинъ несъ стулъ, другой скамеечку, третьему казалось, что столъ стоитъ не на мѣстѣ....

— Ну пока вы усаживаетесь, сказала мама, идя къ двери, мы съ Марьей Андреевной сходимъ не надолго въ мою комнату, — черезъ четверть часа — мы ваши!

Признаться сказать, эти четверть часа показались намъ очень долгими. То и дѣло подбѣгали мы къ дверямъ, — заглядывали, прислушивались,— все нѣтъ!

Наконецъ кто-то закричалъ: «идутъ! идутъ! по мѣстамъ!» и каждый изъ насъ бросился на приготовленное заранѣе мѣсто. — Мама и Марья Андреевна вошли въ комнату.

— Посмотрите, пожалуйста, сказала Марья Андреевна, они ужъ усѣлись, притихли и навострили

ушики, а разсказчица наша, какъ мнѣ кажется, находится въ великомъ затрудненіи: въ комнатѣ предметовъ много, выборъ не легокъ!

— Это правда, отвѣчала мама, не поможете ли вы мнѣ, господа? Можетъ быть въ этой комнатѣ есть вещи, которыя почему нибудь вамъ нравятся болѣе другихъ.

— Да что тутъ долго разсуждать, прервала Марья Андреевна, — вонъ тамъ, на стулѣ лежитъ Вѣрочкинъ бурнусъ, пускай онъ разскажетъ намъ свою исторію.

Въ самомъ дѣлѣ мой бурнусъ, который я всегда сама прячу въ шкафъ, — тутъ, какъ то очутился не на своемъ мѣстѣ, и лежалъ на стулѣ не далеко отъ насъ.

— И такъ, сказала Марья Андреевна, сидите смирно и будьте внимательны, игра начинается. Помните только, что бурнусъ превратился въ живое существо, ну хоть бы въ Наталью Васильевну.

Мама надѣла мой бурнусъ и сѣла по рединѣ комнаты.

БУРНУСЪ.

— Здравствуйте милые дѣти! честь имѣю вамъ рекомендоваться!

— Здравствуй, здравствуй, бурнусикъ! сказали мы всѣ.

— А! вы знаете, что я называюсь бурнусомъ? Вѣрно знаете и то, что я принадлежу маленькой дѣвочкѣ Вѣрочкѣ? Но кто я былъ прежде, какъ жилъ и гдѣ? — этого вы не отгадаете, — готовъ поспорить!

— Угадать намъ трудно, трудно, бурнусикъ, сказала Марья Андреевна, потому что мы этого не знаемъ, а лучше потрудись разсказать намъ исторію своей жизни.

— Извольте, очень радъ вспомнить прошлое, и разскажу вамъ все отъ начала до конца. —

Вы очень удивитесь, если я вамъ скажу, что я, бурнусъ, былъ сначала маленькимъ, хорошенькимъ барашкомъ. Въ широкомъ, зеленомъ полѣ, оглашая воздухъ веселымъ блѣяніемъ, прыгалъ я, со всею безпечностію моего возраста, возлѣ доброй матери моей, бѣлой, кудрявой овечки. Я росъ, питаясь свѣжей травою, цвѣтами, и всѣ меня любили. Маленькіе дѣточки приходили ко мнѣ, гладили своими нѣжными ручками мою кудрявенькую шерстку, бѣгали, гонялись за мною по полю; но эти невинныя радости были кратковременны! Однажды утромъ, хозяинъ стада пришолъ къ намъ, неся въ рукахъ огромныя ножницы. Вдругъ меня связали, положили и начали стричь мои бѣлоснѣжныя кудри, — послѣ чего, какой то мясникъ, безъ церемоніи зарѣзалъ меня и продалъ мясо мое въ видѣ котлетъ и жаркаго въ сосѣднемъ городѣ.

— Ахъ, негодный мясникъ, не пожалѣлъ такаго миленькаго барашка! сказала Саша.

— И чтожъ? умеръ я, думаете вы? продолжалъ бурнусъ, ничуть не бывало! вся моя жизнь сосредоточивалась въ моей шерсти, а потомъ въ суднѣ... Но еслибъ вы знали, какихъ страданій стоило мнѣ это!

— Отъ чего же ты страдалъ? мой бѣдный бурнусикъ? спросила я.

— Увы! всего не перескажешь! да и вы, милыя дѣти, потеряли бы всякое терпѣніе слушать меня, если бы я вздумалъ разсказать вамъ все, что дѣлали съ моей шерстью, какъ ее мыли, расчесывали, сколько времени надо было ее прясть, красить, валять, опять мыть.... Сколько на это надо было рукъ и трудовъ!.... Бѣдные люди, работавшіе надо мной, страдали не менѣе меня; глядя на нихъ, и я терпѣливо переносилъ тяжелое время моей жизни.

Но наконецъ, послѣ всѣхъ мученій, я превратился изъ чудной мериносовой шерсти — въ сукно. — И что это было за сукно! Всѣ восхищались моей плотной, тонкой тканью, хвалили меня, гладили руками. — Тутъ я отдохнулъ немного; — потомъ купилъ меня какой то богатый купецъ и отдалъ портному, приказавъ ему сшить множество большихъ и маленькихъ бурнусовъ. — О! до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса адскій

скрежетъ ножницъ, когда они безжалостно разсѣкали мою мягкую ткань, и потомъ, — эту злую иглу, которая такъ больно колола меня!....

Когда портной кончилъ свою работу и отнесъ купцу, — купецъ развѣсилъ насъ въ своемъ магазинѣ и вскорѣ я былъ купленъ извѣстною вамъ дѣвочкою; и теперь я очень доволенъ своей судьбой, потому что жизнь моя полезна. — Я защищаю отъ холода, дождя и вѣтра, добрую мою дѣвочку, и тѣмъ сберегаю ея жизнь и здоровье. Ну что бы она дѣлала безъ меня? скажите пожалуйста!....

ШЛЯПКА.

Не слишкомъ гордись своими услугами, любезный мой товарищъ, господинъ бурнусъ! сказала моя розовая, шелковая шляпка, граціозно выступая на сцену. (Конечно все это говорила мама, а не шляпка, но по уговору игры, мы должны были воображать шляпку живымъ существомъ).

— Хорошъ бы ты былъ безъ меня! Какимъ это образомъ, скажи пожалуйста, могъ бы ты сберечь жизнь и здоровье нашей милой дѣвочки, еслибъ я, подобно тебѣ, не защищала бы ея головки не только отъ холода, дождя и вѣтра, но и отъ жаркихъ лучей солнца. Безъ тебя, господинъ бурнусъ, она еще можетъ обойтись, — безъ меня же не

сдѣлаешь шагу; какъ только гулять, — сейчасъ за меня, — да и надѣваетъ на головку! Ты служишь для тѣла, а я для головы, а голова-то самое важное дѣло и есть!

Ты думалъ удивить всѣхъ тѣмъ, что прежде былъ хорошенькимъ барашкомъ?—а я, еще удивительнѣе, — я была шелковымъ червячкомъ!....

— Ха, ха, ха! Шляпка была червячкомъ!.... закричали дѣти.

— Молчите! молчите! говорили другіе, — слушайте!....

— Да, я была червячкомъ, да еще какимъ! продолжала шляпка; ты бѣгалъ въ полѣ, по травкѣ, а я ползала по листочкамъ высочайшихъ деревьевъ. — Заберусь бывало на самую вершину, — да и посматриваю оттуда, и любуюсь на прекрасный міръ. И чего, чего, я ни видала оттуда!... И барашковъ, и овечекъ видала многое множество! Гляжу на нихъ, да думаю: «Эхъ, вы барашки, барашки! какъ вы тамъ себѣ ни прыгайте, а до меня не доскочите, — куда вамъ!....

— Ахъ, шляпка, какъ ты любишь хвалиться, — это не хорошо! сказала Марья Андреевна, — Чѣмъ болтать вздоръ, лучше разскажи намъ, какимъ образомъ изъ червячка ты сдѣлалась шляпкой?

— Ахъ да! самаго важнаго я еще и не сказала! продолжала шляпка. — Мать моя принадлежала къ знатнѣйшей породѣ шелковыхъ червей, называ-

емой Бамбиксъ. Сдѣлавшись бабочкой, она положила меня и сестеръ моихъ, въ видѣ яичекъ, возлѣ одного прекраснаго шелковичнаго дерева. Когда наступило время намъ вылупиться изъ яйца, я помню, насъ вымыли въ водѣ, смѣшанной съ виномъ, для подкрѣпленія нашихъ слабыхъ членовъ, и чтобы ускорить наше освобожденіе, насъ положили въ очень жарко натопленную комнату. Вскорѣ я вышла изъ яичка и сдѣлалась личинкой, а потомъ червячкомъ.

Вы вѣроятно знаете, что насѣкомыя, до полнаго своего развитія, подвергаются разнымъ превращеніямъ. Изъ яичка насѣкомаго выходитъ маленькая личинка, которая чрезвычайно обжорлива, скоро ростетъ, нѣсколько разъ перемѣняетъ кожу, и послѣ выходитъ безногой куколкой, которая остается долгое время безъ пищи и движенія, пока наконецъ лопнетъ эта оболочка и изъ нея выходитъ животное, совершенн о развитое. Это постепенное измѣненіе и называется превращеніемъ насѣкомыхъ; такимъ образомъ изъ червячка дѣлается бабочка.

По прошествіи 24 дней, пообѣдавъ однажды самымъ отличнымъ образомъ, вползла я на вѣтку шелковичнаго дерева и, сдѣлавъ изъ шелку, который я носила въ своей внутренности, самую мягкую постельку, называемою людьми кокономъ, заснула, надѣясь пробудиться легкокрылой бабоч-

кой и мечтая заранѣе какъ я буду перелетать съ одного цвѣтка на другой.... Но пробужденіе было ужасно!.... Меня держали надъ котломъ горячей воды, для того, видите-ли, чтобы я не успѣла, вырываясь на свободу изъ своего кокона, перервать и перегрызть его шелковичные нити, изъ которыхъ тогда ничего нельзя было бы сдѣлать. Отъ паровъ горячей воды, я задохнулась; мое мертвое тѣло выбросили, а шелкъ осторожно размотали на катушечку и потомъ окрасили въ этотъ чудесный розовый цвѣтъ, и на одной фабрикѣ я превратилась въ прекрасную шелковую матерію. Кусочекъ отъ этой матеріи, купила одна модистка и сдѣлала изъ него шляпку.

Наша добрая дѣвочка, прогуливаясь однажды по бульвару, увидала меня на окнѣ нашего магазина и купила, — вѣрно потому, что я ей понравилась. Вы видите, и теперь я еще не дурна, а тогда была прехорошенькая!

Когда моя госпожа надѣваетъ меня на головку, я радуюсь! и о чемъ эта головка думаетъ — я все знаю! — При малѣйшемъ вѣтеркѣ и шепну ей тихонько: «привяжи меня покрѣпче: какъ бы тебѣ не надуло въ ушки! какъ бы ты не простудила свою добрую и умную головку.»

Впрочемъ не подумайте, что мое назначеніе заключается только въ томъ, чтобъ защищать отъ холода и непогоды, какъ господинъ бурнусъ напр. —

фи!.... какъ это можно! польза пользой, — это само собой! Но не я ли, позвольте спросить служу однимъ изъ самыхъ изящныхъ украшеній для тѣхъ женскихъ головокъ, которыя нуждаются въ шляпкѣ, и удовлетворяю такимъ образомъ двумъ человѣческимъ потребностямъ — вкусу и удобству!

ЗОНТЪ.

Въ это время вдругъ, со всего размаху, выскочилъ изъ угла большой дождевой зонтикъ (мама это сдѣлала такъ смѣшно, что мы расхохотались до слезъ).

— Это ни на что не похоже! это несносно! заговорилъ онъ, распустившись на своихъ пружинахъ, — бурнусъ важничаетъ, шляпка хвалится, а меня-то, господа, вы и забыли?.... Хороши пріятели! Да не мнѣ ли вы обязаны вашей красотой и свѣжестью? Безъ меня вы состарѣлись бы прежде времени. Повѣрь мнѣ, господинъ бурнусъ, что если бы я не защищалъ тебя отъ непогоды, ты походилъ бы теперь, съ позволенія сказать, на какую нибудь мохнатую щетку, а ты, румяная шляпка давно бы отцвѣла и сморщилась, если бы я допустилъ хоть нѣсколькимъ каплямъ дождя упасть на твою розовую головку. Эхъ, господа! всѣ мы одинъ безъ другаго ничего не значимъ и сдѣлать ничего не можемъ. — Вотъ и я, своимъ значеніемъ и полезностью обязанъ знаете ли ко-

му? — Моимъ усамъ!.... да-съ этимъ китовымъ усамъ, которые поддерживаютъ мое основаніе!

— Хороши усы!.. воскликнулъ Ваня Озеровъ,— да это какіе-то палки, а не усы!...

— Называйте ихъ какъ угодно, продолжалъ зонтъ, но безъ нихъ шелковая ткань моя повисла бы какъ тряпка, а деревянную ручку мою — никто не захотѣлъ бы взять въ свои руки. Вся моя сила въ усахъ!.... Ну-те-ка усики, понатужьтесь, да разскажите этой любезной публикѣ откуда вы и что такое!.... Вы — моя гордость и сила; безъ васъ, ни одной человѣческой головы не могъ бы я защитить отъ дождя или солнца.

— Извольте! отвѣчали усы, — мы готовы разсказать все что вспомнимъ о нашемъ прежнемъ существованіи. И мы въ своей жизни подвергались различнымъ превращеніямъ! Ты, бурнусъ, былъ когда-то барашкомъ, а шляпка хвалится тѣмъ, что принадлежала къ породѣ какихъ-то знаменитыхъ червей; мы же, усы, мы служили украшеніемъ страшному морскому великану называемому **китомъ**. На хребтѣ его могли бы помѣститься милліоны червяковъ всякой породы и цѣлое стадо барановъ! длиною онъ былъ въ 10 саженъ и въ 2,000 пудовъ вѣсу. Изъ одного язычка его рыбаки достали шесть бочекъ масла.

И какой красавецъ былъ этотъ китъ! — одни усы чего стоили! представьте себѣ, что съ каждой

стороны громадной его пасти красовалось отъ восьмисотъ до девятисотъ такихъ роговыхъ пластинокъ, — это были не усы, а лѣсъ! И сколько можно было надѣлать зонтовъ, корсетовъ и разныхъ разностей изъ усовъ одного кита!

Впрочемъ, не для одной красы росли мы на губахъ великаго кита, — мы замѣняли ему зубы, потому что другихъ у него не было. Когда наступало время обѣда, онъ бывало подниметъ насъ вверхъ и выставитъ надъ водой; тотчасъ же куча маленькихъ морскихъ животныхъ заберется туда— и давай играть, плавать.... Тогда китъ, замѣтивъ что полакомиться есть чѣмъ, — разѣваетъ свою пасть, — а вода такъ и бросится въ нее какъ въ пропасть, увлекая за собой всѣхъ этихъ глупенькихъ шалуновъ, которые тамъ исчезаютъ.

Но не поздоровилось бы киту отъ подобнаго обѣда: въ желудкѣ его, какъ онъ не великъ, не могло бы помѣститься огромное количество проглатываемой имъ воды. Во избѣжаніе этого неудобства, разумная природа устроила на верху его головы, два носовыя отверстія, называемыя дыхалами, изъ которыхъ выкидывается вода какъ изъ фонтановъ.

И каковъ видъ, когда десять, или двадцать китовъ, сплотившись вмѣстѣ, плывутъ, какъ какой нибудь громадный корабль, выкидывая на 5, на 6 саженъ въ вышину цѣлыя колонны воды! Или

когда это дружелюбное общество вздумаетъ повеселиться, поиграть: — поднимутся, бывало, господа киты во всю свою длину, да потомъ бухъ! въ воду!.... Каковъ шумъ! каковъ кругъ разбѣжится по водѣ отъ паденія такихъ богатырей!

— Да я думаю! воскликнулъ Миша, большой камень бросить въ воду, такъ и тотъ бултыхнется такъ, что чудо, — а такое чудовище....

— Какое чудовище? что ты Миша? китъ — красавецъ! возразила Саша.

— Ну, это только китовымъ усамъ кажется, что китъ красавецъ, замѣтила Марья Андреевна, — въ дѣйствительности же онъ болѣе похожъ на чудовище. Но разскажите намъ, усики, продолжала Марья Андреевна, какъ жили вы въ морѣ, что видѣли въ глубинахъ океана?

— О! какъ великъ и прекрасенъ былъ нашъ океанъ!.... продолжалъ зонтъ, никогда я его не забуду! никогда! Буря-ль разыграется — и заходятъ сѣдыя, косматыя волны, загудятъ, застонутъ.... ничто не попадайся имъ тогда на пути— все побѣдятъ, все поглотятъ! Въ тихую погоду, море, родина наша, какъ нѣжная мать колышетъ насъ въ своей обширной колыбели и кормитъ своими питательными волнами, наполненными милліонами крошечныхъ, превкусныхъ животныхъ.

Весной, какъ только солнышко начнетъ пригрѣвать воду, изъ глубины океана выплываютъ

на поверхность милліоны живыхъ существъ. Сельди плывутъ плотными слоями, мечутъ золотистую икру, — точно песчаный островъ выступаетъ надъ волнами и хочетъ застлать собою море. Сколько ихъ тутъ? Кто осмѣлится сосчитать эти легіоны, эту живую безконечность жизни.... Въ одну ночь рыбаки налавливаютъ сельдей до десяти тысячъ боченковъ. На двѣ, на три сажени въ глубину воды не видно, отъ изобилія икры и молокъ. Представьте себѣ, что каждая сельдь имѣетъ до ста тысячъ яицъ. А треска еще получше сельди: до девяти милліоновъ яицъ имѣетъ одна такая рыбка! за то Англія посылаетъ на ловлю ея до тридцати чысячъ матросовъ, — а сколько другія страны? Да, вотъ какова треска! для нее одной создались колоніи, устроились конторы и города.

Но чтобы могъ сдѣлать человѣкъ? — Всѣ ваши усилія, флоты, рыбныя ловли, — были бы ничто: сельдь и треска, не говоря уже о другихъ рыбахъ, пожалуй, запрудили бы море и сдѣлали бы изъ него какое нибудь болото. — Чтобъ отвратить подобную опасность, жизнь обратилась къ сестрѣ и спутницѣ своей, смерти, и сказала ей: «Приди ко мнѣ на помощь! Нѣкоторыя породы рыбъ такъ плодовиты, что могутъ превратить питательныя волны морей въ какую нибудь мутную тину, что было бы очень вредно для другихъ существъ, живущихъ въ ихъ глубинахъ». Смерть от-

вѣчала, что она сама по себѣ тоже ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи великой природы. Тогда жизнь и смерть обратились къ природѣ! «Создай намъ, говорили онѣ силу уничтоженія, силу равновѣсія!» Разумная природа и вызвала со дна моря самое обжорливое чудовище — акулу, которое своей страшной пастью поглощаетъ все, что ни попадется ему на пути — и такимъ образомъ очищаетъ море. Но есть въ моряхъ, кромѣ акулы и и другія рыбы, которыя по ремеслу своему такіе же прожорливые ѣдоки какъ и акула, хоть не въ такой степени.

Но не утомилъ ли я васъ, любезные дѣти? Я такъ разболтался, вспоминая прошлое....

— О нѣтъ! нѣтъ, миленькій зонтъ! закричали мы всѣ въ одинъ голосъ, — продолжай пожалуйста, намъ такъ весело тебя слушать! разскажи еще что нибудь, если можешь.

— Если можешь!... сказалъ насмѣшливо зонтъ и соскочилъ съ пружинки, — да въ глубинахъ океана скрывается столько чудесъ, что и ввѣкъ не перескажешь! Жемчуги, коралы, раковины, полипы, грецкія губки.... Но надо сознаться, что крошечныя, микроскопическія животныя, населяющія океанъ, еще занимательнѣе и даже полезнѣе насъ морскихъ великановъ.

Представьте себѣ, продолжалъ зонтъ, что въ одной каплѣ морской воды столько этихъ крошеч-

ныхъ животныхъ, что никакой человѣческій глазъ, никакой умъ ихъ сосчитать не можетъ.

Что такое? кто такіе эти крошки? — Не болѣе не менѣе какъ строители нашей земли. Да будетъ вамъ извѣстно, что большая часть земли, по которой вы ходите, была сдѣлана этими крошечными, незамѣтными животными, міры созданы работниками, величиною съ булавочную головку!

— Въ самомъ дѣлѣ?... какимъ же это образомъ? воскликнула я.

— Да я и понять не могу, какъ это такія крошечныя животныя, величиной съ булавочную головку, могутъ сдѣлать землю?... сказала Саша.

— Въ природѣ маленькіе дѣлаютъ великое, продолжалъ зонтъ: каждый полипъ, коралъ, каждая раковинка, послѣ своей смерти превращаются въ крошечное зернышко камня.—Изъ всѣхъ этихъ камешковъ создалась наша земля. Громадные мѣловые пласты, находящіеся повсюду, сдѣлались изъ раковинъ, крошечныхъ морскихъ животныхъ. Города ваши, Петербургъ, Парижъ, Лондонъ, выстроены изъ ихъ тѣлъ, изъ ихъ бренныхъ остатковъ.

— Ну, любезный зонтъ, разсказалъ ты намъ удивительную исторію! Но скажи пожалуйста какимъ образомъ узналъ ты все это? сказала Марья Андреевна.

— Сначала я принадлежалъ, отвѣчалъ зонтъ, очень ученому господину и стоялъ въ его кабине-

тѣ, такъ я видѣлъ и слышалъ все, что онъ дѣлалъ и говорилъ. — Боже мой! какъ онъ работалъ, чтобъ узнать все то, что я передалъ вамъ въ полчаса. Случалось и по ночамъ читаетъ, думаетъ, пишетъ, а все для того, говорилъ онъ, чтобъ другимъ людямъ легче было узнать тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ такимъ тяжелымъ трудомъ.

Въ это время Марья Андреевна какъ-то покачнулась на стулѣ и толкнула столъ, возлѣ котораго мы сидѣли, а онъ и покатился на своихъ колескахъ по паркету.

— Что это значитъ? сказала Марья Андреевна, — столъ расходился: ужъ не хочетъ ли и онъ разсказать намъ что нибудь? спросите-ка его дѣти.

Миша подскочилъ къ столу, да какъ закричитъ:

— Эй ты! пузатый столъ! не хочешь ли поговорить съ нами немножко? Отвѣчай-ка!

— Охъ! охъ!... застоналъ столъ, дайте духъ перевести, — побѣжалъ и усталъ съ непривычки.

— А зачѣмъ же ты побѣжалъ? спросили мы.

— Охъ!... да я хотѣлъ обратить на себя — охъ!... ваше вниманіе — охъ!...

— Видишь какъ разохался! сказалъ кто-то.

— Ну, мама, я думаю твой столъ ничего не съумѣетъ намъ разсказать, сказала я.

— Увидимъ! отвѣчала мама, но только вотъ

бѣда, поздно собрался онъ разсказывать свою исторію. Отложимъ ее на слѣдующій разъ, если вамъ нравится такая игра.

— О, намъ очень нравится! закричали дѣти,— Наталья Васильевна, душенька, еще не поздно, разскажите намъ сегодня, теперь, сейчасъ же....

— Нѣтъ, дѣти! Гостямъ пора ѣхать домой, а намъ идти спать. Но какъ только опять соберемся вмѣстѣ, — я вамъ разскажу исторію стола. Нечего было дѣлать. Гости наши отправились домой, а мы, простившись съ ними, побѣжали къ своимъ кроваткамъ.

Вторникъ, 15 іюня.

Сегодня рано Марья Андреевна уѣхала отъ насъ, но обѣщалась скоро опять навѣстить насъ. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда прибѣжала къ намъ Аня,— такая встревоженная.

— Что съ тобой Аня? Что случилось? спросила мама.

— Ахъ, сударыня! не знаю, что сдѣлалось съ моей бабушкой, — спитъ до сихъ поръ! будила, будила, — не могла добудиться, — лежитъ, не пошевелится, да такая холодная....

— Боже милосердный! Воскликнула мама.

— Мама! что ты? Какъ ты поблѣднѣла? спросила я.

— Ничего, душа моя! Гдѣ моя шляпка? Дай

мнѣ бурнусъ, Ариша, и иди со мной. Можетъ быть, нужно будетъ послать за мужемъ, говорила мама, одѣваясь торопливо, а руки ея дрожали и сама была такая печальная.

— И я, мама, одѣнусь и пойду съ тобой? спросила я.

— Нѣтъ, Вѣрочка, въ этотъ разъ ты останься дома. Я скоро ворочусь и скажу тебѣ что случилось.

Нечего дѣлать, надо было остаться дома.

7 часовъ вечера.

Мама возвратилась.—Бѣдная старушка умерла должно быть ночью, а когда Аня будила ее, она уже была мертва. Что будетъ съ Аней? Какъ мнѣ ее жаль! все объ ней думаю и такъ мнѣ грустно — все плакала бы и плакала!... Зачѣмъ я не большая, — я бы что нибудь сдѣлала для Ани! но, къ несчастію, я еще мала, ничего не умѣю, ничего не знаю и помочь никому не могу! Однако же Аня тоже маленькая, а помогала жить своей бабушкѣ, сама старушка говорила, что безъ нее пропала бы совсѣмъ. А я? Неужели я ничего не могу сдѣлать для Ани?... У меня есть рубль серебра— отдамъ ей; есть у меня еще два ситцевыхъ платья— но это зависитъ отъ мамы! Развѣ вотъ что! прекрасная мысль! — Марья Андреевна говорила, что ей нужно будетъ купить маленькихъ чайныхъ сал-

феточекъ, вязанныхъ тамбурнымъ крючкомъ, а я отлично умѣю ихъ вязать! Навяжу этихъ салфеточекъ цѣлую дюжину и продамъ Марьѣ Андреевнѣ, а деньги, мною заработанныя, отдамъ Анѣ. Вотъ я и буду помогать жить Анѣ, она не будетъ уже ходить по міру, а чтобъ дѣло шло успѣшнѣе, то и Аню выучу вязать салфеточки. — Ахъ какъ хорошо я придумала, веселѣй какъ-то мнѣ сдѣлалось.

Четвергъ, 17 іюня.

Сегодня похороны бѣдной Марфы. Я спрашивала маму, зачѣмъ она не пошла на похороны.

— Тамъ собралось теперь много народу, отвѣчала мнѣ мама, все бѣдные люди; сейчасъ обратили бы на меня вниманіе, узнали бы пожалуй, что я на свои деньги похоронила нашу почтенную старушку. — Добро надо дѣлать такъ, милая моя Вѣрочка, прибавила мама, чтобы никто не зналъ. Но къ сожаленію, ты встрѣтишь въ своей жизни много такихъ людей, которые помогаютъ ближнимъ именно для того только, чтобъ всѣ о томъ знали и считали бы ихъ лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ.

— Что же будетъ съ Аней? спросила я.

— Я и сама не знаю, отвѣчала мама. — Бѣдная сиротка работать не умѣетъ и не можетъ, еще мала!... Какъ она будетъ жить одна, въ этой вет-

хой, полуразвалившейся избушкѣ? Кто о ней позаботится?

— Какъ кто, мама? А мы то на что? воскликнула я, — неужели ты оставишь Аню! Вѣдь тебѣ ее жаль, мама? Да? Возьмемъ ее къ себѣ въ домъ, пусть живетъ съ нами.

— Ты даешь мнѣ хорошій совѣтъ, милая моя Вѣра, я съ радостію готова бы ее взять. Но тогда, на насъ будетъ лежать большая отвѣтственность! Положимъ, что мы будемъ кормить, одѣвать Аню; но это самое маловажное, — главное дѣло въ томъ, что мы обязаны будемъ заняться ея воспитаніемъ, — чтобъ потомъ она, какъ выростетъ большая, умѣла сама пріобрѣсть себѣ средства къ жизни.

— Чему же надо ее учить, мама?

— Читать, писать, надо также, чтобъ она и считать умѣла....

— Ахъ мама! Да это ничего! Всему этому я могу ее учить, — только я не очень то хорошо еще умѣю считать, но я постараюсь выучиться этому поскорѣе — вотъ и все! А что же еще должна знать Аня?

— Хозяйство: мыть, гладить, шить, сготовить небольшой обѣдъ, — но этому я могу ее выучить съ помощію нашей доброй Арины.

— Ну, вотъ видишь, мама, значитъ трудности большой нѣтъ! Возьмемъ же къ себѣ Аню; какъ

она будетъ рада! — а какъ я рада! мама, голубка моя! — наша бѣдненькая Аня не будетъ ходить по міру!... Мама, родная, обними меня, поцѣлуй меня — какъ я рада.... говорила я въ восторгѣ, цѣлуя ручки моей доброй мамы.

— Хорошо Вѣра, пусть будетъ по твоему, — спросимъ только отца, хоть я увѣрена заранѣе, что онъ будетъ согласенъ.

Пятница, 18 іюня.

Сегодня къ намъ пришла Аня совсѣмъ на житье. Кроватку ея поставили въ комнатѣ Ариши.

Вторникъ, 1 сентября.

Два мѣсяца была больна; но теперь мнѣ лучше и я снова принимаюсь за свой дневникъ.

Къ намъ пріѣхала г-жа Бутинова, она должна отправиться на пароходѣ въ Казань, для свиданія съ родными, и хочетъ оставить у насъ недѣли на двѣ своего сына Сережу. Мама съ удовольствіемъ согласилась на ея просьбу, и Сережа остался у насъ. Новый товарищъ мой, кажется, хорошій мальчикъ, но далеко не такъ онъ мнѣ нравится какъ Саша и Миша.

Суббота, 5 сентября.

Мы съ Сережей играемъ вмѣстѣ, читаемъ, прогуливаемся, но почему то я никакъ не могу полюбить его, и отъ этого мнѣ съ нимъ неловко.

Сережа уменъ, — но зачѣмъ онъ хвалится безпрестанно: «я ученый, говоритъ онъ, я не только днемъ, но и по ночамъ все книги читаю!» Напримѣръ мы играемъ, а онъ ни съ того ни съ сего остановится передо мной, сдѣлаетъ какую то смѣшную гримасу, подбодрится и спроситъ:

— Скажи мнѣ, Вѣрочка, что вертится солнце или земля?

— Я этого не знаю, отвѣчала я.

— А что больше земля или солнце? спрашиваетъ онъ.

— Конечно земля, сказала я.

— Ха, ха, ха! Да ты ничему не училась, ничего не знаешь, — какая же ты глупая!

Я чуть не заплакала и отошла отъ этого хвастуна.

Воскресенье, 6 сентября.

Сегодня утромъ мама сидѣла на балконѣ, и я возлѣ нея, а Сережа, взявъ свою книгу, съ которой онъ почти не разстается, — ходилъ пресмѣшно въ саду противъ насъ, дѣлая видъ будто читаетъ, а самъ безпрестанно посматривалъ на насъ изъ подтишка,—глядимъ мы на него или нѣтъ?

Въ это время подошелъ къ нему добрый Яша, сынъ нашего садовника.

— Здравствуйте баричъ! сказалъ онъ.

— Поди прочь! ты мнѣ мѣшаешь! сказалъ грубо Сережа.

— Извините, баричъ, но я хотѣлъ поговорить съ вами, — вы все съ книгой, — чай много знаете?

— Знаю, да не для тебя! не съ тобой стану я говорить объ ученыхъ вещахъ.

— А развѣ васъ убудетъ отъ этого, баричъ?

— Иди своей дорогой, и не мѣшай мнѣ — слышишь? закричалъ сердито Сережа.

Въ это время мама встала съ своего мѣста и подошла къ Сережѣ.

— Сережа, зачѣмъ не хотѣлъ ты поздороваться и такъ грубо отвѣчалъ ему?

— Вотъ, стану я здороваться съ такимъ дуракомъ! онъ ничего не знаетъ!

— Да, Яша не знаетъ того, чему ты выучился, но вѣрь мнѣ, что мальчикъ этотъ очень хорошо знаетъ то, о чемъ ты и понятія не имѣешь, а потому вы оба могли бы научиться чему другъ отъ друга.

— Онъ многому можетъ отъ меня научиться, а я? Какую новость узнаю отъ него? возразилъ Сережа.

— Положимъ, что ты современемъ будешь имѣть свою землю, говорила мама, — чтобы быть хорошимъ хозяиномъ нужно заранѣе пріобрѣсти кое какія свѣдѣнія, — напримѣръ: знать время по-

сѣва и жатвы, умѣть различать деревья и растенія. — Яша все это прекрасно знаетъ, — и познанія его впослѣдствіи могутъ быть для тебя очень полезны, тогда какъ твои для него совершенно не нужны. Вотъ и значитъ, что Яша можетъ сдѣлать для тебя гораздо болѣе добра, чѣмъ ты для него.

— Но скажите пожалуйста, Наталья Васильевна, развѣ мнѣ прилично учиться у крестьянскаго мальчишки, — я сынъ генерала, а онъ мужикъ?

— Ты меня удивляешь, Сережа, замѣтила мама, неужели не знаешь ты до сихъ поръ, что достоинство человѣка не въ чинахъ, не въ богатствѣ, а въ честности и пользѣ, приносимой имъ обществу? А ты согласишься, что какъ въ томъ такъ и въ другомъ преимущество на сторонѣ Яши.

— Какъ? вы думаете что вашъ Яша не только полезнѣе, но и честнѣе меня? — спросилъ Сережа, надувшись.

— Конечно, отвѣчала мама, честенъ тотъ, кто исполняетъ свои обязанности. Яша въ отношеніи къ тебѣ вѣжливъ, добръ, привѣтливъ, — а ты, чѣмъ ему за это платишь?—грубостію и чванствомъ. И почему ты думаешь, что онъ хуже тебя? Яша трудолюбивъ, добръ и уменъ. Я знаю очень хорошо его отца и мать; въ немногихъ богатыхъ домахъ найдешь ты столько честности, какъ въ ихъ избѣ.

*

Повѣрь мнѣ,—Яша можетъ быть тебѣ отличнымъ товарищемъ!

Сказавъ это, мама ушла, а Сережа, покраснѣвъ отъ злости, ворчалъ себѣ подъ носъ: «Хорошъ товарищъ, нечего сказать! Мальчишка, мужиченокъ! и онъ меня станетъ учить? — пускай-ка попробуетъ?... Завтра онъ придетъ сюда, и ты увидишь, Вѣрочка, какъ я его отдѣлаю.

Вторникъ, 8 сентября.

Господи, какая бѣда случилась сегодня! Едва могу писать, — а все этотъ Сережа! Сидѣла я въ саду и Сережа былъ тутъ же, — подходитъ къ намъ Яша, — онъ держалъ въ рукѣ прехорошенькій сплетеный изъ соломы ящичекъ.

— Не угодно ли вамъ, баричъ, сказалъ онъ Сережѣ, принять отъ меня въ подарокъ этотъ ящичекъ моей работы.

— Фи! Какой гадкій! закричалъ Сережа,—этотъ ящикъ похожъ на твои локти, мнѣ не надо такой дряни!

— Еслибъ я это зналъ, то не работалъ бы его вчера до поздней ночи, сказалъ Яша.

Сережа между тѣмъ вытащилъ изъ кармана свою книгу, оттопырилъ пресмѣшно губы и сказалъ:

— Я хочу читать Телемака, — знаешь ты это сочиненіе?

— Нѣтъ-съ, не знаю, и не слыхивалъ такого мудренаго названія. Позвольте посмотрѣть, отвѣчалъ Яша, протягивая руку, чтобы взять книгу.

— Не тронь! не прикасайся своими грязными руками! закричалъ Сережа.

— Извините, я только что ихъ вымылъ, сказалъ Яша.

— Какія рукавицы! воскликнулъ Сережа, взявъ за одинъ палецъ руку Яши, и грубо отбросилъ ее отъ себя.

— Ошибаетесь, баричъ, это не рукавицы, а руки! замѣтилъ Яша!

— Хороши руки! продолжалъ Сережа, подошва на моихъ сапогахъ гораздо нѣжнѣе и мягче, чѣмъ твои шершавыя руки.

— Эхъ, баричъ, баричъ! Вы такой маленькій, а обижать умѣете! Мои руки загрубѣли, сударь, не отъ лѣности; вы многому учитесь, а того не знаете, что обижать людей не годится, — а я это и безъ ученья знаю. — Прощайте!

Сказавъ это, Яша убѣжалъ.

— Мнѣ кажется, что этотъ дуракъ еще подсмѣивается надо мной?... Каковъ! Каковъ! восклицалъ Сережа.

Во время этого разговора мнѣ такъ былъ противенъ Сережа, что я повернулась къ нему спиной, — да такъ и сидѣла; но несносный Сережа перешелъ на другую сторону и началъ какъ маят-

никъ ходитъ взадъ и впередъ возлѣ меня: вѣрно ждалъ, что я буду его хвалить за грубое и дерзкое обращеніе съ Яшей, — какъ не такъ! Я сидѣла молча и хотѣла уже встать и идти домой,— какъ вдругъ мой Сережа вздернулъ голову, подбодрился и, остановясь предо мной, спросилъ:

— А видала ли ты, Вѣрочка, такого мальчика, какъ я?

— Нѣтъ не видала!

— А вѣдь я лучше другихъ? — Сознайся!

— Нѣтъ не лучше, только смѣшнѣе.

— Какъ? Я смѣшенъ? а почему это?—позвольте спросить.

— Потому что ты важничаешь, кривляешься,— самъ на себя не похожъ! Какъ посмотрю на тебя, мнѣ такъ и кажется, что это не ты, а кто то другой залѣзъ въ тебя, да и представляется.

— Важничаетъ! представляется! Вотъ тебѣ, бя, бя, бя! закричалъ Сережа, высунувъ мнѣ языкъ.

— Какъ это глупо дразниться языкомъ, — сказала я.

— Глупо! глупо!... Да въ цѣлой твоей головѣ нѣтъ столько мозгу, какъ у меня въ ногтѣ. — Развѣ ты не видишь, глупая дѣвочка, что я цѣлый день хожу съ книгой?

— Вижу, — но ты носишь свою книгу, какъ фокусникъ куклы — на показъ! а совсѣмъ не потому, что любишь учиться.

— А! тебѣ завидно, что ты не такая какъ я!...

— Что ты, Сережа, что ты! смѣшной я быть не хочу!

— Я смѣшной, а ты дура, дура! дура! кричалъ Сережа, топая ногами, — вы всѣ здѣсь гадкія, никто меня не хвалитъ! Я жить съ вами не хочу, убѣгу въ лѣсъ, да, убѣгу, — а тебѣ достанется, — тамъ меня съѣдятъ волки, — убѣгу! убѣгу! Вотъ будетъ тебѣ, постой! И Сережа пустился бѣжать къ лѣсу.

Я не знала, вѣрить ли мнѣ ему или нѣтъ? Сережа часто лжетъ, думала я, можетъ, онъ хочетъ только напугать меня? Подожду немного; посмотрю, что будетъ, — къ обѣду онъ вернется. Я стала ждать. — Прошелъ часъ, прошелъ другой, а его все нѣтъ, я обѣжала весь садъ, заглянула всюду, не спрятался ли онъ гдѣ нибудь, — нигдѣ его не было!... Боже, что мнѣ дѣлать! идти сказать мамѣ? Это будетъ похоже на жалобу, а я никогда ни на кого не жаловалась. Ахъ, несносный Сережа! Какое мнѣ съ нимъ мученье! Наконецъ слышу, звонятъ къ обѣду, — Боже мой! Чтожъ я скажу мамѣ? Вѣдь я сама виновата, — зачѣмъ съ нимъ поссорилась? Сама себя не помня, я бросилась бѣжать въ комнаты, но въ дверяхъ столкнулась съ мамой и чуть не сбила ее съ ногъ.

— Вѣра, что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ? Что случилось?

Я плакала и молчала.

— Вѣра, чтожъ ты молчишь? — точно сдѣлала что нибудь дурное и не хочешь мнѣ сказать, проговорила мама какъ то такъ печально, что я не вытерпѣла, бросилась къ ней, и обняла ее.

— Мама! милая мама, голубка моя, прости меня!—я поссорилась съ Сережей, а онъ съ досады убѣжалъ въ лѣсъ, сказалъ, что жить съ нами не хочетъ, что онъ пропадетъ тамъ, что его съѣдятъ волки.

— Успокойся, Вѣрочка, сказала ласково мама,— и раскажи все какъ было.

Я разсказала.

— Пойдемъ къ папѣ, онъ посовѣтуетъ намъ что дѣлать.

— Послушай, другъ мой, сказала мама, входя въ кабинетъ,—Сережа поссорился съ Вѣрочкой и съ досады убѣжалъ въ лѣсъ. Мѣстности здѣшней онъ не знаетъ, пожалуй заблудится, такъ что ночью его и найдти нельзя будетъ. Выслушай какъ это случилось, и мама разсказала всѣ подробности.

— Убѣжалъ въ лѣсъ, такъ пусть тамъ и ночуетъ, — это для него будетъ хорошимъ урокомъ, сказалъ папа.

— Что ты! какъ это можно? да я всю ночь не засну, и готова идти сама искать его, сказала мама.

— Ты пойдешь искать этого негоднаго мальчишку? Да онъ для того только и убѣжалъ, чтобы заставить всѣхъ безпокоиться о себѣ, возразилъ папа.

— Такъ чтожъ мнѣ дѣлать, скажи пожалуйста? Юлія Ивановна поручила мнѣ Сережу, — я должна заботиться о немъ, — а онъ теперь въ лѣсу, одинъ.... О, Боже мой! онъ можетъ испугаться чего нибудь, — заболѣть!

— Положись на меня, Наташа. Какъ другъ и родственникъ Юліи Ивановны, я принимаю всѣ послѣдствія на свою отвѣтственность, — но чтобы тебя успокоить, я пошлю въ лѣсъ Яшу, — онъ тамъ знаетъ всѣ тропинки и безъ труда отыщетъ Сережу и переночуетъ съ нимъ въ лѣсу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ будетъ спать нашъ садовникъ, — значитъ, опасности нѣтъ никакой, но непремѣнно нужно проучить этого негоднаго мальчишку. Завтра утромъ мы всѣ встрѣтимъ нашего бѣглеца, и ручаюсь, что онъ возвратится къ намъ лучшимъ чѣмъ былъ.

Среда, 9 сентября.

Бѣдная мама провела очень безпокойную ночь, — я тоже долго, долго не могла заснуть, все думала о Сережѣ. Сегодня когда мы пришли въ столовую — папа былъ уже тамъ.

— Ну что папа? Какія новости? Гдѣ Сережа?

— Сережа отлично спалъ съ Яшей на соломѣ подъ деревомъ, — но пусть онъ самъ разскажетъ намъ свои похожденія; вонъ, видишь? онъ бѣжитъ по тропинкѣ, и какъ скоро!

Сережа вбѣжалъ въ комнату и бросился цѣловать папу, маму, меня.

— Наталья Васильевна! простите меня! О, какъ я наказанъ! Никогда не забуду этой ужасной ночи! Если бы не добрый товарищъ мой Яша, я, кажется, умеръ бы со страху!

— Сережа! голубчикъ мой! какъ я рада что тебя волки не съѣли! говорила я, обнимая его.

— Вѣрочка, не сердись на меня! Вчера я тебѣ наговорилъ кучу дерзостей. Михайло Герасимовичъ! лепеталъ Сережа, не смотрите на меня такъ строго, — вы увидите, что я буду теперь совсѣмъ другой.

— Когда такъ, Сережа, — мы отъ души прощаемъ тебя и радуемся твоему прекрасному намѣренію перемѣниться немножко, — поспѣшила сказать добрая мама.

— Но разскажи намъ, пожалуйста, какимъ образомъ встрѣтился ты съ Яшей, и что было съ тобою въ эту ночь?

— Все, все разскажу вамъ! Браните меня, я стою этого, и понимаю теперь, какой я былъ гадкій и злой.

И вотъ что Сережа разсказалъ намъ:

Носсорившись со мной онъ побѣжалъ въ лѣсъ; «Пускай же поищутъ меня теперь, думалъ онъ, а Вѣрочку непремѣнно накажутъ за то, что я пропалъ, — такъ ей и надо!» И все шелъ дальше и дальше въ лѣсъ. Стало смеркаться *). «Что это никто меня не ищетъ?» думалъ онъ и все ждалъ, прислушивался, — никого нѣтъ, какъ нѣтъ! — Стемнѣло. — Ему сдѣлалось страшно. «Боже мой! уже ночь, а никто не идетъ», говорилъ онъ. Вдругъ что то зашумѣло между листьями, — онъ какъ сумасшедшій бросился въ сторону и такъ ударился объ дерево головой, что у него на лбу вскочила большущая шишка. Тутъ ужъ онъ совершенно растерялся! — «Въ лѣсу есть волки, змѣи, думалъ онъ, что со мной будетъ?» Со страху онъ уже хотѣлъ бѣжать, самъ не зная куда, какъ вдругъ кто-то выскочилъ изъ за куста и онъ услыхалъ знакомый голосъ.

— Здравствуйте, баричъ!

Сережа чрезвычайно обрадовался.

— Яша, другъ мой, закричалъ онъ, бросившись къ Яшѣ, я заблудился! Не уходи, останься со мной!...

Яша подошелъ къ Сережѣ, посмотрѣлъ на него, да какъ захохочетъ.

---

*) Этотъ разсказъ съ нѣкоторыми измѣненіями взятъ изъ дѣтскихъ драмъ Веркена.

— Баричъ! Въ умѣ ли вы! что вы говорите? Я вашъ другъ? Да вы со страху забыли видно, что я гадкій мужиченокъ и больше ничего!

— Яша, прости меня, говорилъ со слезами Сережа, я никогда не буду обижать тебя, — ради Бога, проводи меня домой.

— Скажите-ка лучше, баричъ, прочитали вы ту мудреную книгу, — какъ бишь ее! Кулебякъ, — что ли? спросилъ Яша.

— Не мучь меня, Яша, ты увидишь, я буду совсѣмъ другой, только проводи меня домой.

— А! вотъ видите, баричъ, и гадкій мужиченокъ можетъ пригодиться. Вы теперь все готовы отдать за то, чтобы знать дорогу.

— Яша! я былъ глупъ и дерзокъ, — сознаюсь въ этомъ.

— А! очень радъ! но, можтъ, вы каетесь на одну минуту, а какъ выведу васъ изъ лѣсу, — вы и забудете, что ни большой, ни маленькій баринъ не долженъ смотрѣть на честнаго работника какъ на собаку, съ которой онъ можетъ дѣлать все что захочетъ. — А я, хоть и мужикъ, а зломъ за зло платить не хочу.

И добрый Яша остался ночевать съ Сережей въ лѣсу, отыскалъ гдѣ то сѣна, и разостлалъ его подъ деревомъ.

— Мы будемъ спать вмѣстѣ въ одной комнатѣ и на одной постели, сказалъ онъ.

— Ахъ, милый мой Яша! гдѣ же твоя комната, пойдемъ туда скорѣе?

— Вотъ моя комната и моя постель, сказалъ Яша, ударяя рукой по землѣ. — Ложитесь возлѣ меня, мѣста вдоволь, сколько хочешь!

— Какъ? мы здѣсь въ лѣсу будемъ ночевать?

— А какъ же! сказалъ весело Яша, — здѣсь такъ хорошо, что никакой принцъ лучше насъ не выспится. Посмотрите, что за комната: потолокъ усыпанъ алмазами, лампа,—словно серебро, — говорилъ онъ показывая на луну, — на стѣнахъ разрисованныя деревья во всю свою красу. — Ложитесь-ка баринъ!

Но Сережѣ было не до сна, — онъ былъ голоденъ, — добрый Яша помогъ и этой бѣдѣ, — онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько картофелей и отдалъ ихъ Сережѣ, — тотъ обрадовался, поднесъ ко рту, — но опять новое горе — картофели сырые.

— Экая важность! стоитъ только ихъ испечь,— разведите огонь! сказалъ Яша.

Развести огонь, да какъ это сдѣлать? нѣтъ ни дровъ, ни углей, и ни одной зажигательной спички. Сережа былъ въ затрудненіи. Яша захохоталъ.

— Такъ вы и этого не знаете? сказалъ онъ,— почему же вы считаете себя такимъ ученымъ господиномъ!

— Да, Яша, я не знаю какъ сдѣлать огонь,— проговорилъ Сережа.

— Ну такъ я вамъ докажу теперь на дѣлѣ, что я знаю побольше васъ!

Онъ досталъ изъ кармана кремень.

— Чикъ! чикъ! вотъ и огонь! Увидите какой устроимъ, — такую иллюминацію сдѣлаемъ, что всѣ волки перепугаются и убѣгутъ отъ насъ.

Яша собралъ сухихъ листьевъ, вложилъ въ средину зажженный трутъ и все махалъ рукою, пока огонь не разгорѣлся, потомъ на загорѣвшіеся листья набросалъ множесто сухихъ вѣтвей, а картофель положилъ съ краю, прикрывъ ихъ растертой землей, чтобы не сгорѣли, а только испеклись-бы въ огнѣ.

— Яша! голубчикъ мой! говорилъ Сережа, обнимая его,—чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя за всѣ твои заботы обо мнѣ?

— Эхъ! что за благодарность! Не для благодарности вашей хочу я быть добрымъ мальчикомъ, а потому что гораздо лучше и пріятнѣе быть добрымъ человѣкомъ, чѣмъ злымъ! говорилъ Яша, усаживаясь передъ огнемъ.

Сережа тоже къ нему присоединился, — и они стали грѣться.

— Какимъ я казался себѣ гадкимъ и глупымъ,— говорилъ намъ Сережа, — не дальше какъ утромъ я смѣлъ презирать этого добраго Яшу, —

а что такое я въ сравненіи съ нимъ? Но впередъ этого не случится, — теперь буду уважать всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ!

— Ну, что же потомъ! Вы поужинали и легли спать? спросила я.

— Какое! поужиналъ я одинъ, — а Яша не хотѣлъ съѣсть ни одной кортофельки и потомъ когда я легъ спать, онъ снялъ свой кафтанъ и прикрылъ меня, а самъ долго еще сидѣлъ и караулилъ огонь, чтобы не потухъ.

Да, вотъ каковъ Яша! а я смѣялся надъ нимъ! Но теперь, при всѣхъ, прошу тебя Яша, прости меня и согласись быть моимъ другомъ и товарищемъ.

Сережа обнялъ и поцѣловалъ Яшу.

— А мы, сказалъ папа, въ честь новыхъ друзей устроимъ праздникъ. Сегодня въ семь часовъ вечера прошу всѣхъ приготовиться ѣхать въ поле.

— А пока, напейтесь-ка горячаго чаю, вы, я думаю, озябли и проголодались,. прибавила мама.

Сережа и Яша съ апетитомъ принялись пить чай. Вечеромъ мы всѣ поѣхали въ лѣсъ на то самое мѣсто, гдѣ ночевалъ Сережа. — Подъ деревомъ стоялъ столъ, на которомъ былъ приготовленъ чай и десертъ для гостей. — Пріѣхали неожиданно Марья Андреевна съ дѣтьми, Озеровы дѣти, общая любимица Аня была тоже съ нами, — веселье было такое что чудо!

Послѣ чаю мы пошли гулять къ озеру, — тутъ была приготовлена большая лодка, — мы всѣ въ нее усѣлись и плавали долго по озеру,—и смерклось уже, когда мы возвратились на прежнее мѣсто. — Но каково было наше удивленіе! Вся площадка освѣщена была чудными разноцвѣтными фонариками, а на срединѣ, гдѣ прежде стоялъ столъ, — пылалъ огромный костеръ.

— Вотъ такъ иллюминація! воскликнулъ Яша. Это получше нашей! Не правда ли, Сережа?

— Иллюминація! Иллюминація! Кричали мы, прыгая отъ радости.

— А на деревѣ-то что! на нашемъ деревѣ, подъ которымъ мы спали, посмотри Яша! кричалъ Сережа.

На вершинѣ дерева была огромная звѣзда, а по срединѣ ея сіяла надпись: для друзей.

Мы были въ восторгѣ: — бѣгали, играли, прятались другъ отъ друга. Но какъ ни было весело, а все таки надо было ѣхать домой. — Такъ и кончился этотъ день.

Пятница, 11 сентября.

Сегодня, прогуливаясь въ саду, Саша выдернула изъ моей грядочки чудесную красную морковку, взяла ее въ ротъ — хромъ! — ай! ай! что это такое? — выпалъ зубъ!

— Мама! мама! у меня зубъ выпалъ, кровь

идетъ, кричала она съ испугу, бросившись бѣжать домой.

— Чего жъ ты такъ испугалась? сказала Марья Андреевна, когда мы вбѣжали въ комнату.

— И у меня падали зубы въ твои лѣта. Возьми воды и выполощи хорошенько ротъ.

— Ну вотъ и все, прибавила она, улыбаясь, когда Саша исполнила ея приказаніе, — гдѣ же твой зубъ?

— А вотъ, мама, онъ у меня въ карманѣ.

— Зачѣмъ ты его спрятала?

— Для того, мама, что можетъ быть его можно будетъ еще вставить, — я слышала, что зубы вставляютъ.

— Да, вставляютъ, но для моей Саши это не нужно, потому что у нее вмѣсто выпавшаго зуба скоро выростетъ другой—гораздо лучше и крѣпче прежняго.

— Ну такъ я выброшу мой зубъ, сказала Саша.

— И прекрасно сдѣлаешь! Когда ты была маленькая, очень маленькая, въ то время когда я кормила тебя грудью, ты совсѣмъ не имѣла зубовъ, — тогда и надобности въ нихъ не было, потому что кромѣ молока ничего не пропускалъ твой ротикъ, но потомъ, выростая мало по малу, ты не могла уже питаться однимъ молокомъ, понадобились зубы. Тогда, какъ въ сказкѣ говорит-

ся, по моему прошенью, по щучьему велѣнью, маленькіе зародышки, находившіеся въ твоей челюсти, принялись за работу, и съ помощію фосфора и извести стали образоваться бѣлые, твердые кирпичики, которые потомъ одинъ за другимъ и повыходили потихоньку изъ своихъ мѣстечекъ.

— Что такое фосфоръ и известь? спросила я.

— Известь, или известка—это бѣлый, похожій на мѣлъ камень, добываемый изъ земли, а фосфоромъ называются бѣловатыя, въ палецъ толщины палочки,—продаются они въ лавкахъ,—купцы сохраняютъ ихъ въ банкахъ, наполненныхъ водою, потому что фосфоръ легко воспламеняется. Въ зажигательныхъ спичкахъ есть немного фосфору и если проведешь спичкой въ потьмахъ по стѣнѣ, то увидишь огненную полоску, которая будетъ горѣть нѣсколько времени. Но этимъ играть не слѣдуетъ, и, сохрани Богъ, брать въ ротъ спички,—въ фосфорѣ есть ядъ и часто имъ отравляютъ крысъ и мышей.

— И этотъ ядъ есть въ нашихъ зубахъ, мама? спросила Саша.

— Да, не только въ зубахъ, но въ костяхъ человѣка и каждаго животнаго есть фосфоръ,—доказательствомъ можетъ служить то, что фосфоръ дѣлается изъ костей, покупаемыхъ у мясниковъ.

— Но какимъ же образомъ попалъ въ наши зу-

бы и кости этотъ страшный фосфоръ? спросила я.

— Фосфоръ, также какъ и известь, находились въ твоей крови, а кровь взяла и то и другое изъ желудка.

А знаете ли вы хорошо что такое желудокъ? Это тотъ сундучекъ, въ который вы каждый день прячете вашъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ, также какъ и конфекты, фрукты и другія лакомства. Всѣ эти съѣстные припасы, называемые пищей, едва попадутъ въ вашъ суднучекъ, — хочешь не хочешь, начинаютъ свою работу: прокрадываются потихоньку во всѣ закоулочки тѣла и тамъ превращаются кому какъ нужно, кто въ косточку, кто въ тѣло, въ ноготь или въ волосъ. И едва желудокъ окончитъ свою работу, онъ снова требуетъ пищи: «давай! давай! я голоденъ!» говоритъ онъ, и вы снова открываете ротикъ и бросаете туда въ сундучекъ все что нужно.

— Но когда у насъ начали рости зубы, вѣдь я думаю не кормили же насъ ни фосфоромъ ни известью? Вы сами говорите, что кромѣ молока Саша ничего не могла тогда ѣсть. — Какъ же это попалъ въ насъ фосфоръ.

— Справедливо замѣтила ты, милая Вѣрочка, ни теперь, ни прежде вы не ѣли и не будете ѣсть ни фосфора, ни извести. Но и то и другое хоть въ самомъ маломъ количествѣ и смѣшанное съ

другими питательными веществами находились въ молокѣ вашей кормилицы, которая питалась чѣмъ?— мясомъ животныхъ, разными хлѣбными сѣменами, овощами и растеніями.

Растенія берутъ изъ земли для своихъ сѣмянъ, вмѣстѣ съ другими веществами; и фосфорно-кислую известь (родъ камня), а люди и животныя, употребляя эти сѣмена въ пищу, получаютъ то, что необходимо для образованія ихъ костей и тѣла: то есть фосфоръ и известь.

Видите-ли какая круговая порука ведется на свѣтѣ; все связано, одно другому помогаетъ и одно безъ другаго существовать не можетъ.

— Зачѣмъ это, мама, у насъ зубы? мы могли бы и мясо и хлѣбъ глотать такъ, какъ папа глотаетъ устрицы. Да я часто такъ и дѣлаю, — чуть, чуть пожую, да и проглочу, чтобы съѣсть скорѣе.

— И очень дурно дѣлаешь, — отъ этого ты можешь заболѣть. Глотая куски вполовину не разжеванные, ты задаешь желудку своему двойной трудъ: этотъ бѣдный желудокъ долженъ работать тогда за себя и за твои лѣнивые зубы.

— Ну такъ чтожъ? и пускай его работаетъ, не все ли равно, только быть бы сытой! сказала я.

— Нѣтъ, не все равно, говорила Марья Андреевна, съ больнымъ желудкомъ никакой человѣкъ здоровъ быть не можетъ. Главное дѣло въ

томъ, чтобы пища наша превратилась въ родъ жидкаго тѣста, тогда желудку легче ее переваривать. Впрочемъ при самомъ усердномъ жеванiи и раздробленiи, пища наша превращалась бы только въ сухой порошокъ, если-бъ не смѣшивалась со слюною, которая при малѣйшемъ движенiи челюсти вытекаетъ изъ слюнныхъ желѣзокъ, похожихъ на ту грецкую губку, которой вы моетесь каждое утро. Этихъ желѣзокъ три пары, — лежатъ онѣ подъ языкомъ, съ обѣихъ сторонъ нижней челюсти и около уха. А слюна наша есть простая вода съ примѣсью яичнаго бѣлка и соды, изъ которой дѣлается мыло. При движенiи языка слюна пѣнится, тоже бываетъ и съ мыломъ и съ бѣлкомъ если взбиваютъ ихъ чѣмъ нибудь.

— Но что это за шумъ за дверью? Кто это тамъ возится? спросила Саша.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, точно кто то хочетъ войти и не можетъ, — сказала Марья Андреевна.

— Кто тамъ? спросили мы, подбѣгая къ двери.

— Это я, отвѣчалъ голосъ за дверью, отоприте скорѣе.

Мы отворили дверь и предъ нами предсталъ Миша, запыленный, усталый, онъ тащилъ на спинѣ большущаго зайца.

— Вотъ что я вамъ принесъ! — Посмотрите-ка! Вели, мама, зажарить къ обѣду, — будемъ кушать; но только, пожалуйста, шкуру прикажи

снять осторожно, — я хочу сдѣлать чучелу, — Яша мнѣ поможетъ.

— Да скажи прежде всего, Миша, гдѣ взялъ ты этого зайца?

— Яша застрѣлилъ, мама, я самъ видѣлъ, своими глазами; мы съ нимъ вмѣстѣ ходили на охоту.

— Какой хорошенькій заяцъ! Миша, голубчикъ, покажи намъ, дай посмотрѣть, — мы никогда не видали вблизи зайца, кричали мы съ Сашей.

Марья Андреевна взяла зайца и положила на столъ.

— Будемъ вмѣстѣ любоваться этимъ зайчикомъ, сказала она.

— Какая пушистая, нѣжная шерстка! говорили мы гладя зайчика, — самъ сѣренькій, а грудочка и лапки какъ снѣгъ бѣленькія! Какъ жаль, что онъ не живой! А какія длинныя уши, а мордочка какая смѣшная!

— Ахъ, кстати, сказала я, посмотримъ какія у него зубы, — какъ бы это открыть его ротикъ.

— А вотъ я открыла, сказала Саша. — Ахъ, Боже мой! да у него всего четыре зуба и только на переди, а коренныхъ нѣтъ.

— Вѣрно этотъ заяцъ былъ старикъ, замѣтилъ Миша.

— О нѣтъ, и у другихъ зайцевъ точно такіе же зубы, сказала Марья Андреевна, болѣе четырехъ у нихъ не бываетъ, да и то переднихъ.

Крысы, кролики, бѣлки, бобры имѣютъ тоже такіе зубы, и зубы этихъ маленькихъ животныхъ, называемыхъ грызунами, замѣчательны тѣмъ, что ростутъ постоянно, такъ какъ у насъ ногти, — и если бы какой нибудь мышкѣ или бѣлкѣ вздумалось, хотя бы не надолго перестать грызть, то зубы ея начали бы рости, рости, и выросли бы такъ, что ротикъ ея не могъ бы прикоснуться къ пищѣ, а потому они во что бы то ни стало должны работать своими зубами, потому что мыши и крысы грызутъ все что имъ ни попадется, — книги, бѣлье, полъ, шкафъ, — все имъ хорошо, за неимѣніемъ лучшаго, чтобъ только грызть и грызть безпрерывно. — Но и грызенье это влечетъ иногда за собой ужасное несчастіе. Для этихъ бѣдныхъ, маленькихъ животныхъ потеря зуба — стоитъ жизни. И часто случается, что какая нибудь мышка, желая полакомиться вкусной косточкой, какъ недавно Саша морковькой — хромъ! хромъ! — а зуба-то и нѣтъ! Тогда противоположному зубу грызть уже нельзя, слѣдовательно не можетъ и уменьшатся отъ постояннаго тренія, и онъ мало по малу выростаетъ такъ, что выходитъ изъ роту и препятствуетъ остальнымъ двумъ зубамъ прикасаться къ пищи. Животное умираетъ съ голоду.

Но пойдемъ, отнесемъ на кухню нашего зайчика и попросимъ повара зажарить его къ обѣду.

— Понесемъ зайца всѣ вмѣстѣ, сказала мама, ты, Миша, возьми его за головку, а мы за заднія ножки, — ну, вотъ такъ, хорошо!

И мы отправились въ кухню, неся торжественно нашего зайца.

Понедѣльникъ, 14 сентября.

Сегодня утромъ я, по обыкновенію, какъ встала такъ занялась своимъ хозяйствомъ: вычистила клѣточку моей канарейки, засыпала ей корму, потомъ взяла лейку и грабельки, пошла въ садъ,— полила мою грядочку, цвѣты, разровняла грабельками песокъ въ моей березовой аллеѣ, — и потомъ, насыпавъ въ фартучекъ корму, хотѣла идти на птичій дворъ, но мама закричала мнѣ въ окно, чтобы я подождала ее. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла и мы пошли вмѣстѣ кормить нашихъ курочекъ. Мама тоже несла что-то въ фартучкѣ, я думала это овесъ или другія какія нибудь сѣмячки, но какъ я удивилась, когда она стала выбрасывать маленькіе камешки.

— Что это, мама, какое лакомство принесла ты нашимъ курочкамъ! Я думаю онѣ тебѣ не скажутъ спасибо за такое угощеніе! Зачѣмъ имъ эти камешки?

— Пускай запасутся зубами, въ случаѣ надобности.

— Какими зубами? Что ты говоришь, я тебя

не понимаю! Скажи, мама, — ну скажи зачѣмъ ты бросила эти камешки!....

— Пойдемъ погуляемъ немного въ саду, — теперь такъ морошо! Посмотри какое голубое небо, а тамъ бѣленькихъ облачковъ несется тучка, — какъ имъ хорошо въ небѣ, — какое раздолье! — А какъ чудно солнце свѣтитъ сквозь деревья, — а тамъ вдали это тихое, свѣтлое озеро, — вотъ лодочка мелькнула и не одна! Какъ хорошъ міръ!... говорила мама — и задумалась и шла молча.... Я ждала, ждала и не вытерпѣла, напомнила ей о камешкахъ.

— Ахъ да! я хотѣла разсказать тебѣ кое-что о птичкахъ, мы такъ любимъ эти маленькія созданья, что ни я говорить, ни ты слушать — ужъ вѣрно не соскучимся.

— О, да! конечно, я такъ люблю птицъ, что хотѣла бы знать о нихъ все, все! — Но теперь скажи прежде всего, зачѣмъ имъ эти камешки.

— Изволь, я тебѣ скажу. — Ты знаешь, что птицы не имѣютъ зубовъ, всѣ онѣ ѣдятъ клювомъ, т. е. своимъ птичьимъ носикомъ. Но замѣтила ли ты то, что каждая птичка имѣетъ свой особенный клювъ, и именно такой какой ей нужно для пищи, ею употребляемой.

Орелъ своимъ острымъ, загнутымъ клювомъ бьетъ прямо въ голову свою добычу, кто бы ни попался, заяцъ, барашекъ, гусь, и пробиваетъ че-

репъ; клювъ утки, которымъ она ловитъ въ водѣ червяковъ и всякую всячину, плоскъ, сплющенъ и довольно мягокъ; дятелъ долбитъ своимъ острымъ клювомъ древесную кору и отыскиваетъ въ ней насѣкомыхъ и ихъ куколки (ты знаешъ уже что такое куколка насѣкомаго); клювъ колибри, этой крошечной, прелестной птички, похожъ на иголочку, — такъ онъ тонокъ, — а это для того, чтобъ ей удобно было высасывать сокъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ; клювъ ласточки, которая съѣдаетъ въ день не меньше двухъ сотъ живыхъ существъ, раскрывается какъ маленькое окошечко, въ которое за одинъ разъ влетаетъ множество насѣкомыхъ. Цапля своимъ длиннымъ, острымъ клювомъ ловитъ въ болотной грязи и тинѣ лягушекъ и разныя, тому подобныя лакомства.

Но нельзя ни пересказать, ни припомнить различные носики всѣхъ птицъ, какія живутъ, поютъ и летаютъ на свѣтѣ. Пока довольно и того, если ты будешь знать, что у каждой птички носикъ такой, какой ей нуженъ для потребностей ея жизни.

Но каковъ бы ни былъ этотъ носикъ или клювъ, а жевать онъ не умѣетъ, потому что у птицы зубовъ нѣтъ. За-то надо тебѣ сказать желудокъ у нее такъ устроенъ, что работаетъ лучше всякихъ зубовъ. — Слушай только, я разскажу тебѣ удивительныя вещи. У птицъ подъ горлышкомъ есть маленькій зобъ. Посмотри на голубя, ты увидишь

на его шейкѣ какъ будто манишечку, эта манишечка называется птичьимъ зобомъ.

Зобъ, — это родъ мѣшечка, гдѣ пища, напримѣръ сѣмечки пшена, овса, останавливаются на нѣкоторое время, такъ какъ у коровы жвачка.

— А что же это такое жвачка у коровы, мама?

— Я думала что ты знаешь. — Но я объясню тебѣ это въ двухъ словахъ: жевать жвачку значитъ пережевывать то, что уже было проглочено. У каждаго животнаго, принадлежащаго къ классу жвачку жующихъ, желудокъ имѣетъ четыре отдѣленія. — Первый большой желудокъ называется требухомъ, туда входитъ едва пережеванное сѣно или трава. Ты, можетъ быть, думаешь, что корова ѣстъ тогда, когда щиплетъ луговую траву? Совсѣмъ нѣтъ, — это только приготовленіе къ обѣду; корова въ полѣ все равно, что хозяйка на рынкѣ, тутъ она только заготовляетъ нужную провизію, и пототъ уже, выбравъ удобное мѣстечко, корова ложится и съ важностью жуетъ свою жвачку; для нее это дѣло не шуточное!

Птичій зобокъ — это все равно что коровій требухъ, то есть подготовительный желудокъ, но разница между ними та, что у птички пища не возвращается уже въ ротъ, какъ у коровы, потому что птичій ротъ, лишенный зубовъ, жевать не можетъ, но въ зобу, пища по тихоньку размягчается отъ внутренней влаги и теплоты.

Размякнувъ, пища отправляется далѣе, но не доходя до настоящаго желудка, она проходитъ черезъ другой зобокъ, гдѣ изъ тысячи крошечныхъ дырочекъ, которыми покрытъ внутри этотъ зобокъ, выливается сокъ, замѣняющій нашу слюну, чего въ верхнемъ зобу не было.

Наконецъ пища доходитъ до настоящаго желудка, но она еще почти тверда и сыра, т. е. такая какъ была тогда, когда птичка ее глотала. Желудокъ птицы не такъ деликатенъ какъ нашъ,— напротивъ, это очень сильный мускулъ (мускулами называются всѣ части нашего тѣла), покрытый внутри очень твердою роговой оболочкой. Чтобъ ты имѣла понятіе объ удивительной силѣ этого мускула, я тебѣ скажу, что индѣйкамъ пробовали давать куски разбитаго стекла, и по прошествіи нѣсколькихъ дней находили ихъ въ желудкѣ превращенными въ песокъ, а желудокъ былъ невредимъ. Благодаря этой роговой подкладкѣ своего желудка, беззубыя курицы сами снабжаютъ себя зубами, онѣ глотаютъ маленькія камешки, — и камешки эти, сжимаемые желудкомъ, трутся одинъ о другой вмѣстѣ съ пищей, тамъ находящейся. И вотъ этотъ желудокъ работаетъ съ такимъ усердіемъ, что не только маленькія зернышки какъ пшено, овесъ, но и самые камешки перетираются въ мелкій песокъ. Поэтому-то нашимъ курамъ я приказываю иногда бросать извѣстко-

вые кмаешки, пусть запасаются зубами, если имъ надо.

Но пора идти домой къ нашимъ гостямъ, — а то что я тебѣ говорила можешь записать въ свой дневникъ,—если все не припомнишь, то я тебѣ потомъ помогу и поправлю.

Въ эту минуту мы услыхали голоса дѣтей и Марьи Андреевны и поспѣшили къ нимъ на встрѣчу.

Четвергъ, 18 сентября.

Сегодня за завтракомъ Марья Андреевна сказала, что она остается у насъ еще на три дня. Саша и Миша бросились цѣловать свою маму, а я выскочила изъ за стола и давай прыгать по комнатѣ и хлопать въ ладоши.

— Вѣра, Вѣра! что съ тобой? ты совсѣмъ обезумѣла отъ радости. Садись на мѣсто! — по окончаніи завтрака можешь прыгать, а вставать изъ за стола не должно.

— Извини меня, папа, но если бы ты зналъ какъ намъ весело вмѣстѣ! Ахъ, какъ жаль, папочка, что тебя не было въ тотъ вечеръ, когда мама придумала такую чудесную игру, — это было уже давно, помнишь какъ ты уѣзжалъ на двѣ недѣли къ какому-то больному.

— Какая же это была игра? разскажите пожалуйста.

— Да такая игра, перебила Саша, что все,

что было въ комнатѣ — говорило: зонтъ говорилъ, бурнусъ, шляпка....

— Какъ зонтъ говорилъ? шляпка говорила? какимъ это чудомъ?

— Потрудитесь отгадать, сказала Марья Андреевна.

— Вотъ тебѣ разъ! отгадать, — будто это легко, ну положимъ, что шляпку говорунью надѣлъ себѣ на голову Миша — да и заговорилъ вмѣсто нея.

— Не я, не я надѣлъ, а Наталья Васильевна!

— Ну спасибо Миша, — помогъ мнѣ объяснить дѣло.

— Ахъ этотъ Миша! вѣчно все разскажетъ! сказала Саша.

Миша засмѣялся.

— Ну, папа, а зонтъ отчего говорилъ? спросила я.

— Да я думаю этотъ же проказникъ Миша спрятался подъ зонтъ, да и давай оттуда ораторствовать, а вы вообразили, что это говоритъ зонтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! никто не прятался подъ зонтъ а это все Нат....

Въ эту минуту Саша подскочила къ Мишѣ и зажала ему ротъ своей рученкой.

— Молчи Миша! болтунъ ты этакой.

Но Миша вырвался таки изъ ея рукъ и закричалъ:

— Наталья Васильевна говорила вмѣсто зонта, это все она, она!....

— А! такъ это все проказы моей жены! такъ вы, господа, такъ бы и сказали, что вся игра заключалось въ томъ, что вамъ разсказывали сказки.

— Нѣтъ, папа, не сказки разсказывала намъ мама, а сущую правду. но только по уговору игры каждый предметъ, который начиналъ говорить, мы должны были воображать живымъ существомъ. — Жаль что тебя не было, и ты папа разсказалъ бы намъ что нибудь.

— Да я въ долгу не останусь, завтракъ нашъ конченъ, — если хотите я хоть сейчаиъ готовъ разсказать вамъ какую нибудь исторію.

— Но и ты долженъ отыскивать героя для своей исторіи не дальше какъ въ этой комнатѣ, сказала мама.

— Согласенъ, извольте! первый попавшійся мнѣ на глаза предметъ будетъ моимъ героемъ.

И папа зажмурилъ на минуту глаза, а потомъ вдругъ взглянулъ.

— Ба! что я вижу? Я вижу остатки нашего завтрака. — Но вотъ бѣда завтракъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ: на столѣ есть устрицы, сельди, говядина, масло, хлѣбъ, вино, — выборъ не легокъ! при томъ у всякаго свой вкусъ: напр. я люблю устрицы, а дѣти ихъ не ѣдятъ. И если я вздумаю героемъ своего разсказа сдѣлать устрицу, то пожалуй дѣти разбѣгутся и слушать меня не захотятъ!

— Нѣтъ, захотимъ слушать! закричали мы всѣ вдругъ, — пускай устрица будетъ герой! Разскажите объ устрицѣ!

— И селедка пусть будетъ герой! закричалъ громче всѣхъ Миша, — селедка лучше устрицы.

— Что-жъ это такое, дѣти? я не знаю кого слушать. Послушайте рѣшимъ этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

— Какъ это большинствомъ голосовъ? мы не знаемъ, — скажите какъ?

— А вотъ сейчасъ узнаете. — Начнемъ съ Миши. Миша, кого ты желаешь избрать героемъ исторіи — устрицу или селедку?

— Селедку, отвѣчалъ Миша.

— Хорошо, — одинъ голосъ за селедку, сказалъ папа, вынимая изъ кармана карандашъ и записывая.

— Саша, ты за кого, за устрицу или за селедку?

— Я за устрицу, отвѣчала Саша.

— Запишемъ на другой сторонѣ одинъ голосъ за устрицу. — Вѣра ты за кого?

— Я за устрицу.

— Два голоса за устрицу. Марья Андреевна ваша очередь.

— Я за селедку.

— Два голоса за селедку, — Жена ты за кого?

— За устрицу.

— Три голоса за устрицу, — остается мой, — я также за устрицу. И такъ вы видите — 4 голоса за устрицу и 2 за селедку. Слѣдовательно героемъ исторіи должна быть устрица, но чтобы всѣ были довольны я готовъ разсказать и о селедкѣ.

— Браво! воскликнула Марья Андреевна.

— Браво! Браво! закричали мы, хлопая въ ладоши.

— Ну, послушайте-же, сказалъ папа, я начинаю.

УСТРИЦЫ.

Въ одномъ морѣ, неподалеку отъ Англіи, жило-было многочисленное семейство устрицъ. Эти некрасивыя, но вкусныя героини моего разсказа, съ виду похожи на скользкія лепешки, но у этихъ лепешекъ есть все, что нужно для живаго существа, — то есть, сердце, печенка, дыхательные снаряды и другія внутренности. Приросши къ скалѣ, жили себѣ да поживали мои устрицы, неподвижно, но за то мирно и счастливо. Захочется имъ ѣсть, онѣ откроютъ немного свои раковинки и глотаютъ морскую воду, со всѣми мелкими животными, сколько ихъ тамъ ни попадется. Но въ жизни устрицъ тоже бываютъ своего рода несчастія и опасности. Есть у нихъ ужасный врагъ — маленькій морской ракъ или карабъ, который самъ гораздо меньше устрицы.

Однажды карабы, собравшись вмѣстѣ, вздумали напасть на устрицъ и съѣсть ихъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ половину. Но хитрые карабы знали, что въ раковинку устрицы можно залѣзть только тогда, когда откроются ея половинки, — а потому эта непріятельская армія вознамѣрилась спрятаться за случившійся тутъ большой камень и караулить ту минуту, когда наступитъ время обѣда для бѣдныхъ устрицъ.

Ну вотъ, устрицы наконецъ вздумали пообѣдать и всѣ почти въ одно время открыли свои раковинки, чтобъ наглотаться въ волю морской водицы. А карабы тутъ какъ тутъ! выползли и напали на устрицъ цѣлой арміей, забрались въ ихъ раковинные домики и давай лакомиться!.... Но не всѣмъ изъ нихъ удалось это сдѣлать: многія устрицы успѣли во время захлопнуть двери своего жилища и непріятель долженъ былъ отретироваться; тѣ же, которыя подверглись вторженію непріятеля были съѣдены до послѣдней крошки. Но и съ карабами случилась бѣда: многія устрицы со страху такъ крѣпко захлопнули свои раковинки, что карабы хоть и съѣли ихъ, но вылѣзть оттуда не могли и погибли тамъ съ голоду. Впрочемъ это случилось только съ нѣкоторыми, остальные же, угостившись вкусными устрицами, благополучно убрались во свояси.

Но все проходитъ, прошла и опасность, — и

устрицы снова стали жить да поживать, заперлись въ своихъ раковинкахъ, не обращая вниманія на все окружающее. Что имъ было за дѣло, что около нихъ развѣтвлялись кораллы, разстилались водоросли, плавали блестящія рыбки, жило и двигалось безчисленное множество разныхъ животныхъ. — Да, признаться сказать, и на героинь моихъ никто не обращалъ особеннаго вниманія: сѣрыя, некрасивыя, приросшія къ одному мѣсту — что въ нихъ, когда все дно морское усыпано самыми чудными раковинками, разной величины и формы, — точно цвѣтами покрытое поле!

Время шло; устрицы жили и размножились. Но безъ горя никто не проживетъ, каждый это знаетъ и готовится къ этому, но бѣдныя устрицы думать не умѣли.

Въ одно туманное утро, на берегу моря показалось нѣсколько человѣкъ, они тащили за собой небольшія лодки. Что это были за люди? для устрицъ казалось загадкой, но вы, любезныя дѣти, я думаю сейчасъ же смекнули, что это рыбаки. Долго ходили они около моря, осматривали берегъ, пробовали глубину и все о чемъ то совѣщались. Наконецъ одинъ изъ нихъ взялъ большую желѣзную зубчатую лопатку, привязалъ къ ней мѣшекъ и бросилъ на веревкѣ въ море, другой конецъ веревки привязалъ къ лодкѣ, которую спустилъ на воду и потомъ самъ сѣлъ въ нее и на-

чалъ грести потихоньку. Лодка плыветъ себѣ да плыветъ, а желѣзная лопата скребетъ себѣ да скребетъ дно, и что жъ она дѣлаетъ, думаете вы?— отдираетъ отъ дна приросшихъ къ нему устрицъ, которыя и попадаютъ въ мѣшекъ. — Такимъ образомъ въ первый разъ рыбакъ вытащилъ ихъ до шестисотъ штукъ, а въ другой — цѣлую тысячу, и выбросилъ безъ церемоніи героинь нашихъ на берегъ.

Почувствовавъ себя на мели, бѣдныя устрицы подверглись ужаснымъ страданіямъ! надѣясь захватить хоть каплю необходимой для нихъ влаги, онѣ разинули рты и выпустили послѣдній запасъ воды, находившійся въ ихъ раковинкахъ.

— Воды! воды! кричали онѣ по своему отчаяннымъ голосомъ, мы умираемъ отъ жажды.

Тогда, ловецъ, сидѣвшій возлѣ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Любезныя мои устрицы! васъ ожидаетъ великое дѣло! — вы предназначены для пищи человѣка! Повѣрьте, вы не умрете, а только превратитесь въ одну изъ частицъ тѣхъ питательныхъ соковъ, которыми поддерживается жизнь и сила человѣка; такимъ образомъ вы сдѣлаетесь сотрудниками человѣческой дѣятельности, — какова честь!

Но устрицы не слушали умныхъ рѣчей ловца, — имъ было не до того! разинувъ рты, кричали онѣ пуще прежняго· «воды, воды!»

А ловецъ продолжалъ свое, сидѣлъ возлѣ моихъ героинь да приговаривалъ:

— Миленькія мои устрицы! пожертвуйте вашимъ безполезнымъ спокойствіемъ, —и вы должны принести свою долю труда и пользы, для этого мы всѣ живемъ на свѣтѣ!.... но не иначе можете вы достигнуть этой цѣли, какъ покорившись довольно тяжкому испытанію: — безъ труда и науки нельзя быть полезнымъ.

Вы, мои устришечки, должны научиться сохранять свой запасъ воды въ продолженіи нѣсколькихъ дней, — безъ этого вы умрете и испортитесь, а потому надо привыкнуть не открывать рта.

Но героини мои сначала никакъ не могли понять наставленій рыбака, который между тѣмъ внимательно наблюдалъ за ними, и когда увидалъ, что устрицы уже чуть чуть живы, онъ наполнилъ морской водой небольшой, нарочно для того вырытый, заливъ и бросилъ ихъ туда.

— На сегодня съ васъ будетъ! сказалъ онъ, прощайте до завтра!

Наступаетъ завтра. Профессоръ возвращается къ своимъ ученицамъ.

— Будьте внимательны, говоритъ онъ имъ, урокъ начинается. — И выпустилъ изъ залива воду.

Вотъ мои героини опять сѣли на мель. Но въ этотъ разъ тѣ, которыя были по умнѣе сберегли свою воду, — другія же, не понявшія вдругъ въ

чемъ дѣло, опять раскрыли свои раковинки, выпустили воду и снова раздались неистовыя крики «воды, воды!»

— Милыя устрицы, говоритъ профессоръ, къ прискорбію моему я вижу, что очень не многія изъ васъ поняли мой вчерашній урокъ, а потому я принужденъ продлить ваше испытаніе.

И снова держалъ устрицъ безъ воды пока онѣ совершенно не выбились изъ силъ, тогда опять бросилъ ихъ въ воду, и продолжалъ такимъ образомъ воспитаніе ихъ нѣсколько дней. — Убѣдившись наконецъ, что героини наши поняли въ чемъ дѣло и выучились оставаться замкнутыми, ловецъ обернулъ ихъ соломой, уложилъ въ корзины и отправилъ на кораблѣ въ Петербургъ, гдѣ мы ихъ покупаемъ и ѣдимъ, не подозрѣвая какого труда и терпѣнья стоила какъ профессору, такъ и ученицамъ эта вкусная и здоровая пища.

— Ну вотъ и все! конецъ моей исторіи, господа.

— Славная, отличная исторія! благодаримъ васъ, Михайло Герасимовичъ! Вотъ еслибы еще о селедкѣ вы разсказали! — говорили мы, ласкаясь къ папѣ.

— Экіе вы неугомонные! какъ это не надоѣстъ вамъ слушать? хоть съ утра до вечера имъ разсказывай, — сидятъ смирнехенько, точно они и шалить не умѣютъ! — А я такъ вотъ одну исторію разсказалъ — да и усталъ.

— Не разсказать-ли вамъ, дѣти, лучше о столѣ? сказала мама.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше о столѣ, замѣтила Марья Андреевна, о сельди вы уже коечто знаете изъ разсказа зонта.

— А дѣти Озеровы? они не услышатъ этой исторіи, замѣтила добрая Саша.

— Всѣ эти исторіи Вѣрочка записываетъ въ свой дневникъ, — она имъ послѣ прочтётъ, сказалъ папа, а теперь я самъ хотѣлъ бы послушать вмѣстѣ съ вами.

— Хорошо! хорошо! Исторію стола.

Ну такъ я превращаюсь въ столъ — и начинаю — слушайте же внимательно, сказала мама.

Мы всѣ усѣлись вокругъ стола и приготовились слушать.

СТОЛЪ.

Я былъ когда-то прекраснымъ, огромнымъ деревомъ, началъ говорить столъ (т. е. мама вмѣсто него). Существованіе мое было самое счастливое. Я росъ подъ открытымъ небомъ, листочки мои, сладостно распускались подъ горячими лучами солнца, и служили убѣжищемъ разнымъ червячкамъ, мушкамъ, бабочкамъ и другимъ насѣкомымъ. Въ тѣнистой прохладѣ моихъ вѣтвей птички вили гнѣздышки, высиживали птенцовъ и пѣли свои чуд-

ныя пѣсеньки. Буря, громъ, молнія проносились надъ моей вершиной и только забавляли меня; а когда наступала ночь, теплая, свѣтлая ночь, — луна любила прятаться между моими вѣтвями, а вѣтерокъ подъ звуки соловьиной музыки шептался съ моими листочками. О, еслибъ вы знали какой это былъ прекрасный и гармоническій лѣсъ, тотъ лѣсъ, въ которомъ я родился и взросъ!

— Но кто были твои родители? Какъ ты назывался? спросила Марья Андреевна.

— Я назывался дубомъ, и могу сказать, былъ самый счастливый дубъ! Но въ одно прекрасное утро, въ то время какъ я слушалъ воркованье молодаго голубка, прилетѣвшаго подъ мою гостепріимную тѣнь, — я почувствовалъ вдругъ невыносимую боль. Возлѣ меня стоялъ человѣкъ и своимъ страшнымъ топоромъ наносилъ мнѣ такіе жестокіе удары, что они раздавались по всему лѣсу. Я застоналъ отъ боли, но человѣкъ сказалъ мнѣ: «не отчаявайся, не горюй, — это ни къ чему не ведетъ. Ты до сихъ поръ только и дѣлалъ, что любовался звѣздами, да любезничалъ съ бабочками и птичками. Но такъ жить все нельзя, теперь и для тебя наступила пора тяжелой работы, — и ты въ свою очередь доженъ трудиться, чтобъ быть полезнымъ». Дровосѣкъ говорилъ правду: — проживая на свѣтѣ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, я многому научился, видѣлъ многое множество птицъ,

червячковъ, разныхъ мухъ, жучковъ, бабочекъ, муравьевъ, пауковъ, — всѣхъ не перечтешь! И всѣ они летали, бѣгали, ползали и хлопотали вокругъ меня. Сначала я думалъ, что это они только такъ, играютъ себѣ, да веселятся и больше ничего! — Однажды — никогда этого не забуду!— я рѣшился вступить съ ними въ разговоръ:

— Какъ это не наскучитъ вамъ, сказалъ я, вѣчно играть, бѣгать, — вамъ поѣсть-то я думаю некогда, — такъ вы любите гулять и веселиться!

А они мнѣ въ отвѣтъ такъ расхохотались, что всѣ мои листочки задрожали отъ стыда и досады. Вдругъ маленькій, крохотной муравей поднялъ свою рыжую головку и сказалъ мнѣ такъ громко, что всѣ это слышали:

— Ахъ ты глупенькій дубъ! ты такой большой, а ничего не понимаешь! неужели ты думаешь, что я, вотъ только такъ, для своей забавы, тащу на себѣ этотъ огромный комъ земли, который вдвое больше меня самого? я и братья мои — мы работаемъ; намъ надо устроить себѣ жилище, гдѣ бы мы могли прятать наши яички, воспитывать дѣтей и укрывать ихъ отъ холода, дождя и слишкомъ сильнаго жара. Ты не знаешь какія прекрасныя залы, какія длинныя корридоры умѣемъ мы устроивать въ нашихъ муравейникахъ.

— Да позволь и мнѣ, господинъ дубъ, спро-

сить тебя, заворчалъ откуда ни возьмись, надутый, толстобрюхій паукъ, — ты пожалуй и обо мнѣ думаешь, что я по пустякамъ, для твоей забавы раскидываю мою кружевную паутину на твоихъ вѣтвяхъ? О, если такъ, то я сейчасъ же перенесу мое паутиное рукодѣлье на другое дерево, — на такое дерево, которое бы поняло, что и я тружусь, и я работаю какъ и всякое другое насѣкомое.

— Не сердитесь и не браните, друзья мои, наше доброе, прекрасное дереро, сказала птичка ласточка, — оно еще такъ молодо! Что значитъ для дуба 50 лѣтъ, когда онъ можетъ жить 200 и 300 лѣтъ? Для него время тяжелой работы еще не наступило, а между тѣмъ оно и теперь, не смотря на свою молодость, не остается празднымъ. — Не оно ли служитъ намъ убѣжищемъ отъ дождя и бури или отъ какого нибудь злаго непріятеля? Подъ каждымъ его листочкомъ мы находимъ и домъ, и покой, и пищу. — Нѣтъ, я всегда буду тебя любить, мое прекрасное дерево! Въ продолженіи десяти лѣтъ, каждую весну прилетаю я подъ тѣнь твоихъ вѣтвей, гдѣ хранится мое гнѣздышко. Наношу глинки, соломки, поправлю, починю его немножко и опять на этомъ же самомъ мѣстѣ, подъ самой вершиной твоей, несу яички и высиживаю дѣтокъ. На зиму я, дѣти мои и всѣ другія ласточки улетаемъ въ теплый край, но я никогда не забываю тебя, любимое мое дерево! Не

ты-ли защищаешь своими вѣтвями въ продолженіи цѣлой зимы мое родимое гнѣздо, — колыбель моихъ птенцовъ?...

Такъ говорила добрая ласточка, — и какъ мнѣ было весело, отрадно ее слушать! «И я полезенъ! И я не напрасно росту въ мірѣ!» думалъ я.

Вотъ почему, почувствуя удары топора, не смотря на страшную боль, я не унывалъ, ибо помнилъ слова доброй ласточки. Да, и для меня тогда наступило тяжкое, трудовое время. — Дровосѣкъ срубилъ меня, перевезъ и распилилъ на тоненькія доски, изъ нихъ какой то столяръ сдѣлалъ вотъ этотъ столъ, что стоитъ теперь предъ вами.

И вотъ видите, то прекрасное дерево, которое росло на свободѣ, грѣлось на солнышкѣ, умывалось дождичкомъ, должно теперь въ видѣ стола жить въ тѣсной и душной комнатѣ! Но я не жалуюсь!.... Вы считаете меня самою полезною и необходимою вещью въ своемъ домѣ, — очень радъ! Это меня вознаграждаетъ вполнѣ!—И въ самомъ-то дѣлѣ, чтобы дѣлали люди, если бы не было стола?

— Это правда! Это правда! воскликнулъ Миша, чтобы мы дѣлали безъ стола?

— Ахъ да! чтобы мы дѣлали? подхватили мы съ Сашей, и обѣдать надо было бы на полу, и сидѣть. — Фи! какъ было бы гадко безъ стола.

— Ну, дѣти, и мнѣ понравилась такая игра, сказалъ папа, — какъ будутъ у васъ Озеровы и вы соберетесь всѣ вмѣстѣ,—скажите мнѣ—я тоже хочу быть въ вашей компаніи,—я разскажу вамъ кое что. — А теперь прощайте, мнѣ пора къ моимъ больнымъ.

Вслѣдъ за папой и мы, поблагодаривъ маму, разошлись куда кому надо было.

19 сентября,

Марья Андреевна уѣхала отъ насъ. Грустно мнѣ было проститься съ Сашей и Мишой, да иначе нельзя! Уроки мои начались снова.

24 сентября.

Едва я проснулась, какъ кто-то тихонько отворилъ дверь въ мою комнату и взошелъ.

— Кто тамъ? спросила я.

— Это я, барышня, Елизавета.

— Здравствуй Лиза? ты опять къ намъ пришла?

— Ахъ барышня, не испытала бы я такого горя, кабы отъ васъ не уходила! Правду говорила мнѣ Арина.

— Развѣ ты не нашла себѣ мѣста?

— Была, милая моя барыня, и на мѣстѣ и безъ мѣста, всего было! А теперь такая бѣда, что если ваша маменька не проститъ меня и

опять не возьметъ къ себѣ, — придется по міру идти!...

Въ это время мама взошла въ мою комнату.

— Елизавета здѣсь? Зачѣмъ это, что тебѣ нужно?

— Наталья Васильевна! пришла просить вашей милости, — возьмите меня опять къ себѣ, ради Господа Бога!

— Развѣ тебѣ такъ худо? спросила мама.

— Ужъ такъ худо, матушка Наталья Васильевна, что и сказать не умѣю, сударыня!

— Нѣтъ, Лиза, я не возьму тебя, потому что ты не умѣешь цѣнить добрыхъ людей, — ты замучила было бѣдную Арину, — я все видѣла,— она при тебѣ работала вдвое, дѣлая все то, что ты не успѣвала или не хотѣла сдѣлать изъ лѣности.

— Мама, родная моя! прости Лизу! Если ты ее не возьмешь, то ей придется по міру идти, сказала я, цѣлуя ручки мамы.

— Наталья Васильевна, угодно вамъ вѣрить или нѣтъ,—но этого впередъ не будетъ! Если возьмете меня — буду совсѣмъ другая,—увидите сами, сударыня, только сжальтесь, примите меня, ради Бога.

— Ну, такъ и быть, попробую еще, сказала мама, можетъ ты исправилась или исправишься. Ступай за своими вещами и живи съ нами на прежнихъ условіяхъ.

Съ этими словами мама вышла, а Лиза бросилась цѣловать мои руки.

— Благодарю, добрая наша барышня, что вы вступились за меня, — теперь ужъ увидите какая я буду.

— Гдѣ же ты жила въ это время? И отчего тебѣ было такъ дурно! спросила я.

— Какъ я ушла, барышня, отъ васъ, привязалась ко мнѣ такая лихорадка, что должна была идти въ больницу, — тамъ пролежала недѣли двѣ, потомъ какъ выздоровѣла, пока нашла мѣсто, — деньги свои почти всѣ прожила. — Нанялась было я у господъ Ворониныхъ. Господа эти были не то̀ чтобы злы, но только ужъ такіе безалаберные, что не приведи Господи! Прежде они жили въ бѣдности, а потомъ вдругъ разбогатѣли, — получили наслѣдство послѣ смерти дяди. Ну вотъ, какъ разбогатѣли, тотчасъ же наняли десять человѣкъ прислуги: «Мы теперь богаты, говорили они, и дѣлать уже ничего не хотимъ да и дѣтямъ нашимъ не позволимъ; нарядимъ ихъ какъ куколокъ, гувернантку наймемъ, пусть говорятъ по французскому, да играютъ на фортепіанахъ, — вотъ и все!»

У Ворониныхъ было пятеро дѣтей, — всѣ капризныя, да избалованныя такія, — чуть бывало что нибудь не по нихъ — сейчасъ бѣгутъ жаловаться, и сколько бывало крику, брани изъ за

нихъ! И дѣти эти день ото дня становились несноснѣе, такъ что ни одна нянька болѣе недѣли не уживалась. То папенька поѣдетъ въ лавки, то маменька, чтобы купить гостинцевъ, и лакомятся дѣтки съ утра до вечера, такъ что въ дѣтскую взойдти нельзя, то орѣхъ попадетъ, то конфектная бумажка пристанетъ къ ногѣ; метешь, метешь бывало эту дѣтскую, а иной разъ такъ просить начну: — «Милыя дѣточки, не сорите такъ, пожалѣйте меня хоть не много, вѣдь мнѣ тяжело безпрестанно мести да убирать, и другая работа есть у меня, — надо вамъ выгладить платьица, фартучки вымыть.» — Говори,—а они еще хуже! На зло тебѣ возьмутъ да горстями и швыркаютъ по комнатѣ орѣшной шкарлупой. — Не жалѣютъ чужого труда, злыя дѣти.

Старшая дочка ихъ, десятилѣтняя дѣвочка—какъ проснется бывало утромъ и зазвенитъ въ колокольчикъ, а колокольчикъ то былъ такой звонкій,—и звонитъ бывало, словно на пожаръ. Брошу все, бѣгу опрометью, и чтожъ вы думаете? простою иногда съ полъ часа у ея кровати пока она вздумаетъ протянуть мнѣ свою ногу, чтобы я ее обула. И сохрани Богъ, чтобы она когда башмакъ сама надѣла. Пить ли захочетъ — кричитъ: «подай мнѣ стаканъ воды!», а вода стоитъ тутъ же въ комнатѣ, стоитъ только потрудиться сдѣлать нѣсколько шаговъ, — такъ нѣтъ! не смотря

на то, что бѣгать была охотница, и вездѣ она тамъ, гдѣ ее не надо! — А если кто изъ гостей пріѣдетъ бывало къ Воронинымъ,—такъ и знаемъ ужъ, что будетъ намъ гонка. Чтобы похвалиться сколько у нихъ прислуги, они и начнутъ.

— Настя!

— Что угодно, сударыня?

— Кажется будетъ сквозной вѣтеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ! Всѣ окна закрыты.

— Закрыты? — хорошо, ступай!

Минуты черезъ двѣ:

— Павелъ!

— Что угодно, сударыня?

— Поди посморти открыта ли форточка въ кабинетѣ; если открыта то закрой, а закрыта то открой.

Просто смѣхъ бывало беретъ! И всѣ эти десять человѣкъ прислуги бѣгаютъ, суетятся, хлопаютъ дверьми, и кажется будто дѣло дѣлаютъ,— ничуть не бывало! безпорядокъ въ домѣ страшный, вездѣ грязно, и никто ничего не успѣваетъ сдѣлать въ этакой суматохѣ. А изъ гостей, никто стакана воды не дождется.

Ѣздилъ къ намъ офицеръ какой-то. — Одинъ разъ вышелъ онъ въ переднюю и, увидя дремавшаго на стулѣ лакея, сказалъ ему вѣжливо:

— Прикажи пожалуйста моему кучеру подъѣхать къ крыльцу.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ лакей и остался преспокойно на мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ гувернантка наша подбѣжала къ двери.

— Иванъ! ступай принеси мнѣ изъ моей комнаты зонтикъ.

— Не могу-съ! отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не можешь? Да вѣдь ты ничего не дѣлаешь, такъ сидишь?

— Да я уже посланъ-съ, — офицеръ меня послалъ!

Такъ вотъ, барышня, въ какомъ безалаберномъ домѣ прожила я два мѣсяца; но силъ не было оставаться долѣе, измучилась отъ бѣганья одного. — Кормили они, правда, хорошо, да поѣсть то спокойно рѣдко удавалось. Вспомнила я тогда вашу маменьку! здѣсь и не видишь, и не слышишь какъ все дѣлается, — а вездѣ порядокъ, всѣ спокойны и довольны, — и работать-то здѣсь весело. — Ужъ ваша маменька безъ дѣла не позоветъ, — нѣтъ! — а что можно, то все сама сдѣлаетъ, чтобы только никого не безпокоить, — для нее слуга — такой же человѣкъ какъ и всѣ люди! Да, поняла я теперь разницу между здѣшнимъ домомъ и другими.

Но вотъ, кажѣтся, папенька васъ кличетъ? — извините, милая барышня, заболталась! теперь побѣгу съ Ариной поздороваюсь.

1 октября.

Сегодня сыро и холодно; нельзя и подумать выйти изъ комнаты. — Не смотря на дурную погоду, папа поѣхалъ къ своимъ больнымъ, а мы съ мамой сидимъ у камина и грѣемся. Кошка моя мурлышка со щенкомъ бибишкой играютъ передъ огонькомъ и разговариваютъ между собой по своему. Бибишкѣ ужасно хочется схватить мурлышку за лапку, а та размахиваетъ преважно хвостомъ, и, не спуская глазъ съ бибишки, какъ будто говоритъ: «Смотри бибишка! — смѣй только, — будешь жестоко наказанъ!» — Но бибишка, желая доказать, что онъ не изъ трусливыхъ, притихъ на минутку, а потомъ вдругъ какъ прыгнетъ да и типъ! кошку за лапку. — Мурлышка сейчасъ другой лапкой какъ дастъ пощечину, да такую, что бибишка раза три чихнулъ и залаялъ такимъ пискливымъ, жалостнымъ голосомъ; но, немного погодя, опять началась возня, да такая, что мама велѣла мнѣ прогнать ихъ въ столовую. Въ эту минуту взошла Ариша и мурлышка съ бибишкой сами выскочили въ растворенную дверь.

— Что тебѣ нужно, Ариша? спросила мама.

— Не знаете ли, Наталья Васильевна, скоро воротится баринъ? Къ намъ привели больнаго работника, бѣднякъ переломилъ себѣ руку, — стонетъ ужасно, — сердце разрывается, глядя на него.

— Веди его въ лазаретную, сказала мама, а я между тѣмъ напишу записку и пошлю Ивана.

Черезъ четверть часа папа пріѣхалъ; я хотѣла идти помогать ему, но онъ приказалъ мнѣ остаться, сказавъ, что позоветъ меня, если будетъ нужно.

Я ждала, ждала, но меня не позвали. Папа былъ тамъ долго и потомъ пришелъ такой усталый и грустный. Мы сѣли обѣдать.

— Ну что, какъ твой больной? спросила мама.

— Переломилъ руку; боюсь, какъ бы не пришлось отрѣзать, бѣдный! Жаль мнѣ его! Для работника рука дороже всего, — и онъ долженъ ее лишиться?... а какой былъ трудолюбивый, честный мужикъ, я зналъ его прежде. Постараюсь спасти ему руку, онъ пробудетъ у насъ дня три, четыре, а въ это время прикажи, Наташа, кормить бѣдняка, кто знаетъ? въ состояніи ли онъ будетъ потомъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба?...

— Бѣдный! сказала мама, пусть поживетъ у насъ, добрая Ариша будетъ ходить за нимъ.

— Да, не одни зубы нужны намъ для того, чтобы быть сытымъ, — руки еще нужны, потому что зубы жуютъ только то, что приготовили руки, говорилъ папа.

— Но если этотъ бѣдный работникъ лишится руки, то все таки, я думаю, папа, онъ не умретъ съ голоду, — кто нибудь другой будетъ его кормить?

— Правда твоя, — но этотъ другой чѣмъ онъ его станетъ кормить? руками? значитъ безъ рукъ дѣло не обойдется никакимъ образомъ. И не думай, Вѣрочка, что только тѣ руки кормятъ, которыя подаютъ тебѣ ѣсть. Для того чтобы ты была сыта, работаетъ постоянно на всѣхъ концахъ свѣта безчисленное множество рукъ.

— Какъ это, папа? — Для меня работаютъ?...

— Да, для тебя и для насъ работаетъ множество рукъ. Возьмемъ для примѣра твой завтракъ, не говоря уже объ обѣдѣ, ужинѣ и о всемъ, что съѣдаешь ты въ продолженіе дня. — Чтобы ты могла выпить чашку кофе, — тамъ далеко, гдѣ нибудь въ Америкѣ, рука незнакомаго для тебя человѣка посѣяла, взростила, собрала съ поля и отправила на кораблѣ въ Европу эту горсточку кофе, которую потомъ опять чья нибудь рука должна была купить, изжарить, смолоть и сварить.— Къ кофе тебѣ нуженъ хлѣбъ, молоко, сахаръ, слѣдовательно нужна рука земледѣльца, рука мельника, рука булочника; а корову подоить? а сахаръ сдѣлать? На все на это нужны руки и множество рукъ!

И притомъ надо тебѣ сказать, что не однѣ руки, а есть и головы, которыя работаютъ для тебя и для другихъ людей, и благодарность твоя должна быть не менѣе велика и для нихъ.

Есть такіе люди, называемые у ч е н ы м и, кото-

рые съ утра до вечера сидятъ въ своихъ кабинетахъ, думаютъ, читаютъ, учатся, — а потомъ и передаютъ то, что они узнали, другимъ людямъ, а тѣ другіе, желая повѣрить на дѣлѣ хорошо-ли, вѣрно-ли придумалъ ученый, принимаются за работу, — и кипитъ работа на свѣтѣ: одинъ придумалъ, а другой сдѣлаетъ, — ты, напримѣръ, придумаешь сдѣлать новой формы замокъ къ твоему сундуку, а слесарь возьметъ да и сдѣлаетъ,— вотъ и значитъ, что въ замочкѣ-то осталась твоя мысль, его дѣло. И такъ все было сдѣлано; — каждая вещь представляетъ чью нибудь мысль и чье нибудь дѣло.

И вотъ что удивительно, что у всякаго человѣка есть какая нибудь особенная способность, и для каждаго изъ насъ есть свое мѣсто и дѣло на свѣтѣ.

— А что же, папа, я буду дѣлать, какъ выросту большая?

— Учись только, Вѣрочка, а дѣло всегда найдется для тѣхъ, кто не провелъ своего дѣтства и молодости праздно, по пустому. Запасай теперь свою головку нужными познаніями и науками, — а послѣ ужъ сама отыщешь свое мѣсто и дѣло на свѣтѣ. — Теперь покамѣсть ты можешь обойдтись безъ твоихъ маленькихъ рукъ, которыя еще почти ничего не умѣютъ дѣлать, — другіе думаютъ, заботятся о тебѣ; своею любовью и тру-

домъ они охраняютъ твою жизнь и спокойствіе. Но скоро почувствуешь ты, что тебѣ какъ-то неловко и совѣстно было бы жить цѣлую жизнь на чужой счетъ, чужимъ трудомъ. — Всѣ работаютъ для тебя, слѣдовательно и ты должна работать для всѣхъ, чѣмъ можешь и какъ можешь. — Я тебѣ покамѣсть дамъ одинъ совѣтъ, милая моя дочка, — всякій разъ, какъ взглянешь на свои ручки, — подумай и скажи себѣ тихонько: «Мои маленькія ручки! Я должна заняться вашимъ воспитаніемъ, чтобы потомъ, когда мы выростемъ, не упрекнули бы насъ, что мы ничего не умѣемъ дѣлать и живемъ дармоѣдомъ».

Однако я заговорился съ вами, — встанемъ изъ за стола, мнѣ пора идти къ больному, какъ бы я былъ счастливъ, если бы могъ спасти хоть одну полезную для свѣта руку.

Папа ушелъ. — Я сѣла у камина и долго, долго думала о томъ, что говорилъ мнѣ папа. — О, я буду усердно учиться, чтобы все знать, все умѣть сдѣлать.

7 октября.

Мама говоритъ, что все то, что мы видимъ каждый день вокругъ себя — гораздо занимательнѣе всякихъ игрушекъ. — Впрочемъ я и сама небольшая до нихъ охотница. Единственныя мои игрушки, это карточныя куклы, дамы и кавалеры и кра-

вятся онѣ мнѣ потому только, что я представляю ими все что читаю: басню-ли какую прочту или исторію, сейчасъ наряжу своихъ куколъ и онѣ у меня говорятъ и дѣлаютъ все точно такъ, какъ было въ книжкѣ. Теперь, сдѣлавшись постарше, я выбираю для своихъ куколъ только самыя занимательныя исторіи. Недавно мама подарила мнѣ чудесную книжку тамъ я прочла драму подъ названіемъ Петя, — а такъ она мнѣ понравилась, что, выучивъ хорошенько роли, я представила ее съ помощію мамы на моемъ кукольномъ театрѣ. — Зрителями были Озеровы и Марья Андреевна съ дѣтьми. Дѣти были чрезвычайно довольны моей выдумкою. — Драма моя удалась мнѣ,— Переписываю ее теперь и тѣмъ оканчиваю первую часть моего дневника.

ДРАМА*.

ПЕТЯ.

Дѣйствующіе лица: Иванъ Ивановичъ. — Петя, сынъ его. — Маша, дочь. — Даша, племянница. — Осипъ, прежній кучеръ. — Слуга.

Сцена I.

Иванъ Ивановичъ.

Что сдѣлалось съ моимъ Петромъ? Такой былъ умный, добрый мальчикъ, — а теперь какія штуки выкидываетъ! — Странно!... Какъ онъ могъ перемѣниться въ такое короткое время? Но подобные проказы простить ему нельзя, а потому ни видѣть, ни знать его не хочу.

* Сюжетъ взятъ изъ Petites drames de Berquin, съ нѣкоторыми измѣненіями, необходимыми для русскихъ дѣтей.

Сцена II.

Иванъ Ивановичъ и Маша.

Маша. Ты звалъ меня, папа! — что угодно?

Иванъ Ив. (Бросая на столъ письмо). — На, прочти это письмо, узнаешь кое что о своемъ любезномъ братцѣ.

Маша. Мой милый Петя! Боже, что съ нимъ случилось.

Иванъ Ив. Да, твой милый Петя!—стоитъ онъ этого названія! Но читай же письмо, — это пишетъ его добрый товарищъ Костя, — увидишь, какъ твой Петя ведетъ себя въ училищѣ.

Маша. (читаетъ:)

Душевно уважаемый Иванъ Ивановичъ! Къ прискорбію моему я долженъ сообщить вамъ очень непріятное извѣстіе. — Петруша нашъ, котораго мы всѣ такъ любимъ, ведетъ себя очень дурно. Недавно онъ продалъ свои часы, бѣлье и всѣ учебныя книги. Третьяго дня ушелъ изъ училища безъ позволенія. — Вечеромъ, когда звонили къ ужину, его не было, — и онъ возвратился только на другой день утромъ. Вы можете себѣ представить, какъ онъ былъ принятъ! Когда его спросили, гдѣ онъ провелъ ночь?—Петруша выдумалъ такія вещи, что никто ему не повѣрилъ. — Впрочемъ сегодня хотятъ обо всемъ разъузнать и потому, конечно, его выгонятъ изъ училища са-

мымъ постыднымъ образомъ. Меня очень огорчаетъ безпорядочное поведеніе Пети. Теперь онъ грозитъ, что убѣжитъ къ вамъ.

Иванъ Ив. Да, какже! Пускай попробуетъ, увидите, какъ его здѣсь примутъ! Нѣтъ, голубчикъ; воротись туда, гдѣ ночи проводишь, а мнѣ теперь тебя не надо! Ты, Маша, объяви ему это отъ моего имени: пускай идетъ или ѣдетъ куда хочетъ, дорога ему на всѣ четыре стороны!

Маша. О, папа! милый папа, что ты говоришь! Это ужасно! (плачетъ). Папа, я объ одномъ только прошу тебя, выслушай его прежде. — Петя не можетъ быть виноватъ, онъ такой добрый мальчикъ, всѣ его любятъ.

Иванъ Ив. Выслушать его? Сохрани меня Богъ! Я и видѣть не хочу этого негодяя, — и уже отдалъ приказаніе, что если только онъ осмѣлится явиться въ мой домъ, то чтобы выгнали его отсюда — вонъ, безъ церемоній. Сколько разъ я ему прощалъ разныя шалости? Помнишь, я думаю, какъ онъ обжегъ себѣ брови, потомъ разбилъ зеркало у нашего сосѣда, разорвалъ свое новое, въ первый разъ надѣтое платье. А послѣдняя штука его, какъ онъ мои дрожки завезъ въ канаву и изломалъ? Развѣ я ему это не простилъ? Я приписывалъ всѣ эти шалости,—живости его характера.... но продать часы, книги, не ночевать дома, готовиться къ побѣгу изъ школы, — и куда

же?— ко мнѣ. Пусть только явится, я устрою ему хорошую встрѣчу!

Маша. Мой добрый папа! Неужели не сжалишься ты надъ Петей!

Иванъ Ив. Когда нельзя и не можно быть добрымъ, я буду злымъ, — и не уступлю ни шагу.

Маша. Чтожъ, папа? Развѣ я могу быть счастлива возлѣ тебя, если ты прогонишь изъ дому бѣднаго Петю, брата моего.

Иванъ Ив. Онъ заслужилъ это,—пускай и терпитъ. Зачѣмъ не сказалъ онъ откровенно, кому продалъ часы, гдѣ остался цѣлую ночь?

Маша. О, папа, не вѣрь этому товарищу, который такъ поторопился обвинить предъ тобой моего бѣднаго брата. Мнѣ всегда не нравился этотъ гадкій Костя. — Милый папа! не сердись на Петю, — выслушай только его, а потомъ дѣлай что хочешь.

Иванъ Ив. (Немного смягчившись). — Ну, такъ и быть, сдѣлаю это для тебя, — пусть напишетъ мнѣ свои оправданія, — видѣть его я все таки не хочу! (уходитъ).

Сцена III

Маша и слуга.

Слуга. (Ходя съ таинственнымъ видомъ). Барышня! барышня! подите сюда поскорѣе, что я вамъ скажу.

Маша. (подбѣгая) Что? что такое?

Слуга. Вашъ братецъ здѣсь.

Маша. Здѣсь? — О Боже мой, гдѣ онъ? говори скорѣе.

Слуга. Не далеко отсюда, на дорогѣ встрѣтилъ его нашъ садовникъ. — Ахъ, барышня, скажите пожалуйста, что такое сдѣлалъ вашъ братецъ?

Маша. Ничего дурнаго, — я убѣждена въ томъ.

Слуга. Да и мы говоримъ тоже! у насъ въ цѣлой деревнѣ не найдешь человѣка, который бы не любилъ вашего братца. Мы всѣ готовы за него въ огонь и въ воду. Бывало за малѣйшую услугу и поблагодаритъ и отплотитъ тебѣ за все вдвое. Разсердится ли на кого изъ насъ вашъ папенька, онъ сейчасъ ужъ и бѣжитъ: «Папа, не сердись, папа, прости его!» А мужики то въ деревнѣ, — особенно тѣ, что побѣднѣе, — не могутъ говорить о немъ безъ слезъ, — просто благодѣтелемъ зовутъ. — Маленькій баринъ очень испугался, увидя садовника, — должно быть подумалъ, что тотъ пойдетъ да и скажетъ вашему папенькѣ, что нашелъ его на дорогѣ. Но садовникъ успокоилъ его, сказавъ, что онъ готовъ лучше лишиться своего мѣста, чѣмъ сдѣлать для Петруши такую непріятность. Онъ привелъ Петрушу и спряталъ его въ аранжереѣ.

Маша. О, какъ я хотѣла бы поговорить съ нимъ.

Слуга. Да, и онъ этого очень желаетъ.

Маша. Какъ же это устроить? Папа часто ходитъ гулять въ ту сторону,—что если онъ теперь въ пылу своего гнѣва встрѣтитъ Петю! — О, это было бы ужасно! Послушай Өедоръ, ради Бога, бѣги скорѣе, скажи Петѣ, чтобы онъ спрятался вонъ — за тѣмъ стогомъ сѣна, что стоитъ тамъ, на лужечкѣ, — видишь? Я приду къ нему какъ только папа уйдетъ гулять.

Слуга. Будьте спокойны, барышня, я самъ провожу его туда, — и такъ зарою въ сѣно, что ужъ никто его тамъ не отыщетъ. (Уходитъ).

Сцена IV.

Даша и Маша.

Даша. Ахъ, душа моя, Машечка, съ какимъ нетерпѣніемъ хотѣла я поговорить съ тобою, — знаешь ли, что случилось съ Петей?

Маша. (со слезами). Знаю, все знаю! Папа показывалъ мнѣ письмо Кости.

Даша. Я все думаю, чѣмъ бы оправдать Петю передъ отцомъ.

Маша. О, я головой ручаюсь, что Петя не виноватъ. Ты знаешь хорошо этого хитраго, лукаваго Костю; — онъ все что нашалитъ, бывало, самъ и свалитъ на другихъ. Чего же больше? Изъ письма видно ясно, что Костя ябедникъ, — а

Петя хоть и шалунъ, но добръ, никогда не лжетъ и не жалуется на своихъ товарищей.

Даша. Да это правда. Петя всякому готовъ помочь и подѣлиться чѣмъ можетъ. — Помнишь, какъ онъ переписалъ для тебя басню? А для меня? — чего чего, онъ не дѣлалъ? — И не то, чтобы я его просила, — нѣтъ, самъ догадается, что тебѣ нужно, что ты любишь.

Маша. А Костя—и шагу не сдѣлаетъ для другихъ, такой завистливый, скрытный.

Даша. О если бы Петя былъ здѣсь! Еще можно было бы все уладить.

Маша. Да онъ здѣсь!

Даша. Здѣсь? О скажи, гдѣ онъ? Какъ я хочу его видѣть!

Маша. Нѣтъ!... Кажется папа идетъ сюда,— слышишь, онъ сердится, онъ не въ духѣ! — Боже, чтожъ мы будемъ дѣлать?

Даша. А вотъ что: ты бѣги къ Петѣ, — повидайся съ нимъ, успокой бѣдняжку, а я останусь здѣсь уговаривать дядю. (Маша убѣгаетъ).

Сцена V.

Иванъ Ивановичъ и Даша.

Иванъ Ив. Я такъ золъ на этого негоднаго мальчишку, что не могу придти въ себя, — такъ онъ меня озадачилъ? Директоръ училища мнѣ пи-

щетъ тоже самое,— часы, книги, бѣлье, все промоталъ — и, каково покажется, — не ночевалъ дома!... Ахъ негодяй.

Даша. Какъ, дядя, вы все еще сердитесь на Петю? Чтожъ такое, что онъ продалъ свои часы и книги, — можетъ быть ему нужны были деньги. Вотъ если бы онъ солгалъ или обманулъ кого нибудь, это было бы непростительно.

Иванъ Ив. А! ему нужны были деньги? На что, позвольте спросить? А гдѣ ночевалъ этотъ гадкій мальчишка? Ты всегда его защищаешь. То ли дѣло Костя, — вотъ примѣрный мальчикъ.

Даша. Дядя, это неправда,—Костя вовсе не примѣрный мальчикъ.

Иванъ Ив. Такъ, такъ! Я знаю, вы съ Машей никогда его не любили, я самъ одно время былъ предупрежденъ противъ него. Но директоръ пишетъ мнѣ теперь, что онъ ведетъ себя отлично.

Даша. Да, оттого, что Костя умѣетъ льстить и притворяться. Директоръ не успѣлъ еще узнать его хорошенько, — а вотъ подождите немного,— такъ и увидите, что и въ школѣ, такъ же какъ и здѣсь, его никто любить не будетъ. Вы сами почти всегда были имъ недовольны.

Иванъ Ив. Но онъ исправится. — А вашъ любимецъ развѣ не выводилъ меня изъ терпѣнія своими шалостями? Помнишь, я думаю, какъ онъ изломалъ мои новыя дрожки?

. Даша. Это случилось нечаянно. — Когда кучеръ запрегъ въ первый разъ ваши дрожки, — Петя упросилъ Осипа посадить его на козлы. — Осипъ согласился. Едва они отъѣхали нѣсколько шаговъ, упалъ кнутъ, — Осипъ сошелъ поднять его. Въ это время лошади бросились въ сторону и попали въ канаву, и если бы они не запутались въ пастромкахъ, то не только изломили бы дрожки, но и Петю убили бы до смерти. Бѣдный Петя! онъ и такъ былъ наказанъ, — упалъ, ушибъ себѣ голову, — а Осипъ чрезъ это лишился мѣста.

Иванъ Ив. Да, тебѣ всѣхъ жаль, а мнѣ развѣ не жаль было моихъ новенькихъ дрожекъ, — онѣ мнѣ стоили очень дорого. — Чудныя были дрожки! и теперь такая жалость беретъ, какъ вспомнишь.

Даша. А Петѣ еще болѣе было жаль бѣднаго Осипа, который по его волѣ мѣста лишился. Онъ говорилъ мнѣ, что это его такъ безпокойло, что онъ иногда спать не могъ. Я сама видѣла нѣсколько разъ, какъ Петя играетъ, играетъ съ нами, да вдругъ задумается, отойдетъ и заплачетъ. — Что съ тобою? спросила я его. «Мы играемъ, мы веселы, отвѣчалъ онъ, а гдѣ теперь бѣдный Осипъ? дѣти его, можетъ быть, плачутъ, просятъ хлѣба....»

Иванъ Ив. Хорошо что ты не мальчикъ, а то вдвоемъ вы надѣлали бы чудесъ!....

Маша. Но, по крайней мѣрѣ....

Иванъ Ив. (Съ гнѣвомъ). Замолчишь-ли ты когда нибудь? Не хочу я слушать пустяковъ, — я разстроенъ, взбѣшенъ.... Ступай зови Машу, — я иду гулять и подожду васъ у колодца. (Выходитъ, забывая свою шляпу).

Сцена VI.

Саша. Да, не легко уговорить дядю. Но не надо отчаиваться. Вѣдь онъ золъ только на словахъ.

Сцена VII.

Саша и Маша.

Маша. (Отворяя тихонько дверь, шепотомъ). Даша?....

Даша. Взойди, взойди! никого нѣтъ. — Ну что?

Маша. Петя здѣсь, — онъ тамъ стоитъ на лѣстницѣ.

Даша. Боже! дядя пошелъ гулять, онъ увидитъ его, бѣги, веди его сюда, мы спрячемъ его здѣсь гдѣ нибудь.

Маша. Бѣгу, бѣгу, сейчасъ онъ будетъ здѣсь.

Сцена VIII.

Маша, Даша и Петя.

Даша. (Обнимая Петю). Ахъ, мой милый Петя! здравствуй!

Маша. Не очень-то онъ стоитъ нашей любви. Сколько намъ всегда горя изъ за него.

Даша. Я все забыла, какъ его увидала, — такъ обрадовалась.

Петя. Милая моя Даша! ты все такая же добрая, — ты никогда не бываешь такъ строга ко мнѣ, какъ сестра Маша.

Маша. Я строга? посмотрѣлъ бы ты теперь на папу.

Петя. Такъ онъ очень сердитъ на меня? что же онъ говоритъ?

Даша. Если-бъ онъ узналъ, что мы тебя здѣсь прячемъ, знаешь что бы онъ сдѣлалъ? — Не пустилъ бы насъ къ себѣ на глаза.

Маша. О, сохрани Богъ! мнѣ страшно подумать объ этомъ.

Даша. О, Петичка, онъ хотѣлъ тебя выгнать изъ дому, — онъ самъ говорилъ намъ это.

Петя. Что ему написали обо мнѣ, желалъ бы я знать?

Даша. Извѣстно что! всѣ твои проказы, все, все....

Маша. Товарищъ твой Костя первый написалъ обо всемъ.

Петя. Какъ! Костя писалъ? такъ значитъ мнѣ не въ чемъ и оправдываться,—Костя все знаетъ, я ему разсказалъ, какъ и что было.

Даша. Да, но по его письму ты кругомъ виноватъ.

Петя. Виноватъ; да назовите меня подлецомъ, если я хоть въ чемъ нибудь виноватъ, — и вы повѣрили?.... какое въ томъ преступленіе, что я продалъ мои часы и книги?

Даша. Такъ это по твоему ничего? ты такъ пожалуй продашь и платье твое и рубашки?

Петя. Разумѣется. — Я все готовъ былъ продать, чтобъ только имѣть по больше денегъ.

Даша. Вотъ хорошо оправдывается! а то, что ты не ночевалъ дома? На это что скажешь?

Петя. Да я одну только ночь....

Маша. (Перебивая) — И этого довольно! да ты какъ я вижу и въ самомъ дѣлѣ стоишь наказанія!

Даша. Не торопись обвинять; мы прежде должны спросить, зачѣмъ онъ продалъ часы и книги и не ночевалъ дома?

Петя. Я вамъ все разскажу какъ было и вы увидите виноватъ ли я или нѣтъ. — Намъ сказали, что въ сосѣдней деревнѣ будетъ ярмарка, директоръ школы позволилъ намъ идти туда погулять. Пришедши въ деревню, мнѣ захотѣлось пить, — я пошелъ въ пивную лавочку.

Маша. Вотъ гадость, въ пивную лавочку! значитъ ты пошелъ въ кабакъ?

Петя. Ахъ, какая ты нетерпѣливая! дай же мнѣ кончить. Въ то время какъ я пилъ....

*

Даша. (Прислушиваясь). Бѣда! пропали мы! дядя идетъ сюда.

Маша. Бѣги, Петя, скорѣй, бѣги!!...

Петя. Нѣтъ, я не убѣгу, — я хочу объясниться съ отцомъ.

Маша. Петя, другъ мой! ради Бога, сжалься надъ собой и надъ нами, — онъ теперь страшно сердитъ, онъ выгонитъ тебя изъ дому.

Петя. Нѣтъ! я хочу говорить съ отцомъ.

Даша. Мы все уладимъ, а ты только, пожалуйста, не мѣшай и слушайся насъ (отворяетъ шкафъ, вталкиваетъ туда Петю и запираетъ на ключь).

Сцена IX.

Даша. Это вы, дядя? что такъ скоро воротились съ прогулки?

Иванъ Ив. Я еще и не ходилъ,—ищу шляпу— чортъ возьми! куда она дѣвалась?

Маша. (Ища глазами). Да вотъ, она здѣсь! (бѣжитъ и подаетъ ему шляпу).

Иванъ Ив. А ты и не догадалась принести ее мнѣ?

Маша. Не понимаю, какъ это я ее не замѣтила?

Даша. Кто же можетъ думать вдругъ обо всемъ?

Иванъ Ив. Да что и говорить, у тебя такъ много есть о чемъ думать.

Даша. (Вздыхая). Охъ! мнѣ въ это время пришелъ въ голову бѣдный Петя....

Иванъ Ив. Перестанете-ли вы наконецъ вспоминать мнѣ объ этомъ негодномъ мальчишкѣ?

Даша. Ну хорошо, дядя, не будемъ говорить о немъ. Пойдемъ лучше гулять, — теперь такъ хорошо, тепло, — пойдемъ скорѣе, мой голубчикъ дядя, — пойдемъ.

Иванъ Ив. Нѣтъ, я уже раздумалъ; я такъ разстроенъ, — какая тутъ прогулка!....

Маша. (Въ сторону). Вотъ бѣда! что дѣлать?

Даша. (Въ сторону). О Боже! Петя такой нетерпѣливый, онъ долго въ шкафу не просидитъ.

Иванъ Ив. И притомъ мнѣ надо поговорить съ прежнимъ кучеромъ моимъ Осипомъ, — не знаю, зачѣмъ онъ пришелъ? Что ему нужно?

Маша и Даша. (Вмѣстѣ). Осипъ здѣсь? — да онъ можетъ подождать, какъ вы воротитесь съ прогулки.

Иванъ Ив. Нѣтъ, нѣтъ! я хочу скорѣе отъ него... (Маша и Даша говорятъ между собой потихоньку). Что вы тамъ шепчетесь? когда отецъ говоритъ съ вами, я думаю, вы должны слушать?

(Даша пробирается тихонько къ двери).

Даша! куда ты?

Даша (Смѣшавшись). Мнѣ.... я.... надо мнѣ въ столовую....

Иванъ Ив. Такъ скажи по пути Осипу, чтобъ пришелъ сюда. (Даша уходитъ).

Сцена X.

Иванъ Ив., Маша, Даша и Осипъ.

Маша. Папа! я привела Осипа.

Осипъ. Не извольте на меня гнѣваться, сударь, что я осмѣлился явиться къ вамъ на глаза, пришелъ просить вашей милости, — не откажите батюшка баринъ, — мнѣ теперь оченно нуженъ аттестатъ.

Иванъ Ив. Развѣ я его тебѣ не далъ?

Осипъ. Никакъ нѣтъ-съ! Вы только сказали мнѣ въ ту пору: «вотъ твои деньги, — пошель вонъ и не показывайся мнѣ на глаза!» а я и слова выговорить послѣ того не посмѣлъ, не то что ужъ просить аттестата.

Иванъ Ив. Ты и не стоишь, чтобъ я съ тобой церемонился. — Я думаю не забылъ, что ты сдѣлалъ съ моими новыми дрожками?

Осипъ. Ахъ, баринъ! кучеръ безъ кнута все равно что безъ головы. — Какъ же мнѣ было не сойдти, не поднять его? право и самъ не знаю, какъ это онъ у меня въ ту пору выпалъ изъ рукъ.

Иванъ Ив. Но будетъ объ этомъ, я все забылъ и не сержусь болѣе на тебя. Скажи-ка лучше, какъ поживаешь? и гдѣ?

Осипъ. Ахъ, сударь, съ тѣхъ поръ какъ васъ оставилъ, не было мнѣ счастья; не могъ найти мѣста, сударь.

Иванъ Ив. Зачѣмъ же ты не пришелъ ко мнѣ? ты знаешь, что я всякому готовъ помочь.

Осипъ. Я зналъ это, сударь, но какъ вспомню, бывало, ваши слова: «не показывайся мнѣ на глаза!» всякая смѣлость пропадетъ, — сами изволите знать.

Маша. Неужели все это время ты былъ безъ мѣста, Осипъ.

Осипъ. Охъ, милая барышня! здѣсь не городъ,— по деревнямъ живутъ все больше люди бѣдные и лошади-то у рѣдкаго есть. Я нанимался поденно на сѣнокосѣ вмѣстѣ съ женой, — а дѣтей посылали просить милостыню. Но мы, всѣ то вмѣстѣ заработывали такъ мало, что едва на хлѣбъ хватало. А какъ пора сѣнокоса прошла, мы какъ нищіе не знали куда приклонить голову, — ни хлѣба, ни пріюта. Бѣдная жена моя умерла съ горя. — Охъ, сударь, если бы вы знали какая она была добрая! При ней, бывало, все легче, и нужда и бѣда.... (плачетъ).

Даша. Бѣдный Осипъ! какъ мнѣ тебя жаль!

Осипъ. Но послушайте, милыя вы мои барышни, что случилось! Однажды вечеромъ я съ моими ребятишками пошелъ въ одну деревню, гдѣ была ярмарка, — думалъ тутъ заработать что нибудь. Господь сжалился и послалъ мнѣ своего ангела. — Моя дочка, Таня, подошла къ трактиру

просить милостыню. — Маленькіе барины Костя и Петя сидѣли у стола и пили пиво.

Иванъ Ив. Прекрасное занятіе и еще въ кабакѣ!..

Даша. Петю жажда мучила, дядя, — день былъ очень жаркій.

Осипъ. Петя тотчасъ же узналъ мою дочь, подошелъ къ ней, далъ ей стаканъ пива, и, отведя ее въ сторону, разспросилъ обо всемъ, — и потомъ велѣлъ проводить себя ко мнѣ. — Увидавъ Петю, — я чуть ума не лишился! Схватилъ его на руки и давай цѣловать моего голубчика, а самъ-то я былъ грязный, оборванный.... но онъ не побрезговалъ мною, — ласкалъ, обнималъ меня,— ажъ слезы брызнули изъ глазъ.

Маша. Ахъ, папа, я знаю теперь....

Иванъ Ив. Штъ!.... Слушай!

Осипъ. Я ему разсказалъ все, — а онъ въ слезы: это, говоритъ, моя вина, — я долженъ вмѣсто васъ просить милостыню, — но я, говоритъ, ни спать, ни ѣсть не буду, пока не помогу вамъ. Возьми, Осипъ, все что у меня есть, говорилъ онъ, вынимая изъ кармана деньги. — Я не хотѣлъ брать, — а онъ стиснулъ зубы, затопалъ ногами и, я думаю, прибилъ бы меня непремѣнно, если бы я не взялъ его кошелька.

Иванъ Ив. Сколько же было тамъ денегъ?

Осипъ. Около двухъ цѣлковыхъ. — Пусть не говорятъ, сказалъ онъ потомъ, что слуга моего

отца, на старости лѣтъ, живетъ милостыней. Найми себѣ пока квартиру. Черезъ три дня я приду опять къ тебѣ. А между тѣмъ я напишу отцу, — онъ слишкомъ добръ, чтобъ могъ оставить васъ въ нищетѣ.

Иванъ Ив. Онъ это сказалъ? И ты говоришь правду?

Осипъ. Богъ мнѣ свидѣтель, сударь, что я говорю правду.

Даша. Говори, говори, мы тебѣ вѣримъ.

Осипъ. «Что дѣлаютъ твои дѣти?» спросилъ меня потомъ Петя. — «Они просятъ милостыню», отвѣчалъ я. — А онъ мнѣ на то: «Осипъ, это не хорошо! дѣти твои привыкнутъ ничего не дѣлать. — Что ты не учишь сына какому нибудь ремеслу?» — «Да куда же поведу я ихъ въ такихъ лохмотьяхъ?» спросилъ я, — еслибы я могъ одѣть ихъ прилично, то сынишку отдалъ бы къ здѣшнему чеботарю въ науку, — онъ по старому знакомству можетъ не отказался бы его взять. Дочь тоже могъ бы помѣстить куда нибудь, если бы хоть немного денжонокъ.

Иванъ Ив. Чтожъ сказалъ на это Петя?

Осипъ. Ничего не сказалъ, сударь, — ушелъ. Но черезъ два дня приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «гдѣ живетъ тотъ чеботарь, которому ты хочешь отдать своего сына? проводи меня къ нему». — Петя поговорилъ что-то съ нимъ по-секрету. —

Потомъ, когда мы отошли на нѣсколько шаговъ отъ дому чеботаря, — онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ съ такою радостью: «добрый мой Осипъ, будь спокоенъ, дѣтямъ твоимъ будетъ хорошо! — ступай вонъ въ эту лавку, — тамъ, я думаю, все уже готово. И вотъ видите, сударь, этотъ кафтанъ, шаровары, шапка и платья для моихъ дѣтей, — все это мнѣ далъ купецъ и сказалъ, что деньги уже заплачены впередъ.

Даша. О милый, добрый нашъ Петя!

Маша. Вотъ каковъ мой братъ Петя!

Иванъ Ив. (Обтирая платкомъ то одинъ глазъ, то другой). Я знаю теперь куда дѣвались часы...

Осипъ. Но это еще не все! я и не замѣтилъ, какъ онъ опустилъ въ мой карманъ нѣсколько цѣлковыхъ, — и когда я хотѣлъ ихъ ему отдать — какъ разсердится, мой Петруша!.... «деньги, говоритъ, прислалъ тебѣ папа»! а когда я сказалъ, что пойду къ вашей милости поблагодарить васъ,— то онъ объявилъ мнѣ, что вы ни за что не сознаетесъ въ оказанной вами помощи, — и запретилъ являться къ вамъ. Но, сударь, сердце не вытерпѣло, — какъ не поблагодарить васъ за ваше благодѣяніе. — Вы спасли меня и дѣтей моихъ.

Иванъ Ив. О, Петя! сынъ мой! ты все также добръ и благороденъ какъ былъ! Нѣтъ, Осипъ, не мнѣ, а сыну моему ты всѣмъ обязанъ, — и это я говорю съ гордостію! — И ему же обязанъ ты

тѣмъ, что я снова принимяю тебя къ себѣ въ услуженіе. — О, этотъ ябедникъ Костя, — какъ я могъ ему повѣрить?

Маша. Я говорила тебѣ, папа, что Костя лгунъ и притворщикъ.

Иванъ Ив. (Съ ужасомъ вскакивая съ мѣста). О Боже! Я и забылъ! мнѣ писали, что Петя хотѣлъ бѣжать изъ училища? Гдѣ Петя? гдѣ теперь мой милый сынъ?Что если онъ узналъ о моемъ гнѣвѣ и съ отчаянія..... Осипъ на лошадь! скачи, ищи его....

Даша. (Удерживая Осипа). Постой, не ходи! (Къ дядѣ). Такъ вы, дядя, простите Петю, хотя бы онъ все свое платье продалъ?....

Иванъ Ив. Ахъ, хотя бы онъ продалъ все, все! и пришелъ бы въ одной рубашкѣ....

Маша. А еслибъ онъ былъ здѣсь, папа?

Иванъ Ив. (Съ радостію). Здѣсь? онъ здѣсь? гдѣ? говорите.

Осипъ. О, еслибъ онъ былъ здѣсь, я такъ и повалился бы ему въ ноги, благодѣтелю моему.

Даша. (Отворяя шкафъ). А загляни-ка сюда дядя!...

Сцена XI.

Иванъ Ив., Петруша, Маша, Даша, Осипъ.

(Петруша бросается на грудь отца; Осипъ, стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ ноги Пети; Маша и Даша, обнявшись, прыгаютъ вмѣстѣ).

Петя. Папа, ты прощаешь мнѣ все?

Иванъ Ив. (Растроганнымъ голосомъ). Простить тебя?.... Да, я люблю тебя болѣе прежняго!

Петя. (Обращаясь къ Осипу). Осипъ! ты не будешь теперь безъ хлѣба. — Какъ я счастливъ! я загладилъ вину мою предъ тобою....

Осипъ. (Махнувъ рукой). Эхъ, да что и вспоминать о томъ! голубчикъ мой, родимое ты мое дитятко! благодѣтель мой! Но только ужъ, ради Господа Бога, не просите меня впередъ ничего такого.... знаете.... а то, ей-Богу, отказать вамъ ни въ чемъ не могу! Прикажите мнѣ опять не только посадить васъ на козлы, да вотъ пойти къ рѣкѣ и броситься въ воду.... такъ сейчасъ же готовъ!....

Петя. О нѣтъ, Осипъ, теперь ужъ я буду остороженъ и не попрошу никогда ничего такого, что бы могло повредить кому бы то ни было.

Иванъ Ив. Ну, Осипъ, ты остаешься съ нами, иди, принимай въ свое распоряженіе мою конюшню. — Дѣтей твоихъ тоже мы не оставимъ....

(Осипъ плачетъ).

Петя, Маша, Даша. (Вмѣстѣ цѣлуя руки отца). О добрый, милый нашъ папа!

Осипъ. А лошадки! — бѣгу поглядѣть на моихъ лошадокъ.

(Онъ убѣгаетъ).

СКАЗКА.

Въ безконечныхъ пространствахъ міра, въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ вселенной, находилась одна небольшая планета, какъ она называлась — отгадаете сами.

На поверхности этой планеты было разсыпано многое множество зданій, совершенно одинаковой формы, — разница между ними была только въ размѣрахъ, да и то не большая. И притомъ это были не простыя зданія, какіе мы обыкновенно привыкли видѣть — о, нѣтъ! На этой планетѣ зданія были живыя, ходячія, — онѣ бѣгали, суетились, сталкивались другъ съ другомъ, однѣ вырастали какъ грибы, другія разбивались въ дребезги.

Какъ снаружи, такъ и внутри построены онѣ были по одному плану и образцу. Бель-этажъ, называемый главой, находился на самомъ верху, — тутъ жилъ владѣлецъ съ своимъ семействомъ. По срединѣ, называемой Корпусомъ, помѣщалась кладовая для съѣстныхъ припасовъ. Нижнее жилье подъ именемъ Ногъ заключало въ себѣ помѣщеніе для слугъ, употребляемыхъ на посылки. Во

флигеляхъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ зданія и называемыхъ руками, жили работники или мастеровые, занимающіеся по приказанію владѣльца разными работами и издѣліями.

Кто жилъ въ этихъ убѣжищахъ и какъ? Это мы сейчасъ узнаемъ, если проникнемъ во внутренность перваго, попавшагося намъ на пути зданія. А такъ какъ всѣ онѣ построены на одинъ образецъ, — то и обитатели этихъ жилищъ должны быть тоже похожи другъ на друга.

Разсудивъ такимъ образомъ, мы взошли въ ближайшее къ намъ зданіе.

Зданіе это называлось замкомъ Мудрости,—владѣльцемъ его былъ могущественный господинъ, извѣстный подъ именемъ Разума. Вмѣстѣ съ нимъ жили нѣжно любимыя имъ сестры, — ихъ было четыре: первая называлась Мысль, вторая Воля, третья Чувство, четвертая Совѣсть, и всѣ были чрезвычайныя красавицы. Но въ сестрѣ Совѣсти, кромѣ ея красоты, было что-то необыкновенное. Она внушала всякому изъ членовъ своего семейства такое глубокое уваженіе, что каждое слово ея называлось—гласомъ Божіимъ. Взглянетъ она ласково, улыбнется, — всѣ сдѣлаются счастливы и веселы; опечалится, заплачетъ, — всѣ плачутъ и страдаютъ. Ничто не могло сравниться съ ослѣпительной бѣлизной ея одежды, — ни одна пылинка, ни одно пятнышко не приста-

вали къ ея вѣчно чистому и свѣжему платью. Совѣсть никогда не оставляла замка Мудрости,— скромная, тихая, ходила она неслышными стопами подъ кровлею своего жилища, имѣя постоянно въ рукахъ своихъ книгу закона, которая ей вручена была самимъ Богомъ. Въ книгѣ этой огненными буквами написано было только два слова: «Союзъ и Гармонія», а въ нихъ заключался весь законъ для обитателей замка Мудрости, — каждый, кто нарушилъ этотъ законъ, считался преступникомъ и виною общаго несчастія. Наказаніе свое онъ находилъ въ незаслуженныхъ мученіяхъ невинной сестры своей Совѣсти.

У каждаго была своя особенная обязанность, хотя труды всѣхъ стремились къ одной и той же цѣли.

Обязанность Мысли было думать, Воли дѣлать, Чувства любить, Разумъ судилъ и рѣшалъ, Совѣсть награждала или наказывала: награждала она улыбкой, наказывала слезой.

Содѣйствовать и помогать другъ—другу считалось первою и главною заповѣдью закона. Въ замкѣ Мудрости деспотизма не было, и никто не осмѣливался стѣснять свободу другаго границами своего собственнаго убѣжденія.

Подъ покровительствомъ этого семейства воспитывалось одно прелестное дитя, у котораго не было ни отца, ни матери. Какимъ образомъ и от-

куда появилось оно въ замкѣ? Этого не могли себѣ объяснить не только сестры, но даже и самъ Разумъ. Какъ во снѣ помнили онѣ только то, что въ одинъ грустный, пасмурный день, когда все семейство было въ какомъ то печальномъ настроеніи духа, въ стѣнахъ ихъ жилища вдругъ раздался свѣжій, веселенькій голосъ и вслѣдъ за тѣмъ вбѣжало прелестное какъ ангелъ дитя, и стало играть, рѣзвиться, — такъ что и сами они развеселились.

Съ тѣхъ поръ обитатели замка полюбили это малое дитя и уже не разставались съ нимъ, хотя подъ часъ и очень тяжело было съ нимъ ладить, потому что при всей своей миловидности и красотѣ оно было иногда очень прихотливо и капризно. Только одной сестрѣ, Совѣсти, дитя покорялось охотно и безпрекословно. Рѣзвый шалунъ не иначе подбѣгалъ къ ней какъ на цыпочкахъ, сядетъ скромно у ея ногъ и по цѣлымъ часамъ иногда смотритъ на нее, ждетъ ея свѣтлой улыбки; сколько разъ спрашивали его: «откуда ты? кто ты? какъ ты къ намъ забѣжалъ?» — дитя никакъ не хотѣло отвѣчать на подобные вопросы, — казалось, оно само себя не понимало и не знало своего происхожденія, сказало только, что оно называется: Воображеніемъ.

— Воображеніе!.:. повторили сестры, — какъ пріятно звучитъ это имя.

— Но все таки я придумать не могу, сказала Мысль, откуда взялось оно и все о немъ думаю.

— А я, сказала Воля, невольно слѣжу за нимъ всюду, куда бы оно не побѣжало.

— Ты только слѣдишь, сказала сестра Чувство, а я ужъ люблю его такъ, что мнѣ становится страшно!

— Смотрите! сказалъ Разумъ, не испортите это милое дитя, — будьте съ нимъ осторожны!...

Однажды прекрасная дѣвица Мысль удалилась въ тихій уголокъ замка и, прикрывшись воздушнымъ вуалемъ, похожимъ на легкое облачко, сидѣла облокотясь на локтяхъ и думала. — Какъ вдругъ на порогѣ ея убѣжища показался братъ ея Разумъ и спросилъ:

— Возлюбленная сестра моя, Мысль, скажи мнѣ о чемъ ты думаешь?

— Миленькій братъ мой, Разумъ! зачѣмъ ты меня спрашиваешь? Неужели ты думаешь, что я не знаю своей обязанности? Съ тѣхъ поръ какъ я существую, отъ самаго младенчества и до полнаго моего развитія, ты всегда былъ моимъ наставникомъ и руководителемъ, съ каждой моей думой я шла къ тебѣ и подвергала ее твоему суду и рѣшенію. Я придумала, — ты обдумаешь и рѣшишь, — не всегда ли такъ бывало?

— Сестра моя! слова твои суть ни что иное какъ святая истина. Воспитывая тебя и другихъ

сестеръ моихъ подъ тихимъ и спокойнымъ кровомъ замка Мудрости, нашего общаго жилища, я только исполнялъ свой долгъ. Творецъ міра возложилъ на меня великія обязанности. Предупреждать зло, взвѣшивать на вѣсахъ справедливости каждый твой помыселъ, предпріимчивая сестра моя, Мысль, — каждое стремленіе настойчивой сестрицы Воли, каждую привязанность нѣжной какъ голубки сестры нашей Чувства, — а потомъ съ благоразумною осторожностію слѣдить за исполненіемъ нашего общаго дѣла, направлять все къ полезной и доброй цѣли и ждать награды или наказанія въ приговорѣ святой сестры нашей Совѣсти....

— Братъ мой! извини, что прерываю тебя, — все что ты сказалъ мнѣ уже давно извѣстно: но признаюсь тебѣ, извѣстное меня занимаетъ очень мало, — я хотѣла бы все бѣжать впередъ и впередъ, — открывать новыя средства къ дальнему развитію нашей силы и дѣятельности и проникнуть наконецъ во врата неизвѣсной намъ страны, которая называется Будущностію.

— Возлюбленная Мысль! предпріятіе твое мнѣ нравится, но въ страну Будущности попасть не легко! опасностей и препятствій пропасть! Надо прежде выдержать борьбу съ однимъ страшнымъ чудовишемъ, — а его отыскать очень трудно, потому что оно владѣетъ способностью жить въ одно и тоже время въ разныхъ мѣстахъ,

убьешь его тутъ, — а оно выскочитъ тамъ! Чудовище это называется **Зломъ**, и говорятъ особенно не любитъ тѣхъ, которые хотятъ проникнуть въ Будущность.

— Когда такъ, воскликнула Мысль, то мы должны идти отыскать это чудовище и уничтожить его во что бы то ни стало! чѣмъ труднѣй борьба, тѣмъ славнѣй побѣда! Объ этомъ я думала до твоего прихода и теперь прошу тебя рѣшить это дѣло.

Видя непреклонность сестры своей, Разумъ вытащилъ изъ кармана вѣсы справедливости и взвѣсилъ то что говорила ему Мысль.

— Намѣреніе твое оказывается справедливымъ, сказалъ онъ, а потому я готовъ содѣйствовать тебѣ всѣми моими силами, но безъ сестры Воли мы ничего не можемъ сдѣлать. — Но вотъ и она.

Въ растворенную дверь взошла Воля и сказала шутливо:

— А! Его благоразуміе Разумъ и ея свѣтлость Мысль бесѣдуютъ вмѣстѣ!... Ну, значитъ сестрѣ ихъ Воли предстоитъ работа. — Говорите, я готова, прибавила она, постукивая своими золотыми туфельками.

— Возлюбленная сестра наша Воля! мы хотимъ уничтожить зло? сказали въ одинъ голосъ Разумъ и Мысль, — и ты своей рукой должна будешь въ критическую минуту нанести рѣшительный послѣдній ударъ чудовищу.

*

— Но безъ сестры нашей Чувства — мы ничего не сдѣлаемъ, отвѣтила Воля, она одна умѣетъ согрѣть и оживить каждое наше дѣло, — при ней какъ-то все кажется легко, самая опасность имѣетъ свою прелесть, самый тяжелый трудъ превращается въ удовольствіе. — Ахъ вотъ! я вижу, она бѣжитъ сюда по дорожкѣ.... вслѣдъ за ней несутся облачка, летятъ птички, цвѣты повернули къ ней свои душистыя головки и шлютъ ей ароматные вздохи... Вотъ, она ужъ близко!... Вотъ и она.

Дѣйствительно въ эту самую минуту впорхнула Чувство, поцѣловала въ чело Мысль, поглядѣла нѣжно въ очи Разума, обняла ласкаво Волю— и защебетала и заворковала....

Когда же ей сказали объ этомъ замыслѣ, —

— О, я васъ не покину! воскликнула она. Идемъ на погибель чудовища! Идемъ на погибель зла! за святое дѣло и смерть не страшна, — если мы умремъ, за то другіе братья наши будутъ счастливы!...

— Идемъ на погибель зла! повторили хоромъ братъ и сестры.

— Идемъ!.... Идемъ!.... отвѣтило имъ эхо изъ стѣнъ замка.

Но увы! и въ замкѣ Мудрости случаются своего рода бѣды и несчастія.

Вдругъ, откуда ни взялось рѣзвое дитя Вообра-

женіе, вбѣжало въ комнату, вскочило на столъ, на стулъ, на окно и потомъ, кивнувъ головкой спрыгнуло въ садъ и побѣжало по дорожкѣ, покрытой цвѣтами. Прекрасныя сестрицы Мысль и Чувство тоже прыгъ въ окно! да за нимъ и погнались. — Сестра Воля тоже не отстала отъ другихъ, выбѣжала въ дверь и послѣдовала за ними.

Его благоразуміе Разумъ остался одинъ. Онъ стоялъ у окна, смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и, покачавъ головой, сказалъ:

— Забыли дѣло и погнались за взбалмошнымъ ребенкомъ!.... куда онъ ихъ заведетъ, они и сами того не знаютъ. Забѣгутъ въ лѣсъ, заблудятся, какъ будто не знаютъ, что въ лѣсу есть опасные звѣри, извѣстные подъ именемъ Страстей. Придется мнѣ идти ихъ отыскивать и убѣдить возвратиться домой, въ замокъ Мудрости.

Обдумавъ планъ своихъ дѣйствій, и накинувъ на плеча мантію Силы, пошелъ онъ отыскивать сестеръ и шелъ своей ровной, твердой поступью по той же самой дорожкѣ, по которой онѣ убѣжали. Но увы! дорожка эта приняла совсѣмъ другой видъ, — цвѣты завяли, трава пожелкла, съ деревьевъ спали листочки, всюду уныло и пусто. — Разумъ былъ угрюмъ и печаленъ.

— Что если я не отыщу своихъ сестеръ? разсуждалъ онъ самъ съ собою, — безъ нихъ, при всемъ своемъ могуществѣ, я....

Но не успѣлъ онъ кончить своей рѣчи, какъ вдругъ раздался въ воздухѣ дикій, пронзительный крикъ и вслѣдъ за тѣмъ онъ увидѣлъ огромную птицу, медленно спускавшуюся на землю. Это былъ царь пернатыхъ — орелъ. Отъ вѣянья его могучихъ крыльевъ поднялся такой вѣтеръ, что Разумъ при всемъ своемъ полновѣсіи — поколебался.

Но орелъ уже близко, — вотъ онъ уже спустился на землю и предсталъ во всей своей красѣ и силѣ. На главѣ пернатаго царя сіяла алмазная корона — и что это была за корона!.... Разумъ такъ и впился въ нее глазами!

— Вотъ она! воскликнулъ онъ съ восторгомъ, — она, корона славы!.... Какой блескъ! Какое величіе! Что солнце въ сравненіи съ нею! О, никогда, никогда даже во снѣ не видалъ я ее такъ близко!.... Корона, дивная корона славы! И чтожъ? чью голову она вѣнчаетъ? Какой-то ничтожной твари, похожей на глупаго индюка! А какъ бы она шла къ моему разумному челу! да оно такъ и слѣдуетъ: кому слава, кому корона какъ не могущественному Разуму? она принадлежитъ мнѣ по праву! Она моя!....

И съ этимъ словомъ онъ бросился къ орлу, и вотъ, вотъ, онъ уже коснулся дрожащею рукою до короны, — она его.... но дрогнули крылья, напряглись какъ парусъ и орелъ испустилъ дикій насмѣшливый крикъ, поплылъ въ воздушное море...

Летѣлъ онъ тихо, такъ близко къ землѣ, что Разуму показалось будто онъ можетъ догнать, схватить и уничтожить эту презрѣнную птицу. И погнался онъ за орломъ, или лучше сказать за короною славы, — бѣжалъ, бѣжалъ, и не замѣтилъ какъ спала съ плечъ его мантія Силы, какъ выпали изъ кармана вѣсы справедливости.... А вслѣдъ за нимъ прыгала какая-то сорока и помирала со смѣху....

Измучивъ господина Разума ужаснымъ образомъ, — орелъ потомъ взвился подъ облака и былъ таковъ!

Разгоряченный Разумъ остановился. Гдѣ орелъ? Гдѣ корона славы? Все исчезло! — предъ нимъ одна унылая степь, да хохотъ глупой сороки....

Безумецъ! что я сдѣлалъ? воскликнулъ Разумъ потрясающимъ голосомъ, погнался за славой и забылъ мою цѣль! мою обязанность! Бѣдныя сестры, что съ вами? гдѣ вы теперь?

И не смотря на ужасное утомленіе, онъ отправился отыскивать сестеръ и въ скоромъ времени достигъ того опаснаго мѣста, гдѣ находились берлоги разныхъ звѣрей и чудовищъ. — И вдругъ глазамъ его представилось ужасное зрѣлище!

Мысль была въ когтяхъ надутаго, задыхавшагося отъ жиру звѣря — Гордости.

Около Воли обвивалась гадкая змѣя Лѣность и

такъ сжимала ее своими кольцами, что та и пальчикомъ пошевелить не могла.

Къ Чувству прильнулъ какой-то крылатый, слѣпой звѣрекъ, вооруженный стрѣлами, и толкалъ сію прелестную дѣвицу въ ужасную пропасть.

Надо между прочимъ сказать, что Разумъ обладалъ однимъ удивительнымъ свойствомъ: силою своего взгляда онъ могъ укрощать самыхъ свирѣпыхъ звѣрей, самыя дикія страсти. Онъ это зналъ хорошо, а потому, подойдя къ сестрѣ Мысли, онъ устремилъ свое проницательное око прямо въ глаза пузатой Гордости, — и въ одну минуту звѣрь присѣлъ, принялъ униженную позу и выпустилъ изъ когтей своихъ Мысль, которая бросилась къ брату и вмѣстѣ съ нимъ пошла освобождать другихъ сестеръ.

Но змѣя Лѣность еще издали замѣтилъ приближеніе Разума, сейчасъ же выпустила свою добычу и медленно поползла въ какую-то яму. Освобожденная Воля тоже присоединилась къ сестрѣ Мысли и брату Разуму и всѣ втроемъ пошли на спасенье третьей сестры. Разумъ выступилъ впередъ, а Мысль и Воля стояли въ сторонѣ и ждали что будетъ.

Но тутъ не такъ-то легко было одержать побѣду, потому что крылатый звѣрекъ былъ слѣпъ, и проницательный взглядъ Разума не дѣйствовалъ на него.

Вдругъ, виновникъ всѣхъ этихъ бѣдъ, шалунъ Воображеніе выскочилъ изъ лѣсу, подбѣжалъ къ слѣпому звѣрку, потормошилъ его за крылышки и, сдѣлавъ ему какую-то смѣшную гримасу, опять скрылся.

Звѣрекъ разсердился и со злости отпрыгнулъ въ сторону, да нечаянно и столкнулся съ Разумомъ, — это ему ужасно не понравилось; съ досады онъ схватилъ свой лукъ, натянулъ тетиву и пустилъ стрѣлой въ его благоразуміе, но промахнулся и со стыда вспорхнулъ крыльями и улетѣлъ!

Братъ и сестры избавились наконецъ отъ всѣхъ несчастій; но Боже! какъ они перемѣнились въ это короткое время! Бѣдный Разумъ, потерявъ мантію Силы, чувствовалъ такую слабость, что едва, едва держался на ногахъ. Мысль была уныла и грустна, ей хотѣлось убѣжать отъ самой себя и исчезнуть. Воля замѣтно прихрамывала, Чувство задумчиво, безсознательно глядѣла вокругъ и казалось хотѣла очнуться изъ какого-то непонятнаго для нея сна....

Наконецъ Разумъ первый нарушилъ общее молчаніе, длившееся довольно долго. Оскорбленный, униженный, онъ началъ упрекать своихъ сестеръ, называлъ ихъ тщеславными, лѣнивыми, вѣтренными дѣвчонками, а тѣ, тоже въ долгу не остались — и началась ссора, да еще какая!

Вдругъ, въ это время пронеслось густое, черное облако пыли, — разсѣялось, — но на его мѣстѣ стояло такое ужасное чудовище, что братъ и сестры онѣмѣли отъ страха, чудовище это было то самое Зло, на погибель котораго они собирались идти соединенною силою. Въ отвратительныхъ лапахъ своихъ оно держало большущаго чернаго кота—Раздора, а около ногъ извивался предлинный червякъ — Ничтожество.

— Чего же вы такъ испугались? зашипѣло чудовище, — какъ? вы сами меня вызвали, а теперь я вамъ не нравлюсь? вотъ вы каковы! А зачѣмъ погнались за избалованнымъ Воображеніемъ и забѣжали въ мои владѣнія? Мысль поддалась Гордости, Воля — Лѣности, Чувство подставило ушко къ льстивымъ словцамъ привлекательнаго звѣрка моего Купидона, Разумъ погнался за славой и потерялъ мантію силы? Всѣ эти дѣйствія были для меня сигналомъ — и вотъ я явилось! Вы хотѣли идти отыскивать меня по цѣлому свѣту, — но знайте, разъ на-всегда, что зла нѣтъ на свѣтѣ, но вы, вы сами своими дурными поступками создаете меня и я являюсь какъ неизбѣжное послѣдствіе вашихъ собственныхъ недостатковъ. И такъ, понимаете ли вы мои права надъ вами? Вы мои, потому что я ваше, — ваше созданье. — У чудовища Зла есть тоже свои законы, воспрещающіе ему всякій доступъ къ тѣмъ кто идетъ по пути добра и прав-

ды,—ну, родня моя, полно трусить! Сегодня мнѣ праздникъ, давайте плясать и веселиться!....

Сказавъ это, чудовище перекувыркнулось и захохотало такъ страшно, что лѣсъ застоналъ отъ ужаса, а изъ пасти Зла начали выскакивать лягушки, ящерицы и разныя гадины, и градомъ посыпались на сестеръ и брата.

Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось, но въ это время Совѣсть, отъ которой ничто не могло скрыться, страдая ужасно за сестеръ и брата, — вздохнула.... Вздохъ ея въ видѣ голубя полетѣлъ на помощь страдающимъ, отыскалъ мантію силы и накинулъ ее на плечи Разума. Разумъ воспрянулъ!... Почувствовавъ въ себѣ мощь и отвагу и раскинувъ широко свою мантію, такъ чтобы и сестры могли подъ нее пріютиться, онъ кинулся вмѣстѣ съ ними на чудовище Зло, и Воля подняла уже руку, чтобы нанести ему послѣдній, рѣшительный ударъ, — но, о чудо!!! Зло превратилось въ дымъ — и исчезло!

Голубокъ между тѣмъ преобразился въ ангела хранителя и сказалъ:

— Идите за мною, подъ моей защитой вы безопасно достигнете замка Мудрости. Но доведя ихъ до вратъ жилища, — онъ остановился:

— Прощайте! проговорилъ онъ тихо, теперь я вамъ не нуженъ, — Совѣсть вамъ меня замѣнитъ!

И съ этимъ словомъ полетѣлъ и скрылся въ лазурномъ небѣ.

Но какъ взойдти въ замокъ Мудрости? Какъ приблизиться къ Совѣсти?

— Не мы ли причиною ея страданій? говорили, рыдая, братъ и сестры. Видѣть слезы этой святой, невинной сестры, которой одинъ вздохъ спасъ насъ отъ заблужденій и опасностей! Но если мы оставимъ ее теперь, — она умретъ подъ гнетомъ нашего несчастія, и въ замкѣ Мудрости останется одинъ ея трупъ?!.. О! это было бы ужаснымъ несчастіемъ! Идемъ въ убѣжище святой Совѣсти! Идемъ! Идемъ! повторили хоромъ братъ и сестры.

Но Совѣсть уже шла къ намъ на встрѣчу, и хотя по лицу ея катились слезы наказанія, слезы возмездія, но объятія ея были открыты, а уста произносили съ любовью:

— *Пріидите ко мнѣ всѣ грѣшные земли и я васъ успокою!*

И когда братъ и сестры, со стономъ раскаянія припали къ ногамъ ея, — слезы Совѣсти тяжелыми, свинцовыми каплями упадали на ихъ склоненные головы и причиняли имъ ужасныя мученья.

— Довольно, сказала Совѣсть, — довольно страдать, — надо дѣйствовать всѣмъ вмѣстѣ: вмѣстѣ мы сила, порознь — ничто!

Въ эту минуту чудное золотистое облачко спустилось на землю и оттуда чей то гласъ повторилъ слова Совѣсти: «Вмѣстѣ вы сила, порознь — ничто».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА

поступили въ продажу слѣдующія книги:

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ, **Ф. Шлоссера.** Томъ V. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА, **Гервинуса.** Спб. 1862. Ц. 50 к.; для покупающихъ его съ однимъ изъ томовъ «Исторіи» 30 к., на перес. за 1 фунтъ.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ, **Ф. Шлоссера.** Томы I, II, III и IV, каждый по 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г. **Гарнье-Паже.** Франція. Томъ I: Паденіе Іюльской Монархіи. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Тожъ, Итальянская революція. Одинъ томъ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАКОЛЕЯ. Томъ VII. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Тожъ. Томъ I, съ портретомъ автора. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Тожъ. Томъ II, III и IV, каждый по 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ, **Куно-Фишера.** Томъ I. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

БОРЬБА ЗА ПОЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ВЪ 1733 году. Соч. **В. Герьо.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный русскими учеными и литераторами. Томъ V. Антра—Аѳ. Спб. 1862. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 4 р.

СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА подъ турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Соч. **К. Базили.** Одесса. 1862. 2 тома. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ. Сочиненіе **Людовика Бюхнера,** автора «Kraft und Stoff». Переводъ С. А. Усова. Москва, 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

РАСТЕНІЕ и ЕГО ЖИЗНЬ, популярное чтеніе профессора **М. І. Шлейдена.** М. 1862 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Сочиненіе **Гартвига**, автора «Море и его жизнь» М. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА или планетные и звѣздные міры. Сочиненіе **Митчелля**. Изданіе второе. М. 1862. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

